

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

С.Б. Велединская

КУРС ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

*Рекомендовано в качестве учебного пособия
Редакционно-издательским советом
Томского политехнического университета*

Издательство
Томского политехнического университета
2010

УДК 81'25(075.8)

ББК Ш107я73

В27

Велединская С.Б.

В27 Курс общей теории перевода: учебное пособие / С.Б. Велединская; Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 230 с.

В пособии излагаются основные положения лингвистической теории перевода, необходимые для подготовки переводчика: краткая история перевода и переводческой мысли, понятие межъязыковой коммуникации и перевода как коммуникативного акта, характеристика языковых и речевых аспектов перевода, понятия переводческой эквивалентности, факторы, определяющие процесс перевода, переводческие трансформации, прагматические аспекты перевода. В качестве иллюстративного материала широко используются примеры на трех иностранных языках: английском, немецком, французском, а также материал, любезно предоставленный практикующим переводчиком А.В. Шевчуком.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 031202 «Перевод и переводоведение».

УДК 81'25(075.8)

ББК Ш107я73

Рецензенты

Кандидат филологических наук, доцент ТГПУ

И.Е. Козлова

Кандидат филологических наук, доцент ТГУ

О.В. Нагель

© ГОУ ВПО НИ ТПУ, 2010

© Велединская С.Б., 2010

© Обложка. Издательство Томского политехнического университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК НАУКА	8
ТЕМА 1. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА	8
Лекция 1. Теория перевода как самостоятельная наука	8
1.1. Определение понятия «перевод»	8
1.2. Теоретические основы выделения переводоведения в самостоятельную науку. Особенности объекта и предмета современной теории перевода	12
1.3. Разделы науки о переводе	15
1.4. Задачи современной теории перевода	17
Лекция 2. Теория перевода как лингвистическая дисциплина	18
2.1. Структурная лингвистика и перевод	18
2.2. Социальная парадигма как научная основа сближения теории перевода и лингвистики	21
2.3. Общая проблематика и методология теории перевода и лингвистики	23
2.4. Перевод и различные разделы лингвистики	26
Лекция 3. Перевод и другие смежные науки социального цикла	28
3.1. Перевод и социолингвистика	29
3.2. Перевод и психолингвистика	30
3.3. Перевод и семиотика	32
Вопросы для самоконтроля и задания к разделу I	35
РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	36
ТЕМА 2. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕ	36
Лекция 4. Зарождения перевода и переводческой мысли	36
4.1. Зарождение переводческой деятельности. Перевод в Древнем Египте и Вавилоне	36
4.2. Перевод в античные времена. Первые теоретические рассуждения о переводе	39
4.3. Перевод в средние века. Перевод Библии как отражение основных тенденций средневекового перевода	43
4.4. Перевод в эпоху Возрождения	45
Лекция 5. Перевод в Европе XVII–XIX вв.	48
5.1. Классицистический перевод XVII–XVIII вв.	49
5.2. Романтический период в переводе	54
5.3. Теория непереводимости В. фон Гумбольта	56

ТЕМА 3. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ	57
Лекция 6. Зарождение переводческой деятельности в России (от Древней Руси до конца XVII века)	57
6.1. Перевод в Средневековой Руси (X–XV вв.)	57
6.2. Древнерусский перевод в XVI в. Деятельность Максима Грека	61
6.3. Тенденции в развитии перевода и переводческой мысли в XVII столетии	63
Лекция 7. Перевод в России XVIII–XIX веков	67
7.1. Перевод в эпоху Петра I	67
7.2. Развитие перевода в послепетровское время, организация переводческого дела в России XVIII века	69
7.3. Русский перевод конца XVIII века. Переводческая деятельность М.В. Ломоносова (1711–1765), А.П. Сумарокова (1717–1777), В.К. Тредиаковского (1703–1769), Н.М. Карамзина (1766–1826) и развитие русского перевода	71
7.4. Переводческая деятельность в XIX веке. Поэтический перевод	75
7.5. Переводческая деятельность в России советского периода	79
Вопросы для самоконтроля к разделу II	83
РАЗДЕЛ III. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД	85
ТЕМА 4. Лекция 8. Понятие межъязыковой коммуникации. Перевод как коммуникативный акт	85
8.1. Понятие коммуникации и коммуникативного акта. Схема Р. Якобсона	85
8.2. Схема перевода как акта межъязыковой коммуникации	88
8.3. Коммуникативная равнозначность текстов оригинала и перевода	91
8.4. Функции переводчика в акте межъязыковой коммуникации	93
8.5. Перевод и другие виды межъязыкового посредничества	95
Вопросы для самоконтроля к разделу III	97
РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА	98
ТЕМА 5. ЯЗЫКОВЫЕ И РЕЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА	98
Лекция 9. Знаковая природа языка и перевод	98
9.1. Лингвистические основы проблемы переводимости	98
9.2. Семиотические основы языка: семантика, прагматика, синтактика языкового знака и перевод	102
Лекция 10. Текст и перевод	108
10.1. Текст как центральное звено коммуникативного акта перевода	108

10.2. Текстовая импликация и перевод	111
10.3. Информативность текста. Виды текстовой информации и перевод	113
10.4. Функции текста и понятие инварианта перевода	116
ТЕМА 6. ПОНЯТИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ	120
Лекция 11. Критерий эквивалентности в истории переводческой мысли	120
11.1. Эквивалентность как оценочный критерий перевода	120
11.2. Взгляды на эквивалентность в истории переводоведения	122
11.3. Иерархическая модель эквивалентности В.Н. Комиссарова	126
Лекция 12. Теория эквивалентности и адекватности	
А.Д. Швейцера	129
12.1. Уровневая модель коммуникативно-прагматической эквивалентности А.Д. Швейцера	129
12.2. Адекватность перевода. Соотношение понятий эквивалентности и адекватности в отношении перевода	135
Вопросы для самоконтроля к разделу IV	137
РАЗДЕЛ V. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА, И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ	139
ТЕМА 7. ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ	139
Лекция 13. Безэквивалентная лексика и способы передачи иноязычных реалий	139
13.1. Безэквивалентная лексика как проблема перевода	139
13.2. Транскрипция и транслитерация как способы передачи реалий	141
Лекция 14. Приемы перевода безэквивалентной лексики	147
14.1. Калькирование как прием перевода	147
14.2. Описательные приемы перевода безэквивалентной лексики	151
14.3. Смешанные приемы перевода реалий в переводческой практике	153
Вопросы и задания к теме 7	154
ТЕМА 8. ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЯЗЫКОВ	155
Лекция 15. Типология грамматических соотношений оригинала и перевода	155
15.1. Наличие в подлиннике элемента, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода	156

15.2. Наличие в языке перевода элементов, которым нет соответствия в языке оригинала	158
15.3. Формальное соответствие грамматических элементов оригинала и перевода при различии выполняемых ими функций. Понятие интерференции в переводе	158
Лекция 16. Грамматические трансформации	162
16.1. Дословный перевод	162
16.2.1. Членение и объединение предложения	163
16.2.2. Грамматические замены	164
16.3. Переводческие приемы, сопровождающие грамматические трансформации	168
16.3.1. Приемы опущения и развертывания на морфологическом и синтаксическом уровнях	169
16.3.2. Прием перестановки	171
Вопросы и задания к теме 8	172
ТЕМА 9. СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОД	173
Лекция 17. Факторы, обусловленные спецификой семантической организации языков (по А.В. Бондарко)	173
17.1. Избирательность языков по отношению к явлениям внеязыкового мира	173
17.2. Модификация понятийной основы языковых единиц в исторически сложившихся условиях. Ложные эквиваленты	176
17.3. Сочетание денотативных и коннотативных элементов значения сопоставляемых языковых единиц	177
17.4. Дискретное и недискретное представление содержания	178
17.5. Соотношение эксплицитных и имплицитных содержательных элементов сопоставляемых единиц	179
Лекция 18. Лексико-грамматические и лексические трансформации	181
18.1. Лексико-грамматические трансформации конкретизации и генерализации	181
18.2. Модуляция или смысловое развитие	184
18.3. Лексические трансформации	187
Вопросы и задания к теме 9	189
РАЗДЕЛ VI. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА	191
ТЕМА 10. Лекция 19. Субъективные факторы, определяющие процесс перевода	191
19.1. Прагматический потенциал текста и прагматика перевода	191

19.2. Переводческая адаптация как учет особенностей рецепторов перевода.	194
ТЕМА 11. Лекция 20–21. Прагматический потенциал отдельных текстовых элементов и его передача при переводе	200
20.1. Понятие текстовой прагмемы и подходы к ее переводу	200
20.2. Перевод образных слов и метафорических единиц	203
Лекция 21. Прагматический потенциал отдельных текстовых элементов и его передача при переводе (продолжение)	207
21.1. Приемы перевода фразеологизмов	207
21.2. Перевод иноязычных вкраплений	213
21.3. Перевод сокращений. Проблема благозвучности перевода	216
Вопросы и задания к разделу VI	223
Приложение	
Основные понятия теории перевода и их определения	224
Список сокращений	226
Список литературы	227

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК НАУКА

Тема 1. Современная теория перевода

Лекция 1. Теория перевода как самостоятельная наука

План лекции:

- 1.1. Определение понятия «перевод»
- 1.2. Теоретические основы выделения переводоведения в самостоятельную науку. Особенности объекта и предмета современной теории перевода
- 1.3. Разделы науки о переводе
- 1.4. Задачи современной теории перевода

1.1. Определение понятия «перевод»

Перевод – особый вид духовной деятельности человека, направленный на языковое посредничество, т. е. преодоление барьеров в человеческом общении, связанных с языковым разнообразием. Восходя к глубокой древности, перевод всегда играл существенную роль в истории развития как мировой культуры в целом, так и в истории развития отдельных народов. Однако примерно с середины XX столетия, после окончания Второй мировой войны, благодаря резко возросшей интенсивности международных контактов переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах. Можно констатировать, что сегодня мы живем в эпоху перевода.

Что же такое «перевод»? Слово «перевод» принадлежит к числу общеизвестных, общеупотребительных и общепонятных языковых единиц. Однако, употребленное в качестве термина, характерного для научного знания, оно требует уточнения и научного определения. Какое бы из многочисленных определений перевода мы не взяли, мы неизменно столкнемся с тем, что оно вбирает в себя одновременно как понятие процесса или деятельности, так и понятие результата данной деятельности.

Возьмем для примера определение, данное отечественным ученым Р.К. Миньяром-Белоручевым: перевод – процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), пересоздается на другом – переводящем – языке (ПЯ).

Перевод – результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на языке перевода¹.

Безусловно, два понятия, выражаемые двумя терминологическими значениями слова «перевод», соотносимы и взаимосвязаны; первое постоянно предполагает второе. Характером процесса протекания перевода, если известны его этапы или отдельные моменты, могут быть объяснены те или иные особенности речевого произведения, ставшего его результатом, и, наоборот, на основании особенностей перевода, как результата, в его соотношении с оригиналом могут делаться предположения о специфике протекания процесса перевода.

Два способа трактовки понятия «перевод» породили две принципиально отличные исследовательские позиции, распространившиеся на рубеже XX–XXI веков. Первая состоит в анализе соотношения перевода с оригиналом, как двух связанных между собой речевых произведений, как двух данностей – с учетом их специфики и выявления на основе анализа закономерностей переводческого процесса (лингвистический подход); вторая – в исследовании процесса перевода и попытках его моделирования (с помощью схем), а также прогнозирования возможных вариантов его реализации – в зависимости от различных языковых и внеязыковых условий (психолингвистический подход).

Дефиниции термина «перевод» разнообразны и многочисленны. Сопоставление терминологических определений разных авторов дает представление о системе исследовательских целей и взглядов ученого, его принадлежности к определенной научной школе, а также к этапу развития переводческой науки. Рассмотрим несколько определений в порядке их появления и проследим усложнение понятия «перевод».

Андрей Венедиктович Федоров, один из основателей отечественного переводоведения, в фокусе внимания которого находилось соотношение текстов оригинала и перевода, пишет: «Перевести значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка»². Таким образом А.В. Федоров видит в переводе прежде всего полное перевыражение, передачу смысловой информации. Его внимание обращено к текстам оригинала и перевода, перевод исследуется с позиций результативности процесса.

Леонид Сергеевич Бархударов делает акцент на изучении перевода как процесса трансформаций при переходе от текста оригинала к тексту перевода: «Перевод – межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке»³. В фокусе исследо-

---

¹ Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М., 1996. С. 5.

² Федоров А. В. Основы общей теории перевода, М., 1983. С. 10.

³ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. С. 27.

ваний Л.С. Бархударова сам процесс перевода. Именно этому ученому принадлежит разработка теории и построение типологии переводческих трансформаций.

Леонора Адреевна Черняховская в исследованиях перевода делает акцент на использовании методов структурной лингвистики и определяет перевод, как: «преобразование структуры речевого произведения, в результате которой, при сохранении неизменным плана содержания, меняется план выражения, один язык заменяется другим»⁴. Внимание Л.С. Черняховской обращено, как мы видим, к структуре текстов оригинала и перевода, предопределенной структурами взаимодействующих в процессе перевода языков.

Представляется, что исследователи перевода, пытаясь обозначить предмет теории перевода, не учитывали в полной мере то, что перевод – это сложное, комплексное явление, на которое оказывают влияние множество самых разнородных факторов. Понимание этого обстоятельства в большей степени достигается в работах Вилена Наумовича Комиссарова, который вполне справедливо замечает, что противопоставлять процесс перевода его результату вряд ли правомерно. Именно результат перевода представляет собой ту непосредственно наблюдаемую реальность, на основании анализа которой можно косвенно судить о том, как протекал процесс перевода, недоступный непосредственному наблюдению. Согласно определению В.Н. Комиссарова, перевод – это вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на оригинал. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале. Другими словами, тексты перевода и оригинала признаются коммуникативно равноценными, то есть способными выполнять одну и ту же функцию (или функции) в разных условиях коммуникации. Следовательно, задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке Рецептора мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться рецепторами перевода с оригиналом.

Лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ), так и с самим процессом преобразования текста оригинала в текст перевода. Но и такой подход не совсем достаточен. Переводческая деятельность носит посреднический характер. Благодаря переводу обеспечивается возможность межъязыковой коммуникации. А это означает, что для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание особенности авто-

---

⁴ Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М., 1976. С. 3.

ра исходного сообщения и получателей этого сообщения, их знания, опыт, а также особенности восприятия людей, которым предназначается перевод, и все прочие аспекты межъязыковой коммуникации, влияющие на ход и результат переводческого процесса.

Современные подходы, рассматривающие перевод не только как межтекстовое преобразование, но и как особый вид человеческой деятельности, носящий социальный характер можно встретить в работах В.С. Виноградова, И.С. Алексеевой, Н.К. Гарбовского и других исследователей.

Венедикт Степанович Виноградов определяет перевод как «вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации (содержания), выраженных в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного текста на другом языке»⁵. Таким образом в определении В.С. Виноградова в комплексе отражается понимание перевода как процесса и как результата, указывается на его общественную значимость, намечается требование эквивалентности оригиналу.

Ирина Сергеевна Алексеева видит в переводе: «деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком»⁶. Во взглядах исследователя перевод предстает прежде всего как результат деятельности особого субъекта – переводчика с присущими ему психологическими и профессиональными особенностями.

Пожалуй, самое современное, наиболее полно отражающее специфику перевода определение принадлежит Николаю Константиновичу Гарбовскому. В его понимании «перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т. е. максимально полной, но всегда частичной передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому»⁷.

Анализ определений, представленных в хронологическом порядке, показывает постепенное усложнение представлений о переводе, включающем на современном этапе такие параметры как *опосредованность*

---

⁵ Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2000. С. 11.

⁶ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., 2004. С. 7.

⁷ Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004. С. 216.

– указание на посредническую деятельность переводчика, *вариативность* – потенциально возможное множество переводных вариантов, *эквивалентность* текстов оригинала и перевода – основное мерило качества перевода, *общественную значимость* перевода, *знаковую* (семиотическую) природу и др.

1.2. Теоретические основы выделения переводоведения в самостоятельную науку. Особенности объекта и предмета современной теории перевода

Перевод издавна привлекал внимание писателей, переводчиков, ученых и вызывал разнообразные принципиальные соображения, выливающиеся в нормативные переводческие концепции. На современном этапе осознана необходимость в научном осмыслении и обобщении результатов огромного практического опыта, накопленного в этой области. В современной филологии активно развивается теоретическое направление, связанное с исследованием проблем перевода – теория перевода (ср. англ. *theory of translation*, фр. *théorie de la traduction*, нем. *Übersetzungswissenschaft*). В последнее время наряду с приведенным названием широко используются специфические термины: «переводоведение» или «транслятология» (ср. англ. *translatology*).

С позиции теории научного знания для выделения новой научной отрасли в самостоятельную науку необходимо наличие трех обязательных условий. Новая наука должна обладать собственной объектной областью, уникальной предметной сферой и самостоятельной терминологией. Следовательно, чтобы определить, является ли теория перевода самостоятельной научной дисциплиной, необходимо констатировать наличие этих трех обязательных составляющих: самостоятельного предмета и объекта исследования новой науки, а также собственной научной терминологии.

Объект и предмет науки, несомненно, тесно взаимосвязаны, но не тождественны. Если определение объекта науки позволяет ответить на вопрос, *на что направлен в ней познавательный интерес*, и тем самым раскрыть содержание данной науки, то определение предмета науки должно ответить на вопрос, *что именно в данном объекте изучает данная наука*, и тем самым более глубоко охарактеризовать ее через выявление сущности этой науки. Не случайно у разных наук может быть общий объект, но никогда не бывает одного и того же предмета.

Следует отметить, что с современных позиций принято рассматривать перевод в совокупности определяющих его факторов: лингвистических, семиотических, культурологических, психологических, социальных. С этих позиций понятие «перевод» вписывается в более широкое

понятие двуязычной коммуникации, лежит в основе ее центрального звена – языкового посредничества.

Науке о переводе приходится изучать не только непосредственно процесс перевода, но и условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные сопутствующие явления, которые входят в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков, которая и представляет, по мнению ученых, объект науки о переводе⁸.

Центральным звеном межъязыковой коммуникации является *процесс перевода*. Под процессом перевода понимается не просто замена единиц одного языка единицами другого языка. Это всегда деятельность человека. В процессе перевода сходятся проблемы философии, психологии, физиологии, социологии, лингвистики. Всестороннее изучение и моделирование *процесса перевода* позволяет ответить на вопросы сущности, закономерностей протекания и результатов межъязыковой коммуникации. *Процесс перевода*, таким образом, выступает в качестве предмета науки о переводе.

Выделение самостоятельного объекта и предмета науки о переводе не позволяет считать ее разделом языкознания. Это положение подтверждается и наличием у переводоведения своей собственной терминологии. Такие понятия как *синхронный перевод, буквализм, переводческие соответствия, инвариант перевода, переводной текст* и многие другие прочно вошли в лексикон переводоведов.

Итак, теория перевода имеет три базовых условия, позволяющих рассматривать ее как самостоятельную науку: свой объект, предмет и свою терминологию.

Процесс перевода как предмет переводоведения имеет свою специфику. Прежде всего, исследователи отмечают его многообразие и неуловимость⁹.

Многообразие *процесса перевода* выражается в многообразии условий протекания. Перевод может осуществляться письменно и устно, с восприятием исходного текста через наушники и зрительно с листа, в спокойной обстановке и в напряжении конференции или переговоров.

Процесс перевода многообразен по характеру переводимого материала: художественная проза и научный текст, стихи и рекламная продукция, разговорный язык в бытовой ситуации и диалектная речь и т. д.

---

⁸ Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

Особый вид многообразия процесса перевода представляет многообразие задействованных языковых (или шире *знаковых*) систем. Выявление типов перевода в зависимости от характера задействованных языковых систем принадлежит лингвисту с мировым именем Роману Якобсону. Р. Якобсон выделяет межъязыковой, внутриязыковой и межсемиотический типы перевода.

Межъязыковой перевод – перевод с одного языка на другой. По сути, когда мы говорим о процессе перевода, мы по умолчанию подразумеваем именно перевод на другой по отношению к оригиналу язык.

Внутриязыковой перевод – перевод внутри одной языковой системы. С такими видами перевода приходится сталкиваться реже, однако и они достаточно распространены в практике человеческой коммуникации. Это может быть перевод (как письменный так и устный) с диалектной формы языка на литературную и наоборот, с языка древнего периода на данный язык в его современном состоянии. По своему характеру к внутриязыковому переводу относятся различного рода межстилевые переходы. Например, перевод показаний свидетеля в форму милицкого протокола, переложение сугубо научной статьи в научно-популярный текст и т. д.

Шире можно говорить о *межсемиотическом переводе* – переводе из одной знаковой системы в другую, причем не обязательно языковую. В качестве такого перевода можно рассматривать комментарий к знакам дорожного движения, либретто к балету, музыкальное отражение художественного творчества.

Вторая особенность процесса перевода – его *неуловимость, неосвязаемость*¹⁰. Исследователь имеет в своем распоряжении два текста (оригинальный и переводной), а каким образом происходит процесс перевода, какие психические и другие механизмы задействованы в данном процессе, какие факторы и условия влияют на его качественное протекание можно только догадываться.

Многообразие процесса перевода, его неуловимость приводят к значительному числу моделей перевода. Только в отечественном переводоведении за немногим более полувека существования науки сформировалось не менее десятка хорошо разработанных моделей. Среди самых известных можно назвать теорию закономерных соответствий Якова Иосифовича Рецкера, ситуативную теорию Владимира Григорьевича Гака, семантико-семиотическую модель Леонида Сергеевича Бархударова, теорию уровней эквивалентности Вилена Наумовича Комиссарова, теорию коммуникативной эквивалентности Александра Давы-

---

¹⁰ Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980. С. 10.

довича Швейцера. Каждая модель перевода по-своему пытается представить механизм переводческого процесса. Так, Я.И. Рецкер считает, что перевод идет через процесс подбора переводческих соответствий отдельным элементам текста оригинала. По мнению В.Г. Гака, переводчик, прежде всего, стремится отразить в тексте ту же предметную ситуацию, что отражена в тексте оригинала. В моделях эквивалентности В.Н. Комиссарова и А.Д. Швейцера перевод отражается как результат действия целого комплекса факторов как объективных, так и субъективных, приводящих к различным видам и уровням эквивалентности оригинального и переводного текстов.

1.3. Разделы науки о переводе

Переводоведение как научная дисциплина шире теории перевода и включает несколько научных дисциплин, или разделов. В переводоведение входят теория перевода, история переводческой деятельности, критика перевода, переводческая лексикография, дидактика перевода (методика обучения переводу). Как мы видим, лингвистическая теория перевода является лишь одним из разделов переводоведения.

В лингвистической теории перевода различаются: общая теория перевода, частные теории перевода и специальные теории перевода.

Общая теория перевода – раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способа осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода. Положения общей теории перевода охватывают любые виды перевода любых оригиналов с любого исходного языка на любой другой язык. Можно сказать, что общая теория перевода занимается переводческими универсалиями.

Переводческие универсалии – явления и категории, свойственные всем видам перевода. К универсалиям можно отнести: инвариант перевода, переводческое соответствие, единицу перевода, буквализм, эквивалентность и адекватность перевода.

Общая теория перевода дает теоретическое обоснование и определяет основные понятия частных и специальных теорий перевода. Частные и специальные теории перевода конкретизируют положения общей теории перевода применительно к отдельным типам и видам перевода.

Частные теории перевода изучают лингвистические аспекты перевода в конкретной паре языков (теория перевода с русского языка на английский, теория перевода с китайского языка на японский и т. д.)

Специальные теории перевода фокусируют внимание на исследовании переводов разных видов: раскрывают особенности процесса перевода текстов разных типов и жанров, влияние на характер этого процесса различных условий его осуществления.

Определяющим фактором при выделении самостоятельных теорий в науке о переводе является специфика предмета *специальных теорий* перевода. В качестве предмета исследования *специальных теорий* перевода выступают различные виды перевода, т. е. разновидности процесса перевода, различающиеся по характеру переводимого материала и условиям протекания процесса перевода.

Среди *видов перевода* выделяют: устный и письменный перевод. Каждый из укрупненных видов перевода предполагает наличие разновидностей.

Теория устного перевода рассматривает специфику перевода выполняемого в устной форме. Разновидности устного перевода: устный последовательный, односторонний, двусторонний, синхронный перевод, перевод с листа письменного текста.

Синхронный перевод осуществляется практически одновременно с произнесением текстом оригинала. Синхронный перевод не возможен без специального оборудования, к которому относятся наушники с микрофоном и звукоизолирующая кабина. Из-за нервного и физического напряжения этот вид перевода считается самым трудным, требующим особых навыков и умений, а также особых психологических данных переводчика.

Последовательный перевод выполняется после прослушивания определенной единицы текста в интервалах между этими единицами; *односторонний последовательный перевод* – только в одном направлении, т. е. с одного языка на какой-либо другой язык; *двусторонний последовательный перевод* – последовательный устный перевод беседы, осуществляемый попеременно: с одного языка на другой и обратно.

Теория устного перевода рассматривает функционирование умственных механизмов, отличающихся в разных разновидностях перевода. В последовательном переводе особенно велика нагрузка на память, а в синхронном переводе надо уметь одновременно слушать и говорить. Однако в любом виде устного перевода умственные механизмы работают в стрессовой ситуации, когда появляется необходимость в сжатые сроки преобразовывать огромное количество информации и постоянно принимать решения. Сложные условия выдвигают на первый план доведенные до совершенства навыки и умения, знания эквивалентов, вспомогательные системы записи и т. п. Специфика условий протекания данного вида перевода не позволяет добиться такой высокой степени

эквивалентности текста перевода тексту оригинала, как это требуется и достигается при переводе письменном.

Письменный перевод – перевод, выполненный в письменной форме. Разновидности письменного перевода: художественный перевод, научно-технический перевод. Отличие письменного перевода в том, что функционирование умственных механизмов в процессе перевода происходит в спокойных условиях. В письменном переводе на первый план выдвигается творческий аспект работы переводчика, умение правильно оценить и выбрать языковые средства, сохранить стиль оригинала.

Художественный перевод – перевод художественных произведений – резко контрастирует с переводом других текстов. Язык художественного произведения характеризуется наличием образных средств, особой ритмикой речи, индивидуальным стилем автора. Передача этих элементов больше зависит от литературного таланта переводчика, от его языкового чутья, чем от выработанных у него автоматизмов.

Научно-технический перевод – перевод научных материалов. Научные тексты содержат много терминов, фактов, в которых можно разобраться, только имея специальную подготовку. Успех работы переводчика в научной сфере больше зависит от его умения оперировать терминологией, чем переводческими навыками.

Помимо теоретических разделов, теория перевода включает разработку ряда прикладных аспектов, связанных с методикой обучения переводу, составлением и использованием всевозможных справочников и словарей (лексикография перевода), методикой оценки и редактирования переводов, а также различными практическими вопросами, решение которых способствует успешному выполнению переводчиком своих функций. Особое место среди прикладных задач переводоведения занимает разработка методов формализации переводческого процесса с целью передачи части или всех функций переводчика автоматическому устройству, т. е. осуществления машинного (автоматического) перевода.

1.4. Задачи современной теории перевода

В. Н. Комиссаров формулирует следующие задачи лингвистической теории перевода:

- раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т. е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;
- определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

- разработать основы классификации видов переводческой деятельности; раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;
- разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;
- разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчик, по преобразованию текста оригинала в текст перевода;
- раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;
- определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода.

Лекция 2. Теория перевода как лингвистическая дисциплина

План лекции:

- 2.1. Структурная лингвистика и перевод
- 2.2. Социальная парадигма как научная основа сближения теории перевода и лингвистики
- 2.3. Общая проблематика и методология теории перевода и лингвистики

2.1. Лингвистическая наука и перевод

Несмотря на многовековую практику переводческой деятельности, а также несомненное признание языковых факторов главенствующими в процессе перевода, включение перевода в сферу интересов языкознания произошло сравнительно недавно, лишь во второй половине XX века. Этому способствовали особенности развития лингвистической науки, своеобразие взглядов на центральный объект лингвистики – язык.

Отсутствию у лингвистов интереса к переводческой проблематике в первой половине XX столетия способствовало преобладание в лингвистической науке идей *структурализма*, начало которым было положено швейцарским лингвистом Фердинантом де Соссюром. Задачи структурной лингвистики определялись стремлением обеспечить объективное описание языка, приблизить лингвистику к точным наукам, оперирующим математическими и статистическими методами. Ставя задачи изучать язык «в себе и для себя», структурная лингвистика ограничивалась областью «внутренней лингвистики» или иначе «микрولينгвистики»¹¹.

---

¹¹ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2002. С. 24.

С позиций структурализма язык предстает в виде хорошо организованной системы знаков. Система имеет иерархическую организацию, представленную строгой последовательностью языковых уровней: фонетического, морфологического, лексического и синтаксического. Каждый уровень состоит из своих единиц, соответственно: фонем, морфем, лексем, синтаксем. Система взаимосвязей между уровнями строится по принципу включения единиц нижестоящих уровней в единицы вышестоящих. Так лексемы состоят из морфем, а строительным материалом морфем выступают фонемы и т. д. В языковой системе действуют системные типы взаимосвязей: парадигматические – объединяющие элементы языка в системные группы (например в лексике: синонимы, антонимы, омонимы и т. д.), а также синтагматические – связь единиц по горизонтали, т. е. в речевой цепи.

В поисках научной точности и объективности, структурная лингвистика сосредоточивала свое внимание на тех сторонах языковой структуры, которые можно измерять, подсчитывать, классифицировать: звуковой, морфемный и лексический состав языка, его синтаксический строй, синтагматические и парадигматические связи его единиц, их сочетаемость, распределение в текстах (дистрибуция), частотность употребления и т. п. В результате языкознание достигло значительных успехов в научном анализе структурной организации многих языков.

Из-за кажущейся «несистемности», изменчивости и невозможности исследования точными методами содержательная сторона языка – *семантика* – не входила в круг внимания структурной лингвистики.

По этой же причине максимальной единицей языка, подвергавшейся анализу, оказалось предложение, поскольку более крупные единицы – тексты – невозможно было объективно анализировать, не обращаясь к их семантическому наполнению.

Таким образом, структурная лингвистика, с ее ограниченностью рамками предложения, не способна была ставить и решать проблемы перевода, в основе которых лежит передача средствами другого языка смысловых отрезков, речевых единиц более высокого порядка – текстов. В фокусе переводческого процесса, таким образом, лежит смысловое целое – текст, а не отдельные единицы языковой системы.

С другой стороны, несмотря на то, что практикующим переводчикам, литераторам, философам разных веков принадлежит много эмпирических наблюдений за процессом перевода, выливаясь в самостоятельную науку эти теоретические осмысления начали лишь во второй половине XX века.

Становлению лингвистической теории перевода способствовал ряд объективных факторов. Во-первых, значительное расширение перево-

дческой деятельности после второй мировой войны выдвинуло на первый план переводы информативные (научно-технические и общественно-политические). Большой объем переводов ставит перед переводчиками ряд проблем, решение которых лежит в лингвистической плоскости: поиск межъязыковых эквивалентов, соответствий, составление номенклатуры закономерных синтаксических преобразований при переходе от языка к языку.

Во-вторых, толчком к лингвистическому осмыслению проблем перевода послужила зарождающаяся практика машинного (компьютерного, автоматического) перевода. От теории перевода начинают требовать выработку систем алгоритмов межъязыковых преобразований для построения компьютерных переводческих программ.

Несмотря на то, что эйфория по поводу безграничности возможностей машины по замене человеческой деятельности, царившая в 50-х годах к началу 60-х понемногу ослабевает, исследование возможности машинного перевода способствует выявлению закономерностей перевода, связанных с расхождениями в системах языков, участвующих в процессе перевода.

В-третьих, само развитие языкознания дает основания к вниманию в сторону перевода. Достигнув серьезных результатов в изучении формальной структуры языка, лингвисты значительно расширяют область своих исследований, включая в нее проблемы *внешней* лингвистики (макролингвистики): связь языка с обществом, мышлением и действительностью, лингвистические и экстралингвистические аспекты вербальной коммуникации, способы организации и передачи информации в человеческом обществе и т. п.

Важное место заняли исследования содержательной структуры речевых высказываний и текстов, контекстуальных значений языковых единиц, способов описания ситуаций.

В 60-х годах появляется целый ряд работ, в которых обсуждаются проблемы находящейся в стадии становления лингвистической теории перевода. Основные из них: «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» канадских исследователей Ж.-П. Вине и Ж. Дарбильне (1958), «Теоретические проблемы перевода» француза Ж. Мунена (1963), «К науке переводить» американца Юджина Найды (1964), а также отечественная работа «Основы общего и машинного перевода» И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга (1964). Важную роль в осознании лингвистических особенностей перевода сыграла статья Романа Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» (1959), в которой он отмечает, что *«широко распространенная практика межъязыковой*

коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки»¹².

2.2. Социальная парадигма как научная основа сближения теории перевода и лингвистики

Анализируя состояние лингвистики на рубеже XX–XXI веков, ученые отмечают наметившееся изменение в системе взглядов на ее объект – язык, констатируют вступление языкознания в новую стадию своего развития, появление новой научной парадигмы, «социальной», по определению Ю.Н. Караулова¹³. Данная научная парадигма базируется на системе качеств современной науки о языке, раскрывающих новый ракурс рассмотрения языковых явлений. К таким качествам относятся: *антропоцентризм, функционализм, экспансионизм и экспланаторность*.

Основной особенностью новой научной парадигмы является *антропоцентризм*, предполагающий «перенос тяжести с изучения структуры языка на исследование языковых особенностей человека»¹⁴. Постановке вопроса о «человеческом факторе» в языке, о человеке как «языковой личности» посвящены работы Н.Д. Арутюновой (1981, 1992), Ю.Н. Караулова (1987, 1992), Б.А. Серебренникова (1988) и др.

Расширение предмета лингвистики за счет введения в него проблематики человека сблизило лингвистическую науку с целым рядом смежных наук социального цикла и обусловило появление пограничных дисциплин, таких как психолингвистика, антрополингвистика, социолингвистика, психосемантика и др. В этом проявляется *экспансионизм* современной науки о языке¹⁵.

Среди главных принципов современных лингвистических исследований выделяются также *функционализм* как требование изучать язык «в действии», в его речевом проявлении, и *экспланаторность* как «стремление найти каждому языковому явлению разумное объяснение»¹⁶. В распоряжении языковедов появились методы исследования того, как реально осуществляется обмен информацией с помощью языковых единиц в конкретных актах речи, в конкретных ситуациях общения. Понятно, что возможности такой лингвистики в изучении перевода не-

---

¹² Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation//On Translation /Ed. R. A. Brower. Cambridge (Mass), 1959.

¹³ Караулов Ю. И. Русский язык и языковая личность. ЛКИ, 2010. С 115

¹⁴ Демьянков В. З. Кубрякова Е.С. Лузина Л.Г. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов (под ред. Лузиной Л.Г.) Изд. 2-е, доп. - М, 1999. С. 78

¹⁵ Там же. С 109

¹⁶ Там же. С 156

измеримо возросли, и теперь многие важнейшие стороны этого феномена могут быть описаны в лингвистических терминах.

Взгляд на лингвистику и переводоведение с позиций новой научной парадигмы позволяет наглядно констатировать их активное взаимодействие, использование сходных ракурсов исследования, методологическую общность, и, как следствие, свидетельствует в пользу лингвистической природы теории перевода.

Рассмотрим факторы, подтверждающие лингвистические основы теории перевода.

Сходство интересов. Наука о переводе изучает процесс перевода. При этом под процессом перевода понимают межъязыковые преобразования, трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке. Такие преобразования обязательно ограничиваются рамками двух конкретных языков, т. е. обусловлены в большей части лингвистическими закономерностями, что входит в зону исследовательского интереса как переводоведения, так и контрастивной (сопоставительной) лингвистики.

Между тем процесс перевода не есть простая замена единиц одного языка единицами другого языка. Процесс перевода – это процесс коммуникации с использованием двух языков, это всегда деятельность человека. Процесс перевода определяется целой серией факторов, обусловленных субъектами процесса: переводчиком, автором сообщения, его получателем. Внимание к субъективным человеческим факторам, анализ их влияния на протекание процесса перевода позволяет констатировать *антропоцентричность* подхода к исследованиям, проводимым теорией перевода.

Подход к процессу перевода как акту межъязыковой коммуникации позволяет увидеть, как в нем аккумулируются проблемы философии, психологии, физиологии, социологии, культурологи и других наук социального плана. В поисках ответа на возникающие комплексные вопросы теория перевода вынуждена обращаться к данным смежных наук, проявляя экспансию в их предметные сферы. Такой своеобразный *экспансионизм* теории перевода роднит ее с современными лингвистическими исследованиями.

Теория перевода не ставит знак равенства и между процессом перевода и языком. Процесс перевода – это речевая деятельность человека, включающая и действие, и понимание, и восприятие, и стандартные операции, и волевое поведение, и функционирование умственных механизмов, и «национально-специфический вариант реализации проявления единой универсальной семантической системы» (Колшанский) и закономерность передачи информации и многое др. Языковые явления, попадающие в поле исследования теории перевода, всегда представля-

ют собой явления функционирующей языковой системы (речи) – языка в действии, в динамике, изучать который еще в XIX веке призывал Вильгельм Гумбольд. В этом состоит *функционализм* теории перевода.

В то же время перевод является и привлекательным объектом для самой лингвистики. Переводы оказались ценным источником информации о языках, взаимодействующих в этом процессе. В ходе переводческой деятельности происходит своеобразный лингвистический эксперимент по коммуникативному приравниванию высказываний и текстов на двух языках. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций. Благодаря этому удается обнаружить некоторые особенности структуры и функционирования языка, которые ускользали от внимания при использовании иных методов исследования.

2.3. Общая проблематика и методология перевода и лингвистики

Положения различных лингвистических дисциплин проливают свет на многие важные аспекты переводческой деятельности.

Прежде всего, выявленный лингвистикой универсальный, общечеловеческий характер языка и мышления является основой для переводческого процесса, свидетельствующей в пользу возможности перевода.

По мнению В.Н. Комиссарова, несмотря на уникальность национальных языков, в основе строения и употребления любого из них лежит один и тот же принцип, что делает возможным их соотнесение в процессе перевода¹⁷.

- Все языки состоят из двусторонних единиц, обладающих звучанием и значением.

- Все они обладают словарным составом и грамматическим строем, служат средством формирования мыслей и передачи их в процессе общения с другими людьми.

- Все языки используются для построения сообщений о внеязыковой реальности. Все они способны различными способами выразить понятийные категории времени, места, числа, модальности и многие другие, обозначать классы предметов и отдельные объекты и их признаки, процессы и состояния.

Эта универсальность отражает единство человеческого мышления и окружающего мира. И именно оно определяет, в конечном счете, возможность перевода.

---

¹⁷ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2002. С. 23–37.

Вместе с тем, основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций.

Здесь можно выделить три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой реальности, описываемые в переводимых текстах.

У каждой языковой единицы имеется устойчивое, присущее только ей значение. Эти значения складываются в языках под воздействием разных условий и факторов, и, как правило, не совпадают. Поэтому переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала. Сравним: слова «стол» и английское «table», употребленные в прямом значении – предмет мебели, представляют собой пару эквивалентов, но соответствие нарушается с усложнением значения: «письменный стол» – «bureau», «шведский стол» – «smorgasbord», и наоборот, «multiplication table» соответствует русскому «таблица умножения».

Вторым лингвистическим препятствием, которое вынужден преодолевать переводчик, является то обстоятельство, что каждый язык по своему членит действительность, создавая своеобразную «языковую картину мира». Различия языковых картин мира русского и английского языка видны даже на простейших примерах распределения периодов времени суток (ср. рус. «час ночи» – фр. «une heure de matin» (час утра), частей спектра (ср. рус. «голубой» и «синий» и англ. «blue»), деления тела на части (ср. рус. «рука» и нем. «hand» и «arm», фр. «main» и «bras»), обозначения возраста (ср. рус. «ребенок полутора лет» и фр. «enfant de 18 mois» – «ребенок восемнадцати месяцев»).

Трудности перевода могут возникать и в связи с тем, что в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие в принимающей культуре и неизвестные рецепторам перевода. К таким явлениям можно отнести, например, русские *степь* и *тайга*, английское *double-decker* – *двухэтажный автобус*, немецкое – *Fachwerkhaus* – старинная «клетчатая» постройка с видимыми балками, французские *Bouyabaisse* – провансальский рыбный суп, *TGV* – скоростной поезд и др.

Современное переводоведение также широко использует лингвистические *методы исследования*, позволяющие получать объективные данные о сложном феномене процесса перевода: *сопоставительный анализ*, *компонентный анализ*, *методы трансформационного анализа* и *статистических подсчетов*, *метод лингвистического моделирования*, *психолингвистические эксперименты*.

Процесс перевода – это процесс соотношения текстов оригинала и перевода, в котором устанавливаются определенные отношения между этими двумя текстами на разных языках. Естественно, что основным методом исследования в переводоведении выступает метод *сопоставительного анализа*. В зависимости от специфики сопоставляемого материала, данный метод может служить исследователю инструментом разного применения.

Во-первых, сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Это сопоставление позволяет получить данные о степени близости содержания и структуры оригинала и перевода, способах достижения эквивалентности, стандартных приемах перевода и многих других характеристиках переводческого процесса.

Во-вторых, сопоставляться могут несколько переводов одного и того же оригинала, выполненных разными переводчиками. Это дает возможность обнаружить общие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей каждого отдельного переводчика.

Сопоставительный анализ разноязычных текстов предполагает также *сопоставление отдельных элементов этих текстов*.

Метод *компонентного анализа* предполагает выделение в значениях языковых единиц элементарных смыслов (сем) и позволяет сопоставлять семный состав единиц оригинала и перевода и выявлять степень их соответствия друг другу. Например, существительное *хлеб* и его соответствия в европейских языках будут иметь общую сему *с использованием дрожжевого брожения*, а в восточном понимании хлеб готовится на бездрожжевой основе, соответственно данная сема у существительного *хлеб* будет отсутствовать, например, в узбекском или туркменском языках. Русское прилагательное *амбициозный* будет иметь сему, указывающую на негативность данного качества для человека, тогда как английское *ambitious* семы негативности не несет.

Успешно применяется для описания процесса перевода *метод трансформационного анализа*. В основе метода лежит анализ ядерных (основных) синтаксических структур каждого конкретного языка и их возможных вариантов. В теории перевода метод нацелен на выявление закономерных трансформаций при переходе от одного языка к другому, на выработку приемов перевода и рекомендаций переводчикам.

Дополнительные данные о соотношении текстов оригинала и перевода можно получить методом *статистических подсчетов*. При этом сопоставляется частотность отдельных частей речи, синтаксических структур, лексических единиц разной коннотации и т. д. Метод направлен на установление норм перевода и требований к переводному тексту:

преимущественно глагольный или именной характер, степень насыщенности эмоциональной лексикой, средняя длина предложений, количество логических связок и т. п.

Важное место в переводческих исследованиях занимает *метод лингвистического моделирования*, заключающийся в попытках построения теоретических моделей процесса перевода, осуществляющегося посредством ряда мыслительных операций в голове переводчика и недоступного для непосредственного наблюдения. Построенная теоретическая модель перевода позволяет прогнозировать его результаты, выявлять определяющие его факторы и способы влияния на данный процесс. В современном переводоведении существует несколько моделей перевода, отражающих теоретические концепции их создателей.

Интересным исследовательским приемом переводоведения, заимствованным из современной лингвистики и психологии, является *психолингвистический эксперимент и процедура опроса информантов*. При этом, в качестве информантов выступают участники процесса перевода: переводчики, пытающихся ответить на вопросы, как они действуют и чем руководствуются в процессе перевода, а также рецепторы перевода, которые могут высказывать суждения о языке перевода, отличать переводные тексты от непереводных, формулировать свои требования к переводам и т. д.

Одним из распространенных экспериментов является метод «думай вслух», при котором испытуемым предлагается выполнить письменный перевод текста, одновременно проговаривая и комментируя все выполняемые действия.

В рамках *психолингвистических экспериментов* информанты действуют в строго заданных условиях. Все данные фиксируются, обрабатываются и позволяют сделать более или менее объективные выводы.

Таким образом, изучение перевода лингвистическими методами представляется вполне обоснованным и продуктивным.

2.4. Перевод и различные разделы лингвистики

Итак, переводоведение связано с лингвистическими дисциплинами, изучающими язык и те или иные языковые ярусы в рамках какого-либо одного языка, а также изучающими два языка или более.

С некоторыми из этих дисциплин оно связано теснее (например семантика, лингвистика текста), с другими обнаруживает меньше и точек пересечения (например, с фонетикой).

Теория перевода и фонетика. Фонетика – это раздел языкознания, который изучающий акустическую и артикуляционную сторону речи.

В рамках переводоведения вопросы фонетики занимают подчиненное положение, поскольку переводятся не отдельные звуки или просодические компоненты речи, а цельные тексты и смыслы. Поэтому междисциплинарная связь фонетики и переводоведения носит ограниченный характер и затрагивает в основном перевод текстов, предназначенных для устного воздействия: речь персонажей в фильмах, тексты вокальной музыки, литургические тексты, звучащие фрагменты рекламных текстов. В определенной степени вопросы звучания учитываются при переводе поэзии и ориентированной на особые произносительные эффекты художественной прозы.

Теория перевода и семантика. Семантика как раздел языкознания изучает структуру значения на уровне слов, предложений, целых текстов. Вопрос о передаче смысла сказанного, т. е. о том, что значит то или иное слово, словосочетание, предложение, а также о воспроизведении смыслового плана в переводе, является одним из центральных вопросов переводоведения.

Как показывает практика перевода, ни парадигматика (группировка слов языка в семантические группы, например, синонимические), ни синтагматика (правила соединения слов в речи) любых двух языков никогда не совпадают полностью. Следовательно, при переводе нужно вникать в значение оригинала, определяя место переводимых единиц в системе исходного языка и пытаться найти им соответствие в системе ПЯ.

Весьма полезным для оптимизации переводческой деятельности оказывается применение метода *семантического компонентного анализа*. Он представляет собой, как мы видели выше, разложение смысла слова на все содержащиеся в нем минимальные компоненты, семы. Применение компонентного анализа в переводоведении необходимо, поскольку практически ни одно слово не совпадает по своему семантическому составу со словами другого языка. Выше мы уже видели пример семантических расхождений аналогов слова *хлеб*. Английское *student* в отличие от русского *студент* не имеет семы *обучающийся в высшем учебном заведении*. Понятие, а, следовательно, и смысловая структура русского слова *ночь* не совпадает с английским *night*, включающим сему *вечер*, например в выражении *last night*. А поэтому нужно уметь обнаруживать наиболее существенные семантические компоненты слова в данном конкретном контексте.

Теория перевода и контрастивная (сопоставительная) лингвистика. Контрастивная лингвистика – занимается типологическим сопоставительным изучением двух или более языков для выявления сходств и различий между ними на всех уровнях их структуры.

Контрастивная лингвистика выросла из наблюдений над различиями между языками, которые фиксировались в различного рода сопоставительных грамматиках, появившихся в западноевропейских странах начиная с эпохи Возрождения. Исследования по сопоставлению языков вылились во 2-й четверти XIX века в создание типологической классификации языков.

Ценными для переводоведения представляются исследования на материале двух языков одного языкового явления. Как правило, при этом берется то или иное понятие и соответственно рассматриваются все формы его языкового выражения в обоих языках. Благодаря этому переводоведение оснащается ценными для него фактами межъязыковых соответствий. Например, изучение тема-рематических принципов актуального членения предложения дало возможность правильно распределять новую и уже известную информацию при переводе с одного языка на другой, поскольку отнюдь не во всех языках эти принципы совпадают.

Контрастивная лингвистика занимается сравнением языков на их синхронном срезе. Языки сопоставляются на уровне грамматики, лексики, стилистики. Ярким явлением в области контрастивной стилистики является работа Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» (1958 г.), в которой авторы фактически поставили знак равенства между понятиями сопоставительной стилистики и теории перевода.

Лекция 3. Перевод и другие смежные науки социального цикла

План лекции:

- 3.1. Перевод и социолингвистика
- 3.2. Перевод и психолингвистика
- 3.3. Перевод и семиотика

Перевод – особый вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка, но своей связью с языком далеко не исчерпывается. Для его эффективного осуществления следует учитывать специфику, связанную с культурой взаимодействующих народов, а также индивидуальную специфику отдельных участников коммуникации. Данное положение выводит переводоведов на различные проблемы психофизиологического, социологического, этического порядка. Таким образом, наука, изучающая перевод, должна учитывать целый ряд обозначенных выше факторов, иначе она неправомерно упростила бы и объект, и предмет своего исследования. Вот почему переводоведение представляет собой научное направление, находящееся в тесной связи с целым ря-

дом смежных с ним научных дисциплин. Прежде всего, с научными дисциплинами филологического цикла.

В создание теоретической базы современной теории перевода внесли вклад многие науки гуманитарного цикла, среди которых особое место занимают *социолингвистика, психоллингвистика, семиотика*.

3.1. Перевод и социоллингвистика

Социоллингвистика – наука, изучающая различные аспекты соотношения и взаимодействия языка и общества.

Как показывают современные исследования, переводческая деятельность и результат перевода подвержены влиянию различных социальных факторов, т. е. являются *социально детерминированными*.

Отражение социального мира в процессе межъязыковой коммуникации является, по мнению А.Д. Швейцера, одним из существенных социоллингвистических аспектов перевода¹⁸. В задачи перевода входит передача социальных реалий исходной культуры, отражение социальной дифференциации общества через социальную дифференциацию языка.

В круг социоллингвистических вопросов перевода входит *соотношение языка и культуры*. Проблема перевода социокультурных реалий связана с поиском функциональных аналогов. Задача эта тем сложнее, чем очевиднее дистанция культур, вступающих во взаимодействие при переводе. Так, соотнесение политических реалий, касающихся проявлений европейской демократии не представляет особого труда, и французское *Sénat* легко соотносится не только с английским *Senate*, но и с русским *Совет федерации* на основании общего смысла *Верхняя палата парламента*, несмотря на существенную разницу политического устройства стран и моделей формирования парламента. Иная ситуация с передачей реалий между культурами, отстоящими друг от друга на солидной дистанции, например такими, как русская и китайская. В таких случаях для передачи иноязычной реалии потребуется подробный социокультурный комментарий.

Социальная обусловленность, неотъемлемое качество языка, не может не отражаться в переводе. Социальная вариативность языка проявляется, прежде всего, в речи персонажей художественных произведений, а также в авторской речи. Маркерами социальной обусловленности выступают специальные языковые средства, употребляемые в различных социальных ситуациях, обусловленных различными типами социальных взаимоотношений в обществе: классовыми, профессиональными, связанными со средой обитания и уровнем образования, принад-

---

¹⁸ Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.:Наука, 1988. С. 15.

лежностью к определенному слою или группе, а также возрастным цензом коммуникантов. К таким языковым средствам относится специальная лексика: жаргонизмы, арготизмы, термины, диалектизмы, архаизмы, профессиональная лексика и т. д.; особые синтаксические конструкции и даже фонетические средства, маркирующие произносительную сторону речи (например, особенности речи иностранца в художественном произведении). Поиск соответствий, отражающих адекватную социальную картину в переводе, является одной из сложнейших практических задач переводоведения.

В круг задач теории перевода входит выработка *социальной нормы* перевода, свода норм и правил, посредством которых общество детерминирует поведение переводчика¹⁹. Эти нормы и правила варьируются в разные временные эпохи, не совпадают в разных культурах. Ярчайшим примером вариативности социальной нормы выступают требования к переводу Библии. Требование строгого буквального перевода с сохранением всех элементов «священного текста», выдвигаемое церковью в эпоху Средневековья, сменилось позднее вниманием к сути библейского текста и требованием перевода «от смысла к смыслу».

3.2. Перевод и психолингвистика

Психолингвистика – наука, объектом исследования которой является речевая деятельность человека. Объектом исследования переводоведения выступает перевод как особый вид речевой деятельности, представляющий собой коммуникацию с использованием двух языков. Перевод по своей сути – это психологический процесс. Психологическую природу имеют все его стадии: понимание исходного текста, отделение смысла от форм языка и передача данного смысла средствами другого языка, т. е. продуцирование текста перевода. Следовательно, выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности. Близость и пересечение объекта исследования предопределяет близость задач, решаемых науками, а также применимость знаний, накопленных психолингвистикой в теории перевода. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности.

Несмотря на явное сходство интересов, сближение переводоведения и лингвистики произошло сравнительно недавно и исследования в данном направлении не являются многочисленными. Основными направлениями психолингвистического анализа в теории перевода явля-

---

¹⁹ Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М.: Восток–Запад, 2006. С. 78.

ются: моделирование процесса перевода, изучение психологических механизмов разных видов перевода, переводческая компетенция как способность переводить.

Определенный интерес для теории перевода представляют разработанные психолингвистами положения о трехчленной структуре речевого действия, включающего фазу планирования (программирования), фазу осуществления и фазу сопоставления, о необходимости учета цели и мотивации, о механизме вероятностного прогнозирования, об активном характере процесса восприятия речи.

Вопросы создания психологической модели перевода восходят к трудам американского переводоведа Юджина Найды. В основу предложенной им модели, а также всех последующих моделей перевода положено видение переводческого процесса как процесса психологического, состоящего из стадий: восприятия и анализа исходного сообщения, переноса подвергнутого анализу материала на язык перевода (перекодирование), и стадию порождения сообщения на языке перевода.

При этом в зависимости от вида перевода в действие вступают те или иные психологические механизмы, определяющие специфику процесса перевода. Так, в устном переводе особенно велика нагрузка на память. Умственные механизмы работают в стрессовой ситуации, когда появляется необходимость в сжатые сроки преобразовывать огромное количество информации и постоянно принимать решения. Сложные условия выдвигают на первый план доведенные до совершенства навыки и умения, предполагают определенный механизм осуществления переводческих операций, внимание акцентируется на качестве и полноте восприятия сообщения. При письменном переводе функционирование умственных механизмов происходит в спокойных условиях. В фокусе внимания – стадия порождения качественного переводного текста.

При синхронном переводе стадии восприятия и порождения высказывания на языке перевода протекают практически одновременно. Механизмами, обеспечивающими эту одновременность, являются *механизм вероятностного прогнозирования* поступающего к переводчику сообщения и *механизм упреждающего синтеза* при порождении переводчиком сообщения на языке перевода. Суть механизма вероятностного прогнозирования состоит в том, что в процессе восприятия исходного сообщения переводчик выдвигает предположения о том или ином смысловом завершении авторского высказывания.

В круг психолингвистических проблем перевода входит попытка психологического основания так называемой «переводческой компетенции», т. е. человеческой способности осуществлять все стадии пере-

вода. Переводческая компетенция рассматривается как совокупность ряда компонентов:

- рецептивного (способность к пониманию исходного сообщения) и репродуктивного (способность к созданию текста на языке перевода);
- языкового (необходимый уровень владения языками оригинала и перевода) и внеязыкового (владение элементами сопоставляемых культур).

Об уровне переводческой компетенции свидетельствует также такие субъективные факторы как способность к принятию нестандартных решений, скорость принятия решения, а также способность к построению или выбору адекватной стратегии перевода.

3.3. Перевод и семиотика

Семиотика – наука, изучающая общие закономерности функционирования знаковых систем, в том числе и естественного языка как особой системы знаков. С точки зрения семиотики переводческая деятельность представляет собой частный случай *семиозиса*, процесса порождения знаков и обмена ими. При этом оригинал и перевод предстают сложными знаками, требующими интерпретации и перенесения из одной семиотической среды в другую (из языка в язык, из культуры в культуру).

Предпринимались и предпринимаются попытки семиотических исследований в области типологии перевода. Самой известной является семиотическая типология перевода Романа Якобсона. Перевод в ней подразделяется на внутриязыковой, или переформулирование (*rewording*), межъязыковой, или собственно перевод, и межсемиотический, или трансмутацию (*transmutation*).

Семиотика вооружает теорию перевода специальным понятийным аппаратом и собственными аналитическими процедурами. Положение о семиотической (знаковой) природе языка послужило концептуальной основой для изучения таких сторон переводческой деятельности, как лингвистический механизм и коммуникативная роль перевода.

С позиций семиотики языковые знаки обладают рядом особенностей: двусторонностью, произвольностью и значимостью.

Двусторонность языкового знака предполагает наличие двух сторон: материальной (звуковая и графическая форма) и идеальной (план содержания). Между материальной формой и значением языковой единицы в большинстве случаев нет никакой естественной логической связи. Одна и та же реалья современной жизни может носить, например, название *поезд* в русском языке, а в немецком и английском при этом иметь совершенно отличные формы *Zug* и *train* соответственно. Эти

факты свидетельствуют в пользу *произвольности* (необусловности) языкового знака.

В совокупности языковые знаки составляют систему, характеризующуюся комплексом внутренних и внешних связей. Семиотики выделяют три типа связей:

- Семантика (знак – обозначаемое)
- Синтактика (знак – знак)
- Прагматика (знак – человек)

Три вида связей составляют значение знака – информацию, благодаря которой знаки используются для передачи содержательных сообщений.

Именно эти качества языковых знаков лежат в основе переводческих трудностей.

Произвольность языкового знака объясняет тот факт, что *семантика* (значение) языкового знака развивается в разных языках по собственным законам, что часто создает дополнительные сложности при переводе. Так, языковой знак *дом* в русском языке имеет свою систему значений, которая не соответствует системе значения, например, английского *home* (ср. *дом* – здание/династия – *house*; *детский дом* – *orphanage*; *торговый дом* – *commercial firm* и т. д.)

Специфичной оказывается и связь между знаками внутри каждой языковой системы – знаковая *синтактика*. Это находит свое отражение в структурах словообразовательных гнезд, мотивированности внутренней формы слова, системе сочетаемости языковых знаков. Так, в русском языке принято сочетать знаки, обозначающие средства транспорта с глаголом *садиться*, в английском и французском – *to take* и *prendre* – *брать*; внутренняя форма слова *подснежник* мотивируется связью с комплексом *под снегом*, а внутренняя форма английского *snowdrop* читается как *капля снега*, сравним с французским *perce-neige* – *просверливаю снег* и т. д. При определенных условиях синтаксические связи слова могут препятствовать переводу (например при переводе каламбура, построенного на звуковом сходстве или развитии внутренней формы слова).

Особый вид сложностей рождает несопоставимая *прагматика* языковых знаков. Для всех членов языкового коллектива знак имеет одно устойчивое значение, но каждый человек связывает с тем или иным знаком собственные представления, связанные с собственным опытом. Зачастую такие несоответствия в прагматике касаются знаков, принадлежащих и к разным языковым системам. Так в силу исторических причин при общности основного значения русские слова *революция*, *буржуазия* отличаются от английских и французских *revolution* и *bourgeoisie* особым негативным отношением со стороны носителей русского языка, негатив-

ной прагматикой, подлежащей отражению при переводе. Для русского упоминание о журавлях – это лишь напоминание о весне, а для французов *grue* (журавль) несет негативную коннотацию, ведь именно так называют во Франции стоящих вдоль дороги проститутки.

Несмотря на то, что взаимосвязи переводоведения и семиотики еще только складываются, можно констатировать, что семиотические концепции внесли весомый вклад в развитие науки о переводе.

Переводоведение тесно связано и с таким важным направлением филологии, как *литературоведение*. Без этого взаимодействия невозможны исследования истории литературы и литературных процессов современности. Тесный контакт литературоведческих и переводоведческих исследований способствует решению проблем, стоящих перед литературной критикой, например в выработке критериев оценки переводной литературы и литературы в целом, сравнительным литературоведением и т. д.

Таким образом, наука о переводе, во многом вышедшая из колеблели филологии, продолжает с ней взаимодействовать самым тесным образом. Исследования филологического характера играли и продолжают играть в ней очень важную роль.

Как уже было показано, под филологическими исследованиями перевода понимаются и литературоведческое, и языковедческое (лингвистическое) исследования. Одним из основоположников литературоведческого подхода к переводу у нас в стране можно считать Корнея Ивановича Чуковского, выступавшего, прежде всего за верность передачи образности переводимого художественного текста – исключительного объекта: исследования представителей этого направления.

В ходе исследований были получены важные сведения и обобщения, обогатившие не только переводоведение, но и саму филологическую науку. В этом процессе можно выделить два направления. Так, в одних работах обобщающего характера достижения переводоведения сочетаются с достижениями науки о языке, а языковые явления изучаются в тесном соотношении с текстологией художественной речи. Другие работы рассматривают проблему сосуществования текстов в разных языках как фактор обогащения общемирового литературного процесса, взаимодействия культур. Все эти работы вносят важный вклад в филологическую науку и помогают решать главный в филологии вопрос о понимании и трактовке текстов

Связь переводоведения с другими науками гуманитарного цикла далеко не ограничивается кругом наук, очерченных в данном кратком обзоре. О взаимодействии науки о переводе с лингвистикой текста, тео-

рией коммуникации, а также культурологических и философских основах перевода речь пойдет в других разделах курса.

Вопросы для самоконтроля к разделу I.

1. Назовите три основания для признания переводоведения самостоятельной наукой.
2. Определите объект и предмет науки о переводе.
3. В каком отношении находятся понятия «межъязыковая коммуникация» и «процесс перевода».
4. Назовите несколько имен известных отечественных переводоведов.
5. Какие переводческие универсалии вы можете назвать?
6. В чем отличие общей теории перевода от частных и специальных теорий перевода.
7. Назовите известные вам виды перевода и определите их специфику.
8. Какие термины синонимические термину «теория перевода» вы можете назвать?
9. С какими науками гуманитарного цикла имеет тесную связь теория перевода.

РАЗДЕЛ II: ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Тема 2. История переводческой деятельности в Европе

Лекция 4. Зарождения перевода и переводческой мысли

План лекции:

4.1. Зарождение переводческой деятельности. Перевод в Древнем Египте и Вавилоне

4.2. Перевод в античные времена. Первые теоретические рассуждения о переводе

4.3. Перевод в средние века. Перевод Библии как отражение основных тенденций средневекового перевода

4.4. Перевод в эпоху Возрождения

4.1. Зарождение переводческой деятельности. Перевод в Древнем Египте и Вавилоне

Чтобы понять, как и благодаря чему появилась новая научная дисциплина – теория перевода, – необходимо обратиться к истории переводческой деятельности.

Перевод, безусловно, является одним из древнейших видов человеческой деятельности, хотя точно определить момент и географическое место его появления практически невозможно. Можно предположить, однако, что переводческая практика зародилась в глубокой древности с возникновением потребности в общении между этническими группами, говорящими на разных языках. Факты свидетельствуют о многотысячелетней истории перевода. Так среди клинописных шумерских текстов, написанных около пяти тысяч лет назад, встречаются двуязычные словники.

По мнению, Н.К. Гарбовского, возникновение перевода можно отнести и к более раннему периоду – к периоду распада естественного языка на отдельные диалекты, положившие начало разным языкам (около 30–40 тысяч лет назад). Считается, что к этому времени сформировался первобытнообщинный строй, расширились функции языка как средства общения, зародились первые прообразы «международных» контактов, которые не могли осуществляться без посредников – первых переводчиков²⁰.

---

²⁰ Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004. С. 29.

Появление перевода связано, таким образом, и с возникновением ситуаций совместного существования на одной территории двух (двуязычие, билингвизм) или нескольких (многоязычие, мультилингвизм) языков.

С развитием экономических, политических, военных, культурных контактов между народами посредниками в межъязыковых контактах выступали люди, владеющие двумя (билингвы) или несколькими языками (полиглоты).

Существует и мифологическая версия происхождения перевода. Она непосредственно связана с библейским мифом происхождения языков. Библейский текст содержит подтверждение научной теории моногенеза (происхождения из одного источника) и последующего разделения языков. Это событие описывается так: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они (народы, выжившие после всемирного потопа) нашли на земле Сеннаар равнину и поселились там... И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя, прежде, нежели расеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот один народ и один у всех язык; и вот что они начали делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли...» (Бытие, 11: 1–9).

Таким образом, Вавилон стал символом многоязычия и, следовательно, переводческой деятельности. Для современных переводчиков Вавилон – символ их профессии. Журнал Международной федерации переводчиков называется BABEL по древнееврейскому имени Вавилона. Изображения Вавилонской башни традиционно украшают обложки многих книг, посвященных переводу.

Предположительно, первыми языковыми посредниками были люди, волей судьбы становившиеся билингвами: женщины, в качестве жен пришедшие в чужое племя, а также захваченные в ходе военных конфликтов пленные, вынужденно осваивавшие язык нового народа.

Существование древних империй и государственных объединений (Древний Египет, Римская империя, государства Древней Греции, Индии, Ирана, Средней Азии и др.), возникавших в результате завоевательной деятельности, не мыслилось без работы переводчиков. Уже тогда деятельность переводчиков осуществлялась на профессиональной основе.

Первые исторические свидетельства относят перевод примерно к III тысячелетию до н. э. и в асуанских письменах – древнейшем из дошедших до нас памятников, упоминающих о переводе, – указывается, что египтяне имели переводчиков в лице князей Элефантины – острова на Ниле. В этом пограничном районе, где бок о бок жили нубийцы и египтяне, развилось двуязычие, и составившее основу переводческой деятельности. Переводчики были у египтян и в районах Синая, где проживало семитское население. Переводчики участвовали в военных походах, сопровождали торговые караваны.

О том, что переводческая деятельность велась уже в III тысячелетии до н. э., свидетельствуют глиняные таблички, обнаруженные в библиотеке Ниневии – столице Ассирии. Значительную часть коллекции этой первой в мире библиотеки составляли многоязычные словники, которыми пользовались для переводов шумеры и вавилоняне. Самые древние относятся к периоду царствования Саргона Аккадского (2872–2817 до н. э.), который любил, чтобы его подвиги были воспеты на разных наречиях его империи.

Несомненно, что переводческая деятельность основывается, в первую очередь, на знаниях об устройстве языка. Появление первичных знаний об устройстве языка связано с возникновением письменности.

Из периода правления фараона Рамсеса II около 1280 г. до н. э. до нас дошел договор, заключенный египтянами с хеттским царем Хаттусилисом. Первоначально текст был составлен на аккадском языке (вавилонском), но в Египте договор был переведен на египетский язык, отредактирован Рамсесом, вновь переведен на аккадский и отправлен хеттскому царю. Так как сохранились оба варианта, ученые пришли к выводу, что при тождественности содержания египетский вариант отличается большей подробностью.

Небезынтересно отметить, что уже в XIV–XIII вв. до н. э. источники зафиксировали сведения о конкретном переводчике – верховном жреце Анхурмесе. Сохранилась его автобиография, в которой он пишет, что был бедняком, но затем, обучившись, сумел стать переводчиком, знатоком многих языков. Как видим, в Египте социальное положение переводчика было довольно высоким.

Наконец, можно указать наличие в Древнем Египте и так называемого *хронологического* перевода, т. е. передачи текстов с более древних форм языка на более поздние. Необходимость в хронологических переводах была вызвана изменением системы письменности – заменой иероглифов буквенным письмом. Так обстояло дело, например, с одним из крупнейших памятников древнеегипетской литературы – «Книгой

мертвых». Тем самым перевод выступал в роли инструмента сохранения традиций, способствовал непрерывности литературного процесса.

В Древнем Египте еще не обнаруживается явление, которое можно было бы назвать литературным переводом. Можно предположить, что чаще всего, переводились различные государственные документы и в основном с аккадского языка и на аккадский.

Важную роль играл перевод и в Вавилоне, где на основе перевода древних шумерских текстов в I тыс. до н. э. формировалась аккадская литература. До наших дней дошло наследство из нескольких миллионов табличек с клинописью, содержащих переводные шумерские тексты, среди которых знаменитая «Поэма о Гильгамаше».

Вавилонские переводчики – *сепиру* – представляли сложную должностную иерархию: царские переводчики, переводчики наместников, управляющих, войсковые и храмовые переводчики.

О контактах древних культур свидетельствуют сохранившиеся шумеро-аккадо-хеттские словари. В ранний период, судя по памятникам, преобладала культура пословного перевода, хотя и встречались элементы литературной обработки текста.

4.2. Перевод в античные времена. Первые теоретические рассуждения о переводе

Говоря об античности, как об истоках европейской цивилизации, прежде всего, упоминают об уникальной античной греческой, а позднее римской культуре, сложившейся в период VI–I вв. до н. э.

При этом о развитии собственно перевода можно говорить лишь в период римской античности. Уникально богатая устная и письменная словесная культура Древней Греции характеризовалась большой степенью самодостаточности, в воздействиях извне не нуждалась, памятников перевода для нас не сохранила²¹. Характеризуя отличительные черты древнегреческой литературы, часто отмечают, что она – единственная из литератур Европы, развивавшаяся самостоятельно, без непосредственного использования других литератур. Хотя восточные элементы и проникали в нее, однако происходило это устным, фольклорным путем. Способствовало подобному положению вещей и пресловутое культурное высокомерие греков, считавших всех чужеземцев «варварами» и соответственно презрительно относившихся к их языкам. По указанным причинам греческая литература классического периода (V–IV вв. до н. э.) вообще не знала художественного перевода.

---

²¹ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., 2004. С. 55.

После завоевательных походов Александра Македонского в последней трети IV в. до н. э. и распада после его смерти созданной им огромной державы образовался ряд новых государств (Египет, Сирия, Пергам и др.), во главе которых встали бывшие сподвижники Александра и их потомки. Эти государства, в которых наблюдалось своеобразное смешение греческих и восточных элементов, стали называть *эллинистическими*, а весь период от Александра Македонского до установления над ними римского владычества эпохой *эллинизма*, т. е. распространения эллинской (греческой) культуры в странах, завоеванных македонцами. Греческий язык получил широчайшее распространение, превратившись в универсальное средство общения, и сохранил свои позиции и после того, как и сама Греция, и эллинистические государства утратили политическую самостоятельность, и попали под власть Рима.

По мнению ученых, несмотря на большое количество переводов на древнегреческий язык, собственно греческой переводческой традиции античность не знала. Какие-либо теоретические рассуждения о переводе отсутствовали, а весьма оживленная лексикографическая работа, развернувшаяся в эллинистическую эпоху (словари трудных и устаревших слов, диалектные и этимологические словари и т. д.), была исключительно одноязычной.

Но если светская литература переводилась в Древней Греции настолько мало, что от переводов не осталось сколько-нибудь существенных следов, то в сфере религии ситуация была несколько иной и священные тексты неоднократно переводились с древнееврейского на греческий и в период, когда Греция была самостоятельным государством, и тогда, когда она стала частью Восточной Римской империи – Византии.

Среди переводов Священного Писания на греческий язык особого внимания заслуживает перевод, получивший название Септуагинты, или, в русской богословской традиции, «Перевода семидесяти толковников».

По предположениям, обращение к переводу древнееврейского закона на греческий язык было вызвано желанием царя Птолемея иметь это произведение на греческом языке в знаменитой Александрийской библиотеке. По другой версии еврейская община в Египте утратила связь с родиной и мало-помалу стала утрачивать и родной язык, так как все общение осуществлялось на греческом языке. В результате этого отправление службы в синагогах оказалось затрудненным. Иудейский ритуал предполагал обязательное чтение Торы на древнееврейском языке. Чтение производилось при участии устных переводчиков, что приводило к искажениям священного текста. Единая версия перевода была

предназначена для чтения в синагогах для иудеев, говоривших только по-гречески.

Не исключают и третью возможную причину перевода иудейской Библии на греческий язык, а именно стремление древнееврейских священников распространить идеи иудаизма на другие страны, прежде всего на народы Средиземноморского бассейна. Учитывая доминирующую роль греческого языка в этом регионе, можно вполне допустить, что греческая версия Ветхого Завета была призвана выполнить важную миссию – внедрить в сознание многих народов идеи древнееврейского монотеизма²².

Предположительно Септуагинта была переведена в период между 250 и 150 гг. до н. э. Для выполнения перевода первосвященник Иерусалима направил в Египет 72 старца-ученых, в совершенстве владевших древнееврейским и греческим языками. Для удобства обозначения число 72 традиционно округляется до 70. Таким образом, возникло латинское обозначение этой переводческой версии – LXX, или Septuaginta.

В отличие от греческой культуры, культура *Древнего Рима* получает свое развитие как раз во многом благодаря переводу. В основе древнеримской культуры лежит системный перевод греческого культурного наследия²³.

Возникнув как небольшое поселение (около 753 г. до н. э.), Рим постепенно превращался в мировую державу, подчинив себе множество стран и народов. В результате соприкосновения с греческими колониями в Италии началась *эллинизация* римской культуры, особенно усилившаяся к III в. до н. э. Уже во II в. до н. э. знание греческого языка было для представителей римской знати почти обязательным явлением в большинстве аристократических семей. Знание греческого языка было свидетельством образованности и высокого статуса в римском обществе, посредниками и переводчиками в дипломатических и культурных контактах с греками выступали влиятельнейшие граждане Рима. Так, первым среди известных нам имен устных переводчиков значится имя сенатора *Гая Ацилия*, переводившего переговоры с греческим посольством в сенате в 155 году до н. э. Указанные обстоятельства создавали благоприятные условия для развития перевода. С одной стороны, широко применялся при сношениях с другими народами коммуникативный перевод, с другой – формировалась традиция художественного перевода, который выполнялся исключительно с греческого языка.

---

²² Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004. С. 42.

²³ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., 2004. С. 56.

Родоначальником перевода письменных памятников считается *Луций Ливий Андроник* (ок. 275–200 гг. до н. э.). Его перевод «Одиссеи» Гомера является первым примером культурной адаптации. Так, например, в латинском тексте имена древнегреческих богов заменены на древнеримские, а греческий быт латинизирован.

I в. до н. э. известен как период «золотого века» римской литературы. Знание греческого языка, становится практически повсеместным. Переводы с греческого признаются философами и литераторами «наилучшим занятием».

С другой стороны, практическое двуязычие римского общества приводило к тому, что большинство римлян могло знакомиться с произведениями греческой литературы непосредственно по оригиналу. Поэтому, работа переводчика сводилась не столько к точной передаче подлинника, сколько к творческой обработке оригинала, созданию по мотивам последнего собственной версии. Понятие «*fidus interpres*» – «верный переводчик» получало у большинства римских авторов негативную оценку как явление, стоящее за пределами литературы. Об этом, в частности, свидетельствуют, с одной стороны, слова Цицерона, ставившего себе в заслугу, что он подошел к передаче греческого текста не как переводчик, а как оратор и поэтому не имел надобности переводить слово в слово.

Цицерон, Вергилий, Гораций, Бозций, другие переводчики античности были, как правило, писателями, поэтами, риторами и философами. Именно в этот период возникают первые теоретические наблюдения над переводом.

Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) сам плодотворно занимался переводами и много писал о переводе. Теоретическая формулировка задачи перевода изложена Цицероном в предисловии к его авторскому переводу речей Эсхина и Демосфена. В его время многие переводчики переводили тексты дословно. Он же стремился передать дух текста, смысл слов, а не их точное количество и перевод. Он утверждал, что переводить нужно, скорее, «по весу» слов, чем по их количеству, т. е. определил проблему, над которой продолжают спорить переводчики вот уже в течение 2000 лет: оставаться ли верным словам текста или его духу. Таким образом, именно у Цицерона впервые встречается оппозиция двух категорий перевода: противопоставление вольного перевода буквальному.

Творческое наследие Цицерона сыграло важную роль в дальнейшем развитии европейского перевода и принадлежит к числу наиболее замечательных страниц античного переводческого наследия.

4.3. Перевод в средние века. Перевод Библии как отражение основных тенденций средневекового перевода

Формированию устойчивых форм двуязычия в эпоху феодализма способствует переход от языческих верований к новым религиям, которые вносили в общество второй, культовый язык и письменность. Выделение в ситуации двуязычия ведущего языка, основание на нем письменной культуры и механизма обслуживания государственного управления, выводят деятельность переводчика не только в разряд профессиональной, но и требуют от него высокого для своего времени уровня образования и культуры.

Любая новая историческая эпоха знаменуется коренными изменениями в общественном сознании, в осознании человеком себя и своего места в окружающем мире. Так, если исторически отправной точкой европейского средневековья принято считать момент распада Великой Римской империи (IV в.), в духовном плане рубеж эпох ознаменован переходом человека от расчлененного, рассеянного представления об окружающем мире – к единобожному (монотеистическому). Для европейских народов ведущим вариантом единобожия явилась христианская религия²⁴. Грандиозная перемена в мировоззрении обусловила новый подход к переводу и закрепила его на долгие века.

Христианство принесло Священное писание – священный текст, данный Богом и почитаемый как святыня. Перевод и толкование Священного писания – центральная системообразующая идея средневековой европейской культуры. Христианство принесло европейским народам письменность. И поскольку почти у каждого народа первым письменным текстом был текст Библии, можно сказать, что письменность возникла именно для нужд перевода священного текста. Письменный перевод, таким образом, выполняет роль механизма европейской религиозной консолидации. По данным исследователей, от 87 до 99% средневековой европейской литературы имеет переводной характер. Это говорит об общности текстовой культуры Европы и христианской доминанты в ней²⁵.

Письменный перевод в данную эпоху носит преимущественно словесный характер и базируется на представлении об *иконической* природе слова. Слово воспринимается как образ вещи. Между словом и вещью существует неразрывная связь, установленная Богом. В задачи переводчика входит обязанность четко, последовательно, без изъятий отражать каждое слово, дабы не разорвать божественный замысел. При

---

²⁴ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., 2004. С. 62–63.

²⁵ Там же. С. 64–66.

этом переводчики не заботятся ни о мастерстве перевода, ни о понятности текста перевода. Затуманенность, непонятность переводного текста считается нормой. Она усиливает мистическое воздействие религиозного слова. Позднее данная манера получила название «буквальный перевод», некоторые исследователи также называют такой перевод «рабским».

К характерным чертам средневекового перевода можно отнести также отсутствие понятия *авторства перевода*. Центрами перевода становятся монастыри, где переводами занимаются просвещенные монахи. Перевод воспринимается не как собственное творчество, а как деятельность, руководимая божественным вдохновением. Имена переводчиков, как правило, не фиксируются.

Вместе с тем история все же сохранила ряд имен переводчиков. Среди них: вестготский монах *Вульфилла* (IV в.), разработавший для нужд перевода Библии готский алфавит; ирландский монах *Скотт Эригена* (IV в.) – переводчик священных текстов и философских трактатов. На древнеанглийский язык сочинения теологического, исторического и философского содержания переводят члены кружка, организованного королем Альфредом Великим в IX веке и другие.

Особое место в ряду средневековых переводчиков отводится *Иерониму Стридонскому* (ок. 340–420 гг. н. э.) – выдающемуся филологу, теологу и писателю раннего средневековья, получившему, спустя века, статус христианского святого.

История не сохранила подробного жизнеописания Святого Иеронима. Известно, однако, что родился он в Далмации (современная территория Боснии) в богатой христианской семье. Учился в Риме. В 375–378 гг. жил отшельником в пустыни вблизи Антиохи (Анталья). По возвращении в Рим служил советником при дворе Папы Дамасия, но в 386 г. вновь ушел в отшельники в Вифлеем. Изучал арамейский и древнееврейский языки, основал несколько монастырей, в конце жизни был настоятелем монастыря близ Иерусалима.

Главное дело жизни Иеронима – перевод Библии. Иероним – переводчик того варианта Библии, который называется *Vulgata*, то есть народная Библия. Вплоть до нового времени Иероним оставался крупнейшим знатоком Библии, единственным христианским ученым, изучавшим Библию в древнееврейском подлиннике. По поручению Папы Римского Дамасия Иероним создал латинскую редакцию текстов Нового Завета, переведенных с греческого. Но главной заслугой Иеронима является отказ от перевода Библейских текстов с текстов посредников, греческих и латинских, затуманенных и искаженных буквальным переводом и многочисленными толкованиями. Перу Иеронима принадлежит

новый перевод библейских текстов, сделанных с языка оригинала, древнееврейского, на латинский (390–405).

Св. Иероним известен также и своей четкой теоретической концепцией, изложенной в 111 предисловиях к его переводам богословских текстов²⁶. Хотя им безусловно признается священный характер библейского слова, свое переводческое кредо он формулирует как перевод не «от слова к слову», а от «мысли к мысли». В своих подходах к ораторскому искусству, к законам построения текста и переводу Св. Иероним по праву считал себя учеником Цицерона²⁷.

На Тридентском соборе в 1546 году его латинский текст под названием «*Biblia sacra vulgatae editionis*» признан каноническим. По влиянию на развитие цивилизации труд Иеронима не имеет равных в истории человечества. Переводчик-подвижник канонизирован католической церковью. Мозаика с изображением единственного святого переводчика украшает собор Св. Петра в Риме. Согласно современной традиции, Святой Иероним считается отцом и покровителем всех переводчиков. А день именин Св. Иеронима – 30 сентября, отмечается как всемирный день перевода.

Начиная с XII–XIII вв. среди памятников перевода увеличивается доля светских текстов. По Европе распространяется рыцарский роман. Среди самых популярных переводов – переводы старофранцузского эпоса «Песнь о Роланде».

В XII веке в Толедо (Испания) появилась переводческая школа (школа Толедо), просуществовавшая примерно 200 лет. В школе Толедо были представлены почти все рабочие языки цивилизованного мира того времени. На национальный язык переводились философские, медицинские, математические трактаты, работы по астрономии и астрологии. Выдающимся переводчиком школы был *Герхард из Кремоны*. Уделяя большое внимание интерпретации и комментариям к текстам, школа Толедо донесла до нас произведения античных и арабских авторов (например, Авиценны), а также Коран. В настоящее время 52 манускрипта с сотнями переводов хранятся в Толедском кафедральном соборе и в Национальной библиотеке в Мадриде.

4.4. Перевод в эпоху Возрождения

Перевод в эпоху Возрождения. Примерно с середины XIV века в Европе сугубо религиозное средневековое сознание начинает уступать место новой мировоззренческой парадигме, проповедующей светское

---

²⁶ Labourt L. *Lettres (de Saint-Jerome, avec traduction)*//Bells Lettres. Paris, 1949. Vol. 8.

²⁷ Гарбовский Н. К. *Теория перевода.* – М., 2004. С. 49.

образование, светскую науку и искусство. Новая эпоха носит название эпохи Ренессанса или Возрождения, возрождения идеалов античности. С возникновением Ренессанса в Италии в XIV веке и его распространением по всей Европе в XV–XVI веках происходит новый расцвет переводческой деятельности, появляется новое качество переводческой мысли: увеличивается перевод светской, дипломатической, деловой литературы.

К наиболее переводимым относятся памятники античности: произведения Овидия, Вергилия, Тита Ливия, а также новинки итальянской литературы, наиболее развитой к XV веку. Данте, Петрарка, Боккаччо переводятся в эпоху Возрождения на все европейские языки.

Интерес общества к светской литературе смещает акцент деятельности переводчиков с формы (буквальный перевод) на содержание. Свои практические задачи переводчики видят в точной передаче смысла оригинала и соблюдении нормы родного языка.

Еще одним знаком эпохи является бурное развитие лексикографии. Появляются двуязычные и многоязычные словари. «В конце XVI века перевод становится потребительским товаром, который может быть еще и не был очень популярным, но, конечно же, уже не являлся редкостью» (Ж. Мунен).

Среди известных переводчиков эпохи можно назвать Генриха Штейнхеле (Германия), Иохима дю Белле и Этьена Доле (Франция).

Указанные практические установки отражаются и в теоретических концепциях времени. Еще в конце средневековья (XIII) *Рожер Бекон* в своем «*Opus Majus*» выставил требования сознательного подхода к передаче иностранных подлинников – на основании знания языков и различных наук, позволяющих правильно передать содержание переводимого. Развитие этих мыслей мы видим в теоретических работах Возрождения.

Так, в 1540 году *Этьен Доле* выпустил трактат «О способе хорошо переводить с одного языка на другой». Тому же вопросу посвящены отдельные главы в трактате *Иоахима дю Белле* «Защита и прославление французского языка».

Э. Доле провозглашает следующие требования к переводчику:

- в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит;
- в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;
- избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;

- использовать в переводе общеупотребительные формы речи;
- правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности».

В Англии, в 1680 году, *Джон Драйден (Dryden)* сформулировал аналогичные принципы для поэтического перевода: переводчик должен быть поэтом, понимать особенности автора, владеть языками, соотносить свой талант с талантом автора, не превосходить его; сохранить смысл оригинала; «заставить автора говорить так, как говорит современный англичанин».

Однако церковь в эпоху Возрождения, ощущая неизбежность перемен, ужесточает борьбу с вольнодумием, одним из проявлений которого считается и отступление от норм пословного перевода. За неканоническое толкование одной реплики Сократа в 1546 году сожжен на костре Этьен Доле. Еретичеством объявляются все попытки перевода Библии на национальные языки. За попытку перевода Библии на английский язык по приказу Карла V на костер взошел ученый Вильям Тиндл (1494–1536).

В это же время попытки популяризации Библии посредством перевода на народные языки повторяются неоднократно. И, в конечном счете, приводят не только к перелому в истории перевода, но и, в известной степени к расколу в христианском мире. Как отмечает Ж. Мунен, «вместе с религиозными войнами идут войны переводов».

Такой исторический перелом связан именем немецкого священника, доктора теологии *Мартина Лютера* (1483–1546). Лютер проповедовал необходимость для человека прямого общения с Богом, без посредничества священнослужителей и воплотил свои идеи в новых принципах перевода. Перевод Библии Мартином Лютером стал основой Реформации христианской церкви.

Лютер перевел Новый завет с латинского на немецкий. Свое переводческое кредо – антибуквализм – Лютер изложил в двух произведениях: в «Послании о переводе», и в «Суммариях о псалмах и причинах перевода» (1530). Он выразил свою позицию так: «Пойми суть явления, а слова последуют сами». Лютер призывал добиваться простоты языка перевода и ясности смысла, чтобы священное слово было понятно любому человеку, т. е. следовать нормам общенародного языка. Перевод Библии Лютера до сих пор используется в протестантском богослужении.

Итак, в эпоху Ренессанса происходит возврат к линии Цицерона, Горация, Св. Иеронима, к переводу «верному смыслу».

История перевода в Новое время изучалась преимущественно как история перевода художественной литературы. Это закономерно в силу

огромной роли, принадлежащей в истории литературе и культуре, в силу особой сложности и многосторонности данного вида перевода.

Вместе с тем, если в Средние века мысль ученых и переводчиков занимал вопрос о способе перевода, то в Эпоху Возрождения зарождаются первые сомнения о возможности перевода. Так, Данте в своем трактате «Пир» пишет: *« Пусть каждый знает, что нечто, заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено на другой язык без нарушения всей его гармонии и прелести».*

Сервантес скептически сравнивает перевод с изнанкой ковра, где *« фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости и тех красок, которыми мы любимся на лицевой стороне...»*

«Антологией всех аргументов против перевода» (Ж. Мунен)²⁸ становится трактат французского поэта и теоретика литературы Жоашена Дю Белле «Защита и прославление французского языка» (1549). С именем Дю Белле в истории перевода связывают так называемый «переводческий скептицизм». В основе аргументации против перевода Дю Белле лежит главное свойство перевода – верность автору и оригиналу. При этом форма произведения трудно передается при переводе в силу своеобразия языков, а также собственной авторской позиции переводчика. Рассматривая перевод с позиций скептицизма, Дю Белле признает, что перевода как такового не существует, так как каждый переводчик создает свое собственное произведение, в силу ума и таланта, лишь отчасти напоминающее оригинал²⁹. Отрицая пользу перевода, Дю Белле призывает переводчиков пойти по пути подражания авторам оригиналов, по пути своеобразного перевоплощения в переводимых авторов, следуя их достоинствам. Идеи Дю Белле о противопоставлении перевода и подражания особым образом повлияли на переводы XVII–XVIII вв., особенно во Франции, дали начало течению, получившему название «Belles Infideles» («Прекрасные, но неверные» Перро Д'Абланкур).

Лекция 5. Перевод в Европе XVII–XIX веков

План лекции:

- 5.1. Классицистический перевод XVII–XVIII веков
- 5.2. Романтический период перевода
- 5.3. Теория неперевода В. фон Гумбольта

---

²⁸ Mounin G. Les belles infideles. Lille, 1994. P. 13

²⁹ См. Гарбовский Н. К. Теория перевода. – М., 2004. С. 111–121.

5.1. Классицистический перевод XVII–XVIII веков

Под классицизмом понимают течение в европейской художественной культуре, возникшее в XVII столетии во Франции и получившее затем распространение в других странах. Характерной чертой классицизма стал рационалистический подход к проблемам искусства, провозглашение вневременного, построенного по законам разума эстетического идеала, в соответствии с которым должны оцениваться художественные произведения. Особой популярностью у представителей классицизма пользовалось античное наследие, в котором видели абсолютную норму и образец для подражания.

Начиная с конца XVII в. в европейских литературах определяются принципы перевода, базирующиеся на нормах эстетики Николя Буало, согласно которым текст перевода должен приближаться к некоему художественному идеалу. Характерной чертой перевода в период господства классицизма принято считать вольную трактовку оригинала, доходившую иногда до прямого вмешательства в передаваемый текст. Согласно эстетической позиции *классицизма*, текст оригинала признавался несовершенным материалом. При переводе приветствовались любые исправления, украшения, изменения композиции и состава персонажей, обусловленные стремлением приблизить текст к классицистическим идеалам: единству времени, места и действия, опоре на создающиеся нормы изысканной («перециозной») письменной литературной речи, соответствию изысканным вкусам салонной публики. В результате исчезали авторское и стилистическое своеобразие оригинала, устранялся его национальный колорит. В фокус внимания попадает эстетичность переводного текста, в угоду его верности оригиналу. «Самый приятный перевод есть самый верный», пишет Флориан. «Нравиться!» – становится девизом переводчиков эпохи «прекрасных неверных»³⁰.

Прекрасные неверные «переводы-переделки» получили наибольшее распространение *во Франции*, где они выходили, в том числе, из-под пера великих мастеров словесности Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена, Буало. Понятие «французская манера перевода» стало синонимом неуважительного отношения к подлиннику.

Предводителем течения «прекрасных неверных» в переводе считается Николя Пьеро Д'Абланкур. Ему приписывают сравнение перевода с женщиной, которая если верна, то не красива, а если красива, то неверна.

Принцип «угождать читателю и совершенствовать автора» применялся к писателям самых различных эпох – от античных классиков до

---

³⁰ Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М., 2004. С. 126.

Шекспира и Сервантеса, не говоря уже о более близких по времени писателях. Так, французский переводчик Флориан, переводивший «Дон Кихота», также отмечал, что рабская верность оригиналу есть порок, и поэтому считал себя вправе удалить из текста романа «излишки» и эпизоды, в которых видны «черты дурного вкуса». А.С. Пушкин в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» пишет: *«...Долгое время французы пренебрегали словесностью своих соседей... В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы не находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить образованный вкус французского читателя. Странно, когда подумает, кто, кого и перед кем извинял таким образом...»*³¹.

Теоретические проблемы перевода в рассматриваемую эпоху решались в рамках «спора древних с новыми», т. е. дискуссии о сравнительном достоинстве античных и современных писателей. Его зачинщиком выступил знаменитый французский писатель Шарль Перро (1628–1703). В 1687 г. вышла в свет его поэма «Век Людовика Великого», в которой доказывалось, что французы, которым выпало счастье быть подданными «короля-солнца» (Людовика XIV), не только ни в чем не уступают древним грекам и римлянам, а, напротив, во многих отношениях даже превосходят их. Таким образом, был поставлен под сомнение один из существенных постулатов классицизма – признание античности абсолютным идеалом. Однако сам подход к явлениям искусства, в том числе и к методу перевода, по существу, оставался классицистическим: по-прежнему провозглашалось наличие некоего идеала (только не в древности, а в современности), равняясь на который надлежало «исправлять» в соответствии с ним переводимых авторов.

В качестве примера Перро приводит перевод стихотворения Горация «Сатиры», выполненный видным поэтом и теоретиком классицизма Никола Буало. По мнению Перро, на французском языке оно выглядит гораздо изящнее, нежели в оригинале, где стихотворение страдает грубостью и шероховатостью. Высказанное неуважительное отношение Ш. Перро к античным идеалам вызвало раздражение таких крупнейших представителей французского классицизма, как Ж.П. Расин и самого Н. Буало.

Начавшийся в XVII в. спор продолжился и в следующем столетии. В 1714–1716 гг. вся читающая Франция с напряженным вниманием следила за дискуссией о принципах перевода поэм Гомера. Ее наиболее актив-

---

³¹ Цит. По: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. – М., 1983. С. 27.

ными участниками стали два создателя французских версий «Илиады» – член Французской Академии Антуан Удар де ла Мотт и Анна Дасье.

Де ла Мотт так определил свои переводческие принципы в «Слове о Гомере»: «Во многих местах я – переводчик, во многих других – автор... Я хотел, чтобы мой перевод был приятен, а для этого понадобилось подменить понятия, принятые в век Гомера, понятиями, принятыми ныне... Я ставил себе целью дать публике французскую поэму, которая читалась бы, и полагал, что могу достигнуть этой цели в том случае, если поэма будет короткой, интересной и свободной, по крайней мере, от больших недостатков». Как теоретические установки Удара де ла Мотта, так и их практическая реализация вызвали резкую отповедь оппонента Анны Дасье.

В чисто личном плане спор между двумя переводчиками «Илиады» (как ранее между Ш. Перро и Н. Буало) закончился в 1716 г. светски учтивым примирением. Однако сама проблема, поднятая в рамках «спора древних с новыми», продолжала привлекать к себе внимание и вылилась в проблему верности оригиналу. Так, в вышедшем в 1719 г. сочинении «Критические размышления о поэзии и живописи», историк и критик Жан Батист Дюбо (1674–1742) полемически выступает против «ненавистников древности» и заостряет внимание на ограниченных возможностях любого перевода, вызванных несходством исходного и переводящего языков, их стилистических систем, моментами национальной культурной специфики: «Перевод – это эстамп, в котором от картины остались только композиция и позы фигур, да и те искажены».

Однако еще до того, как упомянутая выше поэма Ш. Перро положила начало многолетнему спору, в 1661 г. во Франции вышел в свет трактат «О наилучшем способе перевода», автором которого был Пьер Даниэль Юэ (1630–1721). Именно его обычно считают высшим достижением французской переводческой мысли рассматриваемой эпохи, ставя автора в один ряд с наиболее выдающимися теоретиками перевода от Лютера до наших дней.

Юэ выдвигает требование, чтобы перевод следовал за подлинником «слово в слово» и сохранял саму структуру последнего до такой степени, которая возможна без насилия над переводящим языком. Автор трактата не обходит трудностей, которые обусловлены несходством языков, но считает их лишь доказательством того, что перевод представляет собой настоящее искусство. Особый интерес трактату Юэ придает наличие в нем специального раздела, посвященного научному переводу, в котором автор усматривает одну из важнейших задач цивилизации, до сих пор находившуюся в ничем не оправданном пренебрежении.

В силу распространенности французского языка, его установления в качестве языка межнационального общения в Европе XVIII века, течение «прекрасных неверных» вышло за пределы чисто национального французского явления и на долгие годы стало образцом для подражания переводчиками других европейских стран.

В практике *английского* перевода рассматриваемой эпохи также обнаруживаются черты, сближающие его с классицистическими установками, хотя сам классицизм и не получил на Британских островах такого широкого распространения, как во Франции.

Ярким образцом «прекрасных неверных» может считаться крупнейший представитель английского классицизма Александр Поп (1688–1744). Переводя Гомера, Поп довольно сильно видоизменял оригинальный текст, руководствуясь критерием «хорошего вкуса». Он снабдил поэмы отсутствовавшей в оригинале рифмой, заменил гекзаметр более привычным для английской поэзии размером. Версия Попа приобрела большую популярность, в том числе и среди критиков. Крылатой в этой связи стала фраза филолога Ричарда Бентли: «Это прелестная поэма, мистер Поп, но вы не должны приписывать ее Гомеру». А известный историк Эдуард Гиббон назвал перевод Попа портретом, который наделен всеми достоинствами, кроме одного – сходства с оригиналом.

В числе основоположников английского классицизма называют и поэта и теоретика перевода Джона Драйдена (1631–1700). Драйден предлагает различать три возможных способа передачи иноязычного текста: *метафразу* – пословное и построчное воспроизведение текста; *парафразу*, или собственно перевод, при котором переводчик строго следует не столько словам, сколько смыслу произведения; и *имитацию* (подражание), создавая которую, переводчик не только варьирует и смысл и слова, но и готов отклониться от оригинала, как ему заблагорассудится.

Наиболее резкие замечания Драйден адресовал буквалистской манере перевода. Что касается имитации, то Драйден все же считает ее наиболее выгодным способом передачи, который в максимально возможной степени позволяет переводчику показать себя, но крайне несправедливым по отношению к автору оригинала. Давая негативную характеристику дословности и подражанию, Драйден настаивает все же на необходимости среднего пути между ними.

Своеобразным итогом развития английской переводческой мысли XVII–XVIII вв. стала работа Александра Ф. Тайтлера (1747–1813) «*Essay on the Principles of Translation*», первоначальный вариант которой

представлял собой доклад, прочитанный в 1790 г. на заседании Королевского Общества.

В своей работе Тайтлер останавливается на давнем споре о том, что должен передавать переводчик – только ли дух и содержание оригинала, или же он обязан также сохранять верность стилю и манере автора, включая присущие произведению формальные признаки. Считая обе приведенные точки зрения противоположными крайностями, и утверждая, что «подлинное совершенство» следует искать между ними, Тайтлер определяет хороший перевод как равнозначный подлиннику *по производимому на читателя впечатлению*. Примечательно, что схожие мысли были высказаны примерно в то же время его соотечественником Дж. Кемпбеллом в книге «Перевод четырех Евангелий с примечаниями». Актуальность и свежесть завяленного принципа не утрачена и с позиций современной нам теории перевода, в рамках которой он получил научное обоснование.

Говоря о *немецкой* переводческой практике рассматриваемой эпохи в целом, необходимо отметить, что – в связи с присущей ей общей тенденцией – особое внимание в Германии, как и во многих других европейских странах, уделялось воссозданию античного наследия, т. е. переводу греческих и римских писателей.

В *Германии* особый интерес к проблемам перевода стал наблюдаться начиная со второй половины XVIII столетия. Одним из его проявлений стало стремление отмежеваться от того, что крупнейший представитель рассматриваемой эпохи Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781) называл «неверным французским переводом». Резкая критика последнего была необходима еще и потому, что на протяжении многих лет немецкий читатель в ряде случаев знакомился с произведениями европейской литературы, по переводам с французских переводов, хотя даже прибегавшие к такому способу передачи авторы часто признавали, что французы позволяют себе по отношению к оригиналу большие вольности.

Вопросов перевода касался в своей работе «Основы критической поэзии» профессор Цюрихского университета Йозеф Брейтингер (1701–1776). По его мнению, от переводчика требуется воспроизведение тех понятий и мыслей, которые он видит перед собой сплетенными в замечательный красочный узор. Необходимо соблюдать присущие оригиналу «порядок, отношение и связь», чтобы перевод действовал на душу читателя с такой же силой, как и подлинник.

Присоединяясь к требованию соблюдать верность подлиннику, писатель Фридрих Готлиб Клопшток (1724–1803) вместе тем акцентирует внимание прежде всего на верности духу оригинала, поскольку по отношению к «буквам» она неизбежно ограничивается объективным фак-

тором – степенью близости самих языков. Кроме того, от переводчика требуется сохранение красоты облика оригинала, равно как и от автора – художественный талант, поскольку, как замечает Клопшток, даже в любви одной только верности недостаточно – необходима еще и обходительность. Наконец, нельзя забывать и о конечной цели перевода – обогащении и обновлении языка, на который он выполняется.

Уделял внимание проблемам перевода и видный немецкий просветитель и писатель Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803). Он противопоставляет друг другу французскую и немецкую традиции, формулируя разницу между ними следующим образом: французы, слишком гордящиеся своим национальным вкусом, подгоняют все чужое под него, тогда как «бедные немцы», не имеющие еще по-настоящему «ни публики, ни отечества, ни тирании хорошего вкуса», хотят видеть оригинал таким, какой он есть.

Деятельность Брейтингера, Клопштока, Гердера и других авторов названной эпохи часто характеризуется как своеобразная «первая вершина», достигнутая переводческой мыслью Германии и во многом подготовившая тот взлет, которым характеризовался немецкий перевод в следующем XIX столетии.

5.2. Романтический период в переводе

Возврат интереса переводчиков к национальному своеобразию подлинника возникает в эпоху Просвещения, когда фокус человеческого мировоззрения смещается в сторону познания собственной истории, национального самосознания, национального места в общем историческом развитии.

Наиболее развернуто и полно романтическое направление проявилось в начале XIX в. Его первыми теоретиками выступили братья Фридрих (1772–1829) и Август Вильгельм (1767–1845) Шлегели. Основной романтической концепции стала борьба против канонов классицизма с присущим последнему понятием абсолютного вневременного идеала, отвечающего законам разума. Отсюда основные особенности романтического подхода:

- отрицание рамок – стремление к универсализму, широкому охвату явлений действительности;
- отказ от безликого идеала в пользу индивидуальности, усиленный интерес к человеческой личности;
- смещение интереса с идеалов античной литературы в пользу литератур других стран и народов, стремление выявить присущую им неповторимость и передать ее.

Такое понимание задач перевода пришло в первой четверти XIX века с закатом идеалов классицизма и подъемом новой литературы, пропитанной фольклором и местным национальным колоритом и своеобразием (работы немецкого просветителя Гердера, Гете, перевод Шиллером «Макбета»). В целом поворот связан с последствиями разгрома армии Наполеона и подъемом национальных идей в большинстве освободившихся стран.

Первые заметные проявления построенного на новом мировоззрении отношения к переводу зародились на немецкой почве. В Германии, в конце восемнадцатого – начале девятнадцатого века формируется переводческая школа, связанная с развитием романтического направления и творчеством *Новалиса*, братьев *Шлегелей*, *Гофмана*, *Ф.Д. Шлейермахера*.

А.С. Пушкин так определяет новое отношение к переводу: «От переводчиков стали требовать более верности и менее щекотливости и усердия к публике – пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их национальной одежде»³².

Новое мироощущение человека наложило отпечаток и на выбор источников для перевода. В литературном наследии народов выбираются произведения, отстоящие на исторической дистанции от момента перевода: вновь переводится драматургия Шекспира (немецкие романтики Август Шлегель и Людвиг Тик, французские – Шатобриан и Альфред Де Виньи), произведения Сервантеса.

Как отмечает И.С. Алексеева, «практика классицистических переделок еще чувствовалась в этих первых опытах, но в каждой из этих работ отмечается качественная новизна: попытка разными способами передать национальную специфику. Переводы романтиков остаются в национальной культуре народов навсегда»³³.

Повышение требований к переводу привело к обострению осознания его трудностей. В теоретическом плане такое осознание совпало с развитием сопоставительного языкознания, пролившего свет на своеобразии национальных языков, на несопоставимость подходов в отражении языками специфики народного «духа». Выделение народной специфики, «духа» языка в очередной раз поставило вопрос о возможности перевода и дало толчок к развитию «теории непереводаемости».

---

³² Цит. По: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 29.

³³ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб., 2004. С. 77.

5.3. Теория неперевода Вильгельма фон Гумбольта

Наиболее категорично высказался о невозможности перевода знаменитый немецкий лингвист, философ языка и видный переводчик античной поэзии Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835). В письме Августу Шлегелю (1796) он пишет: *«Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить неразрешимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка своего народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и просто невозможно»*³⁴.

В ответ А. Шлегель высказался не менее пессимистично, сравнивая перевод с поединком, в котором неизбежно погибает один из его участников – либо автор подлинника, либо переводчик.

Теория неперевода стояла в непосредственной связи с мистическим взглядом Гумбольдта и его единомышленников на языки мира, каждый из которых, по их мнению, определяет и выражает национальное своеобразие «духа», а, следовательно, и мышления данного народа, и поэтому не сводим ни к одному другому языку.

В основании теории неперевода лежит преувеличенное внимание к формальным элементам языка (свойственное романтикам и символистам). Несовпадение формальных элементов разных языков делает невозможным воспроизведение формального характера какой-либо особенности подлинника и вместе с тем ее смысловую и художественную роли. Понимание же целого произведения как суммы формальных элементов ставит под вопрос возможность перевода в целом.

В переводоведческой литературе часто излишне акцентируют внимание на высказываниях, подобно приведенному выше, подтверждающих принципиальное отрицание Гумбольдтом самой возможности полноценного перевода. Между тем, в других трудах он неоднократно отмечал, что реальный опыт перевода с разных языков наглядно демонстрирует возможность – пусть с разной степенью удачи – выразить каждую идею в любом языке. Кроме того, нельзя забывать, что сам Гумбольдт много занимался переводческой деятельностью в течение практически всей жизни и часто говорил о переводе как своей страсти, овладевающей им с непреодолимой силой.

В наиболее полной форме взгляды Гумбольдта нашли воплощение в предисловии к выполненному им переводу трагедии Эсхила «Агамемнон» (1816).

---

³⁴ Цит. По: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 31.

Теория непереводаемости нашла поддержку в XX веке в американской теории Сепира и Уорфа, согласно которой особенности каждого языка влияют на мышление людей, пользующихся языком, а в результате, на содержание мысли, сформулированное на одном языке, не может найти соответствие в другом, а также в идеях неогумбольдтианцев (Лео Вайсбергер, Германия; Уиллард Куайн, США) о неналожимости языковых картин мира и о несводимости значений и ситуаций в разных языках.

Тема 3. Переводческая деятельность в России.

Лекция 6. Зарождение переводческой деятельности в России (от Древней Руси до конца XVII века)

План лекции:

6.1. Перевод в Средневековой Руси (X–XV века)

6.2. Древнерусский перевод в XVI в. Деятельность Максима Грека

6.3. Тенденции в развитии перевода и переводческой мысли в XVII столетии

6.1. Перевод в Средневековой Руси (X–XV века)

Переводческая деятельность в России также имеет достаточно давнюю историю, хотя в силу некоторого обособленного положения России по отношению к общеевропейским процессам до XVIII века развитие перевода здесь имеет ряд особенностей.

Перевод зарождается одновременно с возникновением письменности и литературы в период Киевской Руси. Под Киевской Русью принято понимать восточнославянское государство, возникшее в X – начале XI в. и просуществовавшее до монголо-татарского нашествия (XIII в.). Появление письменной литературы связывают с принятием христианства при князе Владимире (988 г.). К этому времени на старославянском языке уже существовала достаточно обширная литература, главным образом переведенная с греческого в других славянских землях, прежде всего в Болгарии, которую Древняя Русь получила в готовом виде. В силу фактического единства старославянского, церковнославянского и древнеболгарского языков книги, написанные по-церковнославянски, были понятны на Руси, где церковнославянский язык утвердился в качестве литературного. Таким образом, можно говорить о едином фонде переводной литературы славянских народов, принадлежавших к православному миру.

Россия поддерживает тесные торговые, политические и культурные связи с Византией, славянскими государствами, Германией, Францией, с восточными странами.

В 864 году греческие монахи братья из г. Солуни (Салоники) Кирилл (827–869) и Мефодий (815–885) были посланы византийским императором для проповедования христианства среди славянских народов. За свою просветительскую деятельность братья канонизированы и в восточной, и в западной христианской традициях, в православии же они почитаются как святые равноапостольные. Кирилл и Мефодий начали свою деятельность с создания алфавита («кириллица»), с помощью которого перевели с греческого на старославянский несколько религиозных текстов, в том числе Новый Завет, Псалтырь и Молитвенник.

После Крещения Руси в 988 году появилось множество переводов на старославянский язык текстов различных религиозных и околорелигиозных жанров: жития святых, притчи, исторические хроники, апокрифы. Благодаря переводам христианской литературы русские люди знакомы с новыми нормами морали и нравственности, значительно расширился их кругозор. Они получили доступ ко многим новым источникам исторической и географической информации.

По утверждению историков, большинство таких переводов выполнялись в Болгарии. Авторство переводов не указывалось. В основном переводы делались с греческого языка, некоторые переводчики, по видимому, использовали латинские и древнееврейские источники, на староболгарский язык.

Как указывает И.С. Алексеева, православный мир представлял собой культурную общность, и эта общность обладала общим фондом текстов. До 99% памятников средневековой письменности представляют собой переводы³⁵.

Как и в европейской традиции, переводы религиозных текстов выполнялись обычно в буквальной манере. Абсолютным приоритетом пользуется теория пословного перевода, основанная на иконическом восприятии слова и особом статусе текста Библии, который и заложил традицию пословного перевода других текстов. Перевод же литературы светского характера носил более вольный характер.

Важную роль в утверждении христианства на Руси играла *агиографическая литература*, излагавшая «жизнеописания» христианских святых («Житие Святой Ирины», «Житие Алексея, Человека Божия»). В занимательной форме такая литература давала наглядные уроки практи-

---

³⁵ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. С. 81.

ческого применения отвлеченных христианских догм, рисовала нравственный идеал христианина.

Кроме библейских книг, широкое распространение на Руси получили и переводы византийских *апокрифов* (предшественники беллетристики), повествовавших о различных чудесах и фантастических происшествиях из жизни Иисуса Христа и его апостолов. Такая литература не признавалась церковью, объявлялась «ложной» и «отреченной».

Кроме религиозной, значительную часть в переводной литературе на Руси составляла историческая и естественно научная литература Средневековья. С XI в. стали известны *византийские хроники* (исторические повествования), в частности хроника Иоанна Малалы Антиохийского (VI в.) и хроника Георгия Алтартола (Грешника), автора IX в. Все эти ранние переводы отмечены стремлением держаться как можно ближе к подлиннику. Анализ «Хроники Иоанна Малалы» отмечает наличие не только доминирующего пословного принципа, но и поморфемную передачу, которая заключалась в переводе каждой греческой морфемы в отдельности.

В ходу и переводные книги, содержащие естественно научные представления Средневековья: «Физиолог» и «Шестоднев», в которых подробнее чем в Библии рассказывалось о сотворении Богом мира за шесть дней, давались сведения об окружающем мире, об устройстве Вселенной, о животном и растительном мире дальних стран.

В XI–XIII вв. начинают переводиться произведения светского характера, но с нравоучительной тенденцией. Популярностью пользуются «Троянская притча», а также «Александрия», представляющая собой жизнеописание полководца Александра Македонского.

В переводах этих произведений заметно больше свободы в обращении с подлинниками, большее разнообразие стилистических средств, что объясняется не только их светским характером, но и влиянием живого русского языка, а также высокой стилистической культурой языка перевода – староболгарского.

Широкое распространение в Древней Руси получили различные сборники переводных нравоучительных изречений, афоризмов и максим, взятых либо из Библии, либо из сочинений античных авторов. Эти сборники носили название «Пчелы», поскольку, как пчелы, собирали мед – только словесный.

Серьезным достижением для своего времени был перевод книги Иосифа Флавия «Иудейская война» (I в. н. э.), в которой очевидцем рассказывалось о взятии и разрушении римлянами иудейской столицы – города Иерусалима. Примечательно, что переводчику удалось выдер-

жать симметрию построения фраз, передать метафоры, в некоторой мере воспроизвести стиль подлинника³⁶.

Таким образом, помимо пословного перевода в Киевской Руси используется и традиция вольного переложения подлинника. Исследователи отмечают высокий уровень русских переводов этого периода, говорят о самостоятельности языка переводов по отношению к языку подлинника. Киевская Русь превращается в центр славянской письменности, прежде всего именно переводной. Однако на дальнейшем развитии русской литературной традиции вообще и перевода в частности крайне неблагоприятно сказались события, связанные с монгольским нашествием.

В XIII–XV вв. (Период Монгольского ига) происходило постепенное формирование русского языка на основе старославянского (церковнославянского) и народных говоров. Однако религиозные тексты продолжали переводиться на церковнославянский язык, который стал употребляться исключительно во время церковных богослужений.

Во второй половине XIII – первой половине XIV столетия переводческая деятельность на Руси в значительной степени замирает. Однако на Русь поступает значительное число переводных памятников, созданных в Болгарии, Сербии, в монастырях Греции, Иерусалима, Синая. Среди них можно назвать «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о Макарии Римском», «Слово о двенадцати снах Шаханши».

Постепенно меняется взгляд на текст как связующее звено между человеком и Богом. На смену теории пословного перевода приходит грамматическая теория. И если раньше акцент приходился на идеальные связи плана выражения и плана содержания, то теперь он переносится на структурное своеобразие языка оригинала.

Поначалу перемены едва заметны. В переводах по–прежнему преобладает христианская литература. Однако некоторым переводчикам удаются попытки отойти от буквализма и частично сохранить ритм оригинала (перевод поэмы «Диоптра» («Душезрительное зеркало») Филиппом Пустынником).

Существенные изменения подхода к технике перевода связываются начиная с XIV с эмиграцией с Балканского полуострова многих церковных и культурных деятелей, спасавшихся от османского нашествия, а также с переводческой деятельностью ряда просвещенных московских митрополитов, например причисленного к лику святых Алексия (конец XIII в. – 1378 г.), а также его преемника Киприана (ум. в 1406 г.). Попытка проведения языковой реформы, суть которой состояла в возвра-

---

³⁶ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. С. 82.

щении к истокам, т. е. к языковым формам, использовавшимся во времена Кирилла и Мефодия, существенно повлияла на переводные тексты, делая их тяжеловесными и архаичными.

К новациям в христианской текстовой культуре можно отнести первый полный перевод Библии, выполненный в XV в. впервые не с греческого, а с латинского текста Вульгаты (Св. Иероним) новгородским толмачом Дмитрием Герасимовым.

С западнославянских и западных языков на новый русский переводятся рыцарские романы, книги по географии, алхимии и врачебному делу.

Во время тяжелых лет Монгольского ига (1228–1480) переводы продолжали играть важную роль в культурной жизни страны. Большинство переводов делалось с греческого языка, некоторые переводчики, по-видимому, использовали латинские и древнееврейские источники. Выполняют переводы иностранцы-толмачи Посольского приказа в Москве, не знающие русского языка. Перевод осуществляется в ступенчатой манере: с иностранного языка на язык-посредник (чаще всего польский), а затем с польского на русский.

В то же время контакты с другими странами вызывали необходимость в политических и деловых переводах, где все чаще использовался формирующийся русский язык. В непереводах этого времени также можно обнаружить соединение старославянских и русских элементов.

В этот период происходило постепенное формирование русского языка на основе старославянского языка и народных говоров. Однако религиозные тексты продолжали переводиться на церковнославянский, который стал употребляться исключительно во время церковных богослужений.

6.2. Древнерусский перевод в XVI в. Деятельность Максима Грека

В XVI веке Москва окончательно превратилась в политический, а также в переводческий центр России. В целом состояние переводческого дела в Русском государстве данного периода свидетельствует о значительной культурной изоляции страны, продолжавшейся вплоть до Смутного времени. Хотя переводились тексты не только церковно-религиозного, но и светского содержания, однако последние представляли собой произведения познавательно-прикладного характера (исторические, географические, медицинские). Среди переводов практически полностью отсутствует художественная литература. В технике перевода сочетаются стремление к дословности и внесение различного рода изменений и купюр, вызванное недостаточным знакомством переводчика или читателя с реалиями, фигурирующими в оригинале.

Переводы больше не были анонимными, а роль переводчиков в развитии языка и культуры начала получать общественное признание.

Именно к XVI столетию относится одна из наиболее ярких страниц истории древнерусского перевода и переводческой мысли, связанная с именем Максима Грека и его последователей.

На Руси в начале XVI в. происходили бурные споры по поводу больших расхождений и несогласий в славянских богослужебных книгах. Дело осложнялось отсутствием на Руси регулярного образования для священнослужителей (на Западе большинство священников в то время заканчивало университеты). В 1515 году московский Великий князь Василий III обратился с просьбой прислать в Москву какого-нибудь ученого переводчика из греческого монастыря. Такой переводчик прибыл в Москву в 1518 году в составе греческого посольства и стал известен под именем Максим Грек.

Философ и богослов Максим Грек (в миру Михаил Триволис), канонизированный Русской Православной Церковью в 1988 году, родился около 1470 года в греческом селении Арта (в Албании). С 10 лет проходил обучение классическим наукам на острове Корфу. Выпускник католических университетов Венеции и Флоренции, в 1505 году он постригся в монахи и прибыл на остров Афон, откуда и был избран русской посольской миссией Василия III в качестве толмача для перевода греческих книг. В помощь ему дали двух посольских толмачей: известного Димитрия Герасимова, знавшего латынь и немецкий языки, и инока Власия.

В течение всей своей жизни (он умер в 1555 или в 1556 году) Максим Грек занимался переводами, в основном, религиозных книг, а также некоторых нерелигиозных текстов, вносил исправления в прежние переводы и сопровождал их комментариями. Максим Грек и сам был плодовитым писателем, философом и педагогом. В его комментариях можно найти много замечаний о технике перевода. Это первые дошедшие до нас размышления по этому поводу в России. Максим обнаружил в славянских книгах, употребляемых в Москве, большое количество ошибок еретического содержания. Исправляя старые переводы, он нередко нарушал устоявшиеся традиции, что навлекло на него обвинения в ереси и кощунстве.

Его убеждения послужили основой для основанной им в Москве школы перевода. Переводческое кредо школы Максима Грека – обогащение пословного перевода установлением закономерных грамматических соответствий, вошло в историю перевода под именем *грамматическая концепция перевода*. Свои наставления переводчикам Максим Грек снабжал многочисленными замечаниями о грамматике лексики, ритмической организации и фонетических особенностях греческого текста,

которые должны быть отражены в переводе. Такой подход прослеживается в его собственных переводах произведений Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иосифа Флавия и многих других.

Другую существенную черту в работе переводчика Максим Грек видит в необходимости большой подготовительной работы, которая должна предшествовать переводу и заключаться в тщательном анализе оригинала, в необходимости обнаружить все нюансы и аллегории в его содержании. А для этого переводчик, согласно Максиму Греку, должен не только знать язык, но и обладать широкими филологическими познаниями: хорошо знать грамматику и риторику, уметь анализировать подлинник и, хотя и следовать пословному принципу, но учитывать при выборе слова в некоторых случаях конкретный контекст и общий стиль произведения.

В школе Максима Грека практиковался также и устно-письменный способ перевода. Он сам устно переводил с греческого письменного оригинала на латынь, а его помощники переводили этот вариант «с голоса» на церковнославянский, диктуя окончательный вариант писцам. Этот окончательный вариант тут же подвергался обсуждению и правке.

Вкладом Максима Грека в русскую филологию стал также словарь «Имена, истолкованные в алфавитном порядке», где разбирались, в основном, греческие имена, а также некоторые латинские и древнееврейские.

Роль перевода представлялась Максиму Греку необычайно важной в деле культурного просвещения Руси. Именно из переводов русские люди черпали сведения об античных авторах, о выдающихся представителях итальянского Возрождения, об открытии Америки и т. п. Просветительская активность, сопровождавшаяся пламенной публицистичностью, эмоциональностью, привела Максима Грека к печальному концу: на церковных соборах 1525 и 1531 гг. он был осужден как еретик по обвинению в тайном латинстве (приверженности папскому католицизму) и заточен сначала в Иосифо-Волоколамский, а затем в Тверской Отроч монастырь, откуда уже не вышел.

6.3. Тенденции в развитии перевода и переводческой мысли развития в XVII столетии

XVII в. принес много перемен в культурной жизни, отразившихся на тенденциях переводческой деятельности. Среди них:

- процесс выделения и осознания самостоятельной эстетической ценности различных видов искусства;
- выведение литературы из-под монополии церкви и усиление авторского начала в литературе и переводе;

- процесс специализации книжного дела и выделение отдельных жанров (развлекательные повести, трактаты, посвященные различным областям знаний, учебные пособия и т. д.), хотя пока еще они и развиваются в рамках единого фонда письменности, создаваемого одними и теми же писателями и переводчиками;

- изменение соотношения между исходными языками: большая часть переводов делается в этот период не с греческого, а с латинского языка – языка науки в европейских странах. За латинским языком шел польский, в силу его достаточно широкого распространения среди русских переводчиков. Переводы с европейских языков носят еще единичный характер.

Вторая половина XVII в. ознаменована противостоянием греческой и латинской традиции в переводах. Сложившаяся при поддержке патриарха так называемая «грекофильская» партия, центром которой стал Чудов монастырь, имела сильные позиции при Печатном дворе и Московской духовной академии, противопоставила себя «латинофилам», ориентировавшимся на европейскую, прежде всего польскую, культуру. Грекофилы не только переводили с греческого на славянский, но и доказывали, что последний лучше подходит для этой цели, нежели латинский.

XVII в. отмечен также появление новых жанров переводной литературы. Знаком появления новой развлекательной литературы становятся проникающие в Россию европейские рыцарские романы. До наших дней дошли: роман о Бове Королевиче, восходящий к французскому источнику, роман о Брунцвике, пришедший из Чехии, «Повесть о Петре Златых Ключей», также имеющую французское происхождение, но переведенную с польского языка, и некоторые другие памятники. Характерно, что переводы таких произведений оставались анонимными. В переводе, как правило, устранялись незнакомые реалии, второстепенные персонажи, описания и т. п.

Значительную долю переводов XVII века занимают новеллистические сборники религиозно-дидактического содержания, выполненные в виде переложений (пересказов уже переведенных, зачастую неоднократно, текстов), как правило, с польского языка.

Среди переложений такого рода: «Повесть о семи мудрецах» (первоисточник – индийский текст, переведенный на латынь с древнееврейского через посредничество арабской, персидской, сирийской и греческой версий), «Римские деяния» (латинский текст), «Фацеции» (латинские и немецкие источники), «Великое зеркало» (латинский текст).

Так, сборник «Великое зеркало» ведет свое происхождение от латинской книги, составленной в Нидерландах. Его перевод был выполнен

по приказу царя Алексея Михайловича в 1677 г. группой из пяти переводчиков Посольского приказа. При редактировании были исключены некоторые новеллы, устранин католический оттенок, опущены или изменены отдельные детали, а также введены некоторые подробности, характерные для русской жизни, что, однако, не меняет общего дословного характера перевода.

Еще одной тенденцией в русском переводе XVII столетия стало зарождение стихотворного перевода. Один из первых опытов (с украинского языка) принадлежал князю И.А. Хворостинину. В дальнейшем переводились стихи разных жанров, главным образом с польского языка (произведения Бартоша Патроцкого, Андрея Белобоцкого, Яна Кохановского и др.).

От XVII века до нас дошло уже больше имен переводчиков и большее число переводов, главным образом, нерелигиозных материалов. Тематика *научных* переводов включала вопросы астрономии и астрологии, арифметики и геометрии, анатомии и медицины и описания различных животных. В этот период впервые в помощь переводчику были созданы двуязычные словари: латино-греко-славянский, русско-латино-шведский и некоторые другие.

Переводчиков того времени в России можно разделить на четыре категории³⁷:

- 1) «приказные переводчики»;
- 2) переводчики-монахи: Епифаний Славинецкий, Арсений Грек, Дионисий Грек;
- 3) случайные, разовые переводчики;
- 4) переводчики «по желанию», в основном приближенные царя: Андрей Матвеев, Богданов, князь Кропоткин и др.

Среди «приказных» переводчиков (переводчиков московского Посольского приказа) преобладали выходцы из южной и западной Руси, Польши, а также голландцы и другие иностранцы, которые хорошо знали латынь и греческий, но плохо знали русский язык. Основной задачей посольских переводчиков была задача посредничества в деловых и экономических контактах России с западными странами.

Однако именно толмачам Посольского приказа московские бояре заказывали за деньги перевод интересующих их книг. Среди «коммерческих» переводов – литература развлекательного характера, преимущественно европейские рыцарские романы. Качество таких переводов было очень низким, поскольку толмачи Посольского приказа переводили тексты (часто художественные) с родного языка на иностранный им

---

³⁷ Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII вв. СПб., С. 12–14.

русский. При этом они переносили свой опыт устного перевода на технически более сложный и письменный текст. В результате переводы изобиловали ошибками, отличались либо излишней дословностью, либо неоправданными купюрами, оказывались далеки от русских литературных норм, передавали лишь часть содержания исходного текста.

«Переводчики-монахи» в той или иной мере были преемниками традиций XVI в., все пренебрегали беллетристикой и отвергали средневековую славянскую письменность; однако среди них прослеживалось явственное размежевание на грекофилов и латинофилов. Среди переводчиков-грекофилов следует прежде всего упомянуть Епифания Славинецкого, трудившегося на ниве перевода сначала в Киево-Печерской лавре, а затем в Москве. Епифаний переводил с греческого, латыни, польского, причем как христианскую, так и научную литературу. К греческой партии относились также иеродиакон Дамаскин, Евфимий Чудовский и братья Лихуды. Но принцип максимального соответствия оригиналу превращал их переводы в полные подстрочники. Однако философская основа их взглядов была уже иной, чем в русском Средневековье, так как они не стремились через оригинал максимально приблизиться к Богу, а имели скорее филологические соображения точного следования греческой грамматике.

Ко второй группе переводчиков относятся ученые монахи, которые переводили только религиозные тексты с латинского и греческого языков. Именно среди них прослеживалось явственное размежевание на «грекофилов» и «латинофилов». Среди переводчиков-грекофилов следует, прежде всего, упомянуть *Епифания Славинецкого*, переводчика Киево-Печерской лавры, переехавшего впоследствии в Москву. Епифаний переводил с греческого, латыни, польского, причем как христианскую, так и научную литературу. К греческой партии относились также иеродиакон *Дамаскин*, *Евфимий Чудовский*, *братья Лихуды*, *Арсений Грек* и *Дионисий Грек*. Принцип максимального соответствия оригиналу превращал их переводы в полные подстрочники. Однако философская основа их взглядов была уже иной, чем в русском Средневековье, так как они не стремились через оригинал максимально приблизиться к Богу, а имели скорее филологические соображения точного следования греческой грамматике.

Членов третьей, наиболее многочисленной группы можно назвать переводчиками по совместительству, которые более или менее случайно выполняли один два перевода. И, наконец, было несколько переводчиков, занимавшихся этим делом из любви к искусству и самостоятельно выбиравших тексты для перевода. Среди них были и приближенные царя: *Андрей Матвеев*, *Богданов*, князь *Кропоткин*.

Лекция 7. Перевод в России XVIII–XIX веков

План лекции:

7.1. Перевод в эпоху Петра I

7.2. Развитие перевода в послепетровское время, организация переводческого дела в России XVIII века

7.3. Русский перевод конца XVIII века. Переводческая деятельность М. В. Ломоносова (1711–1765), А. П. Сумарокова (1717–1777) и В. К. Тредиаковского (1703–1769), Н. М. Карамзина (1766–1826) и развитие русского перевода

7.4. Переводческая деятельность в XIX веке. Поэтический перевод

7.5. Переводческая деятельность в России советского периода

7.1. Перевод в эпоху Петра I.

XVIII век является переломным как в истории развития России вообще, так и ее вливании в европейский культурный и политический контекст. Решающую роль в данном процессе сыграл перевод, выступивший рычагом преодоления разрыва в культурном развитии России и Европы.

Если для всей Европы XVIII в. был веком классицизма и Просвещения, то для России он в первую очередь начался как эпоха общественно-политических и экономических реформ Петра I.

На развитие перевода в России повлияли как объективные, так и субъективные факторы. К числу *объективных факторов* относят: выход России из культурной самоизоляции, а также развитие экономики, для которого требовалось ознакомление россиян с западноевропейскими научными достижениями, с западной экономической мыслью.

К числу *субъективных факторов* следует отнести выдающуюся роль царя Петра I в организации и развитии переводческой деятельности, его усилия по введению в России новых культурных традиций, ориентированных на Западную Европу. Петр I выступил не только как организатор переводческой деятельности, но и как переводчик-практик и критик переводов³⁸. В 1707 году Петр сам перевел «Архитектуру» Барроци да Виньоллы.

Важным стимулом в развитии переводческой деятельности явилась потребность в новых знаниях, необходимых для перестройки на западный лад в разных областях государственной, общественной и культурной жизни:

---

³⁸ Сдобников В. В., Петрова О. В. – Теория перевода. – М., 2006. – С. 7–11.

- в военном деле для создания современной армии и ее грамотной организации, для создания новых видов вооружения и строительства морских судов;

- в упорядочении международных контактов при расширении границ Российской империи и осуществлении внешнеполитической деятельности, требующей массовой подготовки переводчиков;

- в секуляризации образования (придание образованию светского характера), его ориентации на естественно научные знания в противовес духовным.

Получив возможность прямого контакта через Балтийское море с передовыми западноевропейскими странами, Россия быстро начала реорганизовываться по европейскому образцу. Весомые перемены в жизни российского общества не могли не отразиться и на переводческом процессе.

Если раньше руководство процессом перевода шло в основном из монастырей, то теперь перевод провозглашается делом государственной важности, его организация – прерогативой государства. Царь Петр издаст ряд специальных указов о переводах, в которых отражаются новые требования к переводчику и переводческой деятельности:

- требование *«внятной» передачи переводимого содержания*. Первоначально переводы выполнялись на церковнославянский язык, однако Петр, понимая неудобство этого напыщенного, не способного к развитию языка, избирает для переводов язык посольского приказа (официально-деловой стиль документов эпохи), пригодный для перевода научно-технической литературы. Петр требовал, чтобы стиль переводов был близок к стилю посольского приказа, следовал принятым канцелярским нормам, не допускал украшений элементам высокого слога. Перевод должен осуществляться не построчно, а сообразно содержанию.

- требование *владения переводчиком азами переводимой науки*. Петр четко понимал необходимость получения переводчиками, особенно научно-техническими, знаний о том предмете, о котором они переводят.

- требование *точного воспроизведения смысла, а не формы*.

Особую роль уделял Петр отбору литературы для перевода. В 1724 г. выходит «Указ синоду о предпочтении всего мирского перед церковным». В документе предписывается переводить, прежде всего, то, что способствовало бы развитию наук, военного дела и экономики, то есть являлось бы полезным для России. Диапазон переводов светских нехудожественных текстов из различных областей знаний резко расши-

ряется: военное дело, юриспруденция, инженерное дело, кораблестроение, фортификация, архитектура, математика, астрономия, география.

Вместе с тем изменилось и *соотношение языков*, с которых делались переводы: преобладают теперь такие современные языки, как французский, немецкий, английский, в то время как польский утратил свою популярность.

Одним из последних своих указов за год до смерти царь Петр учреждает Российскую Академию, «в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили бы книги»³⁹.

7.2. Развитие перевода в послепетровское время, организация переводческого дела в России XVIII века

Переводческая деятельность в XVIII веке приобретает новые организационные формы. Так, в Иностранной Коллегии царя Петра имелась группа переводчиков, а в 1735 году (после смерти Петра) при Петербургской Академии Наук была создана «Русская ассамблея» – первая профессиональная организация переводчиков. Она просуществовало всего 8 лет, но в ее работе принимали активное участие такие выдающиеся деятели эпохи, как М. В. Ломоносов, В. К. Тредьяковский и некоторые другие члены Академии Наук. Основные задачи Ассамблеи: отбор книг для перевода, выработка правил и принципов, которыми должны руководствоваться переводчики, критическая оценка и рецензирование переводов.

При Академии была создана школа иностранных языков, готовящая официальных переводчиков. По требованиям переводчик должен был уметь переводить, по меньшей мере, с трех иностранных языков: латинского, немецкого и французского. Академия отправляла студентов за границу, чтобы изучать «языки и науки», проводила экзамены для проверки профессиональной подготовки переводчиков, старалась повысить общественный интерес к переводческому труду. Именно в это время переводчики стали регулярно получать вознаграждение за свою работу.

XVIII век приносит осознание социальной значимости перевода. Реформы сопровождаются и ростом культурных запросов общества. Теперь переводчики считают свой труд просветительским служением своей стране. Они видят свою задачу в том, чтобы просвещать соотечественников, улучшать нравы, а также создавать новую русскую литературу.

---

³⁹ Семенец О. Е., Панаев А. Н. История перевода (Средневековая Азия, Восточная Европа XV–XVIII вв.). – Киев. 1991. С. 178.

Повышению социальной значимости перевода способствует и отношение государства к труду переводчиков. В 1768 году Екатерина II (правила с 1762 по 1796 гг.) учредила «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык». «Собрание» переводило научные труды и художественные произведения по заказам государства, в казне была выделена сумма в 5 тысяч рублей на ежегодную оплату переводчиков. В репертуар переводов «Собрания» входили книги по точным и естественным наукам, философии, и в меньшей мере – художественная литература. «Собрание» просуществовало до 1783 г., и за это время им было издано 112 переводных сочинений в 173 томах.

Несмотря на особое внимание к научно-техническому переводу, уже Петр I способствует изданию художественных переводов в России, так как видит в них способ приобщения к западной культуре и источник обогащения формирующегося русского литературного языка. Вместе с тем, в первые три десятилетия XVIII в. переводы художественных текстов составляют не более 4% всей переводной литературы России.

Зато во второй половине XVIII в. их объем резко возрастает, этому способствует эпоха Просвещения, пришедшая на русскую почву.

Екатерининская эпоха, отмеченная переходом к просветительству, переносит акцент на художественную прозу. Русские просветители ставят перед собой задачи ознакомить общество с традициями европейского просвещения, а также усвоить чужой литературный опыт и обогатить им родную литературу. Перевод был подчинен общественно-культурным просветительским задачам. Вот почему каждый переводчик снабжал свой перевод пространством предисловием. Во главу угла ставились просветительские, а не собственно художественные задачи, при этом, авторство оригинала не имело особого значения. Большинство текстов носило анонимный характер. Между переводом и оригиналом, как правило, лежал текст-посредник на французском языке, что усиливало оторванность перевода от оригинального текста и индивидуального стиля его автора, а зачастую и от жанра исходного текста: часто стихи переводятся прозой, а проза стихами.

Отношения переводчиков к подлиннику в эпоху Просвещения было, таким образом, сродни сложившемуся в эпоху Классицизма. Он рассматривается только лишь как материал для создания нового совершенного произведения. Но если переводчики в классицистической традиции стремились усовершенствовать оригинал, приближая текст перевода к некоему эстетическому идеалу, то задачей переводчиков просветителей было создать текст, способный просвещать, образовывать современников. Достаточно вольный подход к оригинальному тексту предопределяет тенденцию к преимущественно вольному переводу. Отсут-

ствие ощущения национальной специфики текста давало переводчикам возможность широко применять приемы адаптации. Так, переводчик Е.И. Костров, переводя в 1781–1788 гг. «Илиаду» Гомера, вводит такие культурные замены, как «сапоги», «сталь», «пуговицы». Переводчик Глебов русифицирует личные имена у Вольтера: Перро, Колен и Пирретта превращаются в Сидора, Карпа и Агафью. Нередки и сюжетные замены, вполне в духе классицистического перевода: например, в финале трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» у переводчика Вас. Померанцева (перевод 1790 г.) враждующие семьи Монтекки и Капулетти примиряются⁴⁰.

Вплоть до 60-х гг. XVIII в. переводятся в основном произведения классицистических жанров (ода, трагедия), а также философские сочинения. В 1758 г. при Академии открывается 2-я Типография, задача которой – печатание переводной беллетристики, на которую и приходится основной читательский интерес второй половины века. В русских переводах появляются произведения Лессажа, Прево, Филдинга, Сервантеса, Мариво и др. Переводная литература формирует литературные вкусы, давая толчок к зарождению русского романа (Эмин, Чулков, Херасков).

Наличие достаточно богатой практики художественного перевода, естественно, должно было стимулировать и разработку его теоретических проблем. Пожалуй, в наиболее общем виде их сформулировал Василий Евдокимович Адодуров (1709–1780) – автор грамматики русского языка, работавший переводчиком с немецкого и латинского языков, который предъявлял к переводу следующие требования:

- чтобы он полностью совпадал с оригиналом;
- был бы изложен четко и без грамматических ошибок;
- не нарушал бы языковых норм, не вызывал досады при чтении и не позволял бы легко догадываться, на каком языке написан оригинал.

Безусловно правильные, эти принципы все же по-разному трактовались практикующими переводчиками.

7.3. Русский перевод конца XVIII века. Переводческая деятельность М.В. Ломоносова (1711–1765), А.П. Сумарокова (1717–1777), В.К. Тредиаковского (1703–1769), Н.М. Карамзина (1766–1826) и развитие русского перевода

Интересен XVIII век и зарождением в России традиций *поэтического* перевода, который впоследствии занял в России особо почетное место. Знаменитыми переводчиками поэзии выступили: Михаил Ва-

---

⁴⁰ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. С. 91.

сильевич Ломоносов, Василий Кириллович Тредиаковский, Александр Петрович Сумароков, Гаврила Романович Державин.

Так, *В.К. Тредиаковский* (1703–1769) по праву считается крупнейшим представителем русского перевода рассматриваемой эпохи. Тредиаковский получил прекрасное образование, учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве, в Голландии, в Сорбонне, был отменным знатоком языков и эрудитом.

Его переводческое наследие очень велико и включает произведения П. Тальмана, де Фонтенеля, Д. Баркляя, Буало, Горация, Сенеки, Фенелона, французских историков Ш. Роллена и Ж.-Б. Кувье. Переводил В.К. Тредиаковский в основном с французского языка и с латыни. Первым переведенным им произведением был любовно-аллегорический роман Поля Тальмана «Езда в остров любви», сразу же завоевавший огромную популярность в русском обществе. Достоинства этого перевода заключаются в том, что это было первое беллетристическое произведение, переведенное с французского языка и не на церковнославянский язык, а на русский язык. Впервые в перевод были включены стихи самого Тредиаковского на русском, французском и латинском языках.

Тредиаковский отказался от употребления в переводе славянизмов. В поисках новых языковых средств, в частности, лексических, он прибегал к словотворчеству, используя при этом ресурсы и церковнославянского языка. Многие изобретенные им слова и сейчас используются нами как исконно русские (бесполезность, беспристрастность, благодарность, величавость, независимость, снисходительность, сущность, цельность).

Тредиаковский пытается решить одну из наиболее сложных проблем – проблему передачи стихов стихами, собственным примером он пытается доказать, что переводить стихи стихами вполне правомерно и при этом можно получить удовлетворительный результат. При переводе поэзии он стремится с наибольшей полнотой передать содержание стихотворения, воссоздать богатство его языка, его стилистику и сохранить при этом эквилинеарность (соответствие строф) и эквиритмичность (соответствие ритма). Заслуга В.К. Тредиаковского заключается и в том, что он одним из первых предложил собственную концепцию стихотворного периода.

О переводческих взглядах В.К. Тредиаковского многое говорит принадлежащая ему фраза: *«...переводчик от творца только что именем разнится. Еще донесу вам больше: ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть (я не говорю о себе, но о*

добрых переводчиках)»⁴¹. В ней Третьяковский заявляет и о сложности работы переводчика и о творческом начале, присущем переводу.

Интересно отметить, что Третьяковский в начале своего переводческого пути очень близко следовал оригиналу. Достаточно сказать, что исторические сочинения переведены им практически пословно. В этом проявлялось стремление переводчика сохранить мысли, идеи, содержащиеся в подлиннике. Однако к концу жизни В.К. Третьяковский, очевидно, стал осознавать, что перенос идей вовсе не обязательно осуществлять с помощью пословного перевода, а можно с успехом применять перевод вольный, к тому же вводя в него свои мысли и рассуждения. Одновременно это раскрепощает и язык перевода.

Особенно многочисленны и многообразны были переводы *М.В. Ломоносова* (1711–1765), выполненные с латинского, немецкого, французского и греческого языков. Переводческое наследие Ломоносова включает как практические переводы, так и высказывания по поводу перевода. Интересно, что некоторые работы самого Ломоносова, написанные им на латыни, им же самим были переведены на русский язык. Из 19 од, написанных Ломоносовым, три оды были переводные.

Среди переводимых Ломоносовым жанров преобладают научные статьи и стихотворные произведения. Причем, если перевод статей носил просветительский характер, то образцы поэтических переводов служили в основном иллюстрациями к собственной теории стихосложения. Большинство таких переводов включено в его книгу «Риторика» для разъяснения теоретических положений. В своих переводах Ломоносов стремится достигать *эквивалентности* (перевод строфы строфой), уделяет большое внимание передаче *ритмической организации оригинала*, использует различные формы ямбов и хореев в качестве эквивалента александрийскому стиху французских эпосов и гекзаметру греческих трагедий.

Кроме того, М.В. Ломоносов являлся официальным редактором и рецензентом переводов, выполнявшихся при Академии наук.

Несмотря на то, что существуют заметки Ломоносова «О переводе», серьезной теоретической разработки переводческих проблем он не осуществил. К его заслугам в развитии перевода можно отнести завершение реформы русского стихосложения, а также окончательное утверждение русского языка в поэтическом переводе.

В переводческом творчестве Александра Петровича Сумарокова (1717–1777) четко проявляется тенденция к переделке подлинника. Сумароков как классик стремился не передать на своем языке индивиду-

---

⁴¹ Цитируется по: Федоров А. В. Курс общей теории перевода. М., 1983.

альное иноязычное произведение, а создать некое неличное произведение, приближающееся к идеалу. При этом можно было как угодно обращаться с переводимым автором, если переделки улучшали его. Переводчик-классик относился бережно лишь к тому автору, который, по его понятиям, сам приближался к идеалу. Еще раз отметим, что эта тенденция к переделке оригинала, его «улучшению», зародившаяся во Франции, получила значительное распространение и стала ведущей в России конца XVIII – начала XIX века.

Для русских переводов XVIII века переделки – весьма характерное явление. В переводах допускаются многочисленные случаи замены иноязычных имен и бытовых деталей оригинала русскими именами и деталями родного быта, изменения всей обстановки действия, то есть перенесение действия в российскую действительность. Такая практика получила название «склонение на наши нравы». Примеры «склонения на наши нравы» легко можно найти в переводах многих литераторов того времени, в частности, у Гавриила Романовича Державина (1743–1816). Так, в переводе Горация «Похвала сельской жизни» он создает чисто русскую обстановку. Читатель встречает здесь и упоминание о «горшке горячих добрых щей», и сугубо русскую реалию «Петров день». В то же время упоминаются и блюда французской кухни – устрицы, фрикасе, рагу. То есть, по сути, происходит стирание различий между переводом и собственным творчеством. Такая форма передачи произведения иностранной литературы для того времени было закономерным явлением, обусловленным стремлением переводчиков как можно активнее осваивать переводимые подлинники, делать их настолько своими, чтобы в переводах не чувствовалось их иноземное происхождение.

Переход к новым тенденциям XIX в. закладывается еще в конце XVIII века и совершается постепенно в довольно короткий период русского преромантизма, когда оттачивается сформировавшийся в предшествующие годы русский литературный язык, уточняются синтаксические и лексические параметров нормы, обосновывается необходимость вводимых путем заимствования иноязычной лексики новых понятий. Наиболее характерная фигура среди переводчиков этой поры – писатель, поэт, публицист, историк Николай Михайлович Карамзин (1766–1826).

На протяжении жизни Карамзин выполнил много переводов, одновременно выступая и как критик, и как теоретик переводческой деятельности. В самом конце XVIII столетия им создается своеобразный итоговый труд в указанной области – «Пантеон иностранной словесности» (1798 г.).

Карамзин признавал необходимым четко разграничивать переводное и оригинальное творчество, квалифицируя смешение между ними как принципиально недопустимое явление. Не менее отрицательно относился Карамзин и к практике, когда перевод, полученный «из вторых рук» (т. е. через французское или немецкое посредство), выдавался за версию, выполненную непосредственно по оригиналу.

Карамзин видел в качественных переводах, наряду с оригинальными русскоязычными произведениями, орудие проводимой им реформы русского языка. В этой связи резкое неприятие у создателя «нового слога» наряду с галлицизмами вызывали и старославянизмы.

Переводческая деятельность Карамзина была уже несколько десятилетий спустя высоко оценена крупнейшим русским критиком В. Г. Белинским.

XVIII век – век переводческих состязаний. Так, в 1743 Ломоносов, Сумароков, Тредьяковский выполняют параллельные переводы со старославянского на русский 143-го псалма. Три перевода были изданы единым сборником и представляют собой образец своеобразной формы переводческой полемики.

Среди имен известных литераторов-переводчиков конца XVIII в. помимо Н.М. Карамзина можно назвать Г.Р. Державина, И.А. Крылова и А.Н. Радищева Их переводы, а также собственное творчество, неразрывно связанное с переводами, привели к формированию на рубеже XVIII–XIX вв. самостоятельной русской литературы.

7.4. Переводческая деятельность в XIX веке. Поэтический перевод

XIX век называют «золотым веком» русского художественного перевода. Но если в начале этого века, когда жанры и стиль языка русской художественной литературы находились в стадии становления, перевод был необходим для обогащения фонда образцов для подражания, – то далее, на протяжении XIX в., большое количество переводов связано было с удовлетворением запросов российского читателя, уже обладавшего развитым литературным вкусом, привыкшего к шедеврам своей литературы и желавшего познакомиться и с шедеврами чужих литератур и народов⁴².

Новым запросам соответствовали и новый взгляд на перевод, и новая техника перевода, которые утвердились в русле романтического направления. Пришедший на рубеже XVIII–XIX вв. в Россию романтизм обратил внимание русских переводчиков к передаче национального колорита подлинника. Лучшими образцами романтического перевода при-

---

⁴² Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб. С. 94.

знаны переводы «Песен западных славян» П. Мериме, выполненные с французского языка А.С. Пушкиным.

Новая русская школа перевода начала формироваться благодаря, в первую очередь, выдающемуся вкладу таких известных деятелей культуры, как историк А. Карамзин и поэт В. Жуковский.

Одной из центральных фигур русского перевода XIX века является *Василий Андреевич Жуковский*, которого А.С. Пушкин называл «гением перевода». Жуковский переводил с английского, французского, старославянского, латинского и немецкого языков. Он фактически первым познакомил русского читателя с творчеством Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта, Уланда, Клопштока, Гебеля, Бюргера.

Как в собственном, так и в переводном творчестве Жуковского присутствуют черты классицизма и романтизма.

В своем осознании переводческого творчества Жуковский проходит несколько этапов, начиная с классицистического понимания перевода как доведения оригинала до эстетического идеала эпохи. В классицистической манере в 1804 г. Он переводит «Дон Кихота» Сервантеса, отмечая в предисловии целесообразность устранения из романа черт «дурного вкуса» и замены многих «красот» подлинника своими собственными.

На ранних этапах в след за Карамзиным Жуковский выступает сторонником вольного перевода, который порой превращался в парафраз или даже в подражание по мотивам оригинала. Так, в его переводах немецкой баллады Г. Бюргера «Элеонора» (1808) героиня получает русское имя Людмила (во второй версии перевода – Светлана 1813 г.), действие переносится в Россию, меняется историческая эпоха и культурно-бытовой контекст произведения. Позднее Жуковский осознает необходимость сохранения национальной специфики оригинала, принимает романтические традиции перевода. В третьей версии перевода Бюргера (1831) героине возвращается имя Элеонора, передается национальный колорит подлинника во всей полноте. И образный строй, и лексика в его переводах становятся романтическими.

В переводах Жуковского проявляется характерная для романтического перевода черта – осознание собственной творческой индивидуальности, своего авторского «я» при переводе. Как романтик, Жуковский в переводе всегда субъективен, он не скрывает свое видение мира, проявляя его в переводе. Субъективность переводчика оказывается необходимым компонентом перевода. Впервые переводчик осознает творческую, мирозерцательную основу своего труда именно в романтическую эпоху.

Диапазон переводов Жуковского очень широк: от сказок Шарля Перро и братьев Гримм до «Одиссеи» Гомера и знаменитого русского эпоса «Слово о полку Игореве». Жуковский был одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности.

В целом переводческое кредо В.А. Жуковского вписывается в концепцию вольного перевода, однако близость его переводов к подлинникам на протяжении жизни меняется. Поэтический талант позволял ему с необычайной силой воспроизводить стиль, ритм и интонацию иностранного стиха, а его лучшие переводы отличаются изумительной точностью.

Свои новые переводческие воззрения он высказывает в предисловии к полному переводу «Одиссеи» Гомера. Русская школа перевода во многом обязана Жуковскому своими достижениями.

Хотя в XIX веке большинство переводчиков стояло на позициях вольного перевода, некоторые из них продолжали настаивать на максимальной близости перевода к оригиналу, порой на крайнем буквализме даже в ущерб смыслу и понятности. Среди них были и такие известные литераторы, как *П. Вяземский*, *Н. Гнедич*, *А. Фет*.

Так, в разрез с утвердившейся модой на вольный перевод выступает Николай Иванович Гнедич (1784–1833), вошедший в историю отечественной культуры прежде всего как создатель русской «Илиады». Он высказывается о верности поэтического перевода, объявляя предпочтение сохранению стихотворной формы, нежели отдельных аспектов плана содержания.

Свой взгляд на перевод осуществлял на практике поэт, журналист и литературный критик, один из ближайших друзей Пушкина Петр Андреевич Вяземский. В прошлом сторонник переводческих принципов Жуковского, он, переводя в 1827 г. прозой «Крымские сонеты» Адама Мицкевича, подчеркивает свое стремление «переводить как можно буквально». Метод и принципы перевода Вяземского – его формальное, дословное следование смыслу и синтаксису подлинника, экспериментирование над русским языком.

Почетное место в истории перевода в России принадлежит двум великим русским поэтам *А.С. Пушкину* и *М.Ю. Лермонтову*. Хотя в их творчестве переводы занимали сравнительно скромное место, они внесли значительный вклад в повышение качества художественных переводов в России.

Новый этап в истории русского художественного перевода открывает собой время Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837). Собственные переводы А.С. Пушкина сравнительно немногочисленны. В разные периоды своей жизни он переводил французских поэтов

XVII–XVIII веков, стихи Вольтера и Парни, отрывки из поэзии Андре Шенье, древнегреческую лирику, оду Горация, отрывки из поэмы Ариосто, баллады Мицкевича, отрывки из «Корана» и библейской «Песни песней». В ранний период своего творчества, связанный с принципами классицизма и затем – романтизма, Пушкин сокращал, переделывал, перестраивал авторский текст, стремился обработать авторскую мысль, сюжет, придать им пафос или остроту. В более поздний период своего творчества, обращаясь к поэтам, современным ему, или к поэзии предшественников (Шенье, Мицкевич, Гораций), Пушкин стремился к сохранению элементов народного своеобразия, черт местного и исторического колорита; иногда он даже подчеркивал их соблюдением стихотворной формы оригинала, непривычной для русской поэзии его времени.

В последние годы жизни Пушкин обращается к переводу литературы мемуарной и этнографической. Здесь он стремится к точности в передаче материала с точки зрения исторической, бытовой, этнографической, однако избегает дословной близости, кое-где сокращает предложения, устраняет многословие. Его переводы уже невозможно классифицировать как буквальные или вольные, они выполнены скорее в традиции верности смыслу.

Другая особенность переводческого творчества Пушкина – основание реалистического метода в стихотворном переводе, когда все элементы формы и смысла поэтического произведения взаимосвязаны и представляют собой единую систему, подлежащую воссозданию в переводе.

Особо следует подчеркнуть роль Пушкина в развитии русской школы перевода. Пушкин постоянно проявлял большой интерес к переводческой проблематике, и его критические заметки о переводах отличаются объективностью и глубиной. Он подчеркивал важность правильного отбора литературных произведений для перевода, а его требования верности оригиналу в сочетании с высоким качеством и выразительностью литературного стиля переводчика оказали благотворное влияние на лучших переводчиков России в 19-м и 20-м веках.

Глубокая самостоятельность по отношению к оригиналу свойственна переводам Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841). Его переводы немногочисленны (несколько стихотворений из Байрона, Шиллера, Гейне, Гёте, выполненные в 1829–1841 гг.) и некоторые из них переходят в вариации на тему подлинника. Лермонтов коренным образом видоизменяет некоторые из переводимых им стихотворений (в частности, стихотворения Гейне), устраняет одни мотивы и детали, вводит другие и оттеняет лишь некоторые характерные черты оригинала. Его

переводы значительны, прежде всего, в русле его собственного творчества, как русские стихи, ставшие классическими.

Вольные переводы использовались для пропаганды демократических идей вопреки официальной цензуре. Такие переводчики, как *В. Курочкин, Д. Минаев, М. Михайлов* и некоторые другие, достигали этой цели путем подбора соответствующих текстов для перевода или путем внесения незаметных изменений в текст перевода, вызывавших ассоциации с российской действительностью того времени. Использование перевода в качестве орудия диссидентства стало традицией в русской истории.

В целом XIX век в истории перевода проходит под знаком противостояния трех традиций: вольного перевода, сохранения «верности оригиналу» и перевода буквального.

7.5. Переводческая деятельность в России советского периода

Широко цитируемое сегодня определение XX века как «века перевода», на наш взгляд, имеет свои основания, как для Европы, так и для России. Ситуация на рубеже веков знаменуется резким ростом потребности в переводе в силу интенсивно развивающихся технологий, нового научного знания, искусства, становлением национальных литературных письменных норм европейских языков, появлением новых видов перевода (синхронный, машинный), а также становлением науки теории перевода.

Развитие перевода в Советской России связано, прежде всего, с подлинным взлётом перевода художественной литературы в 20–30 годах XX века. С расцветом издательского дела письменный перевод становится профессиональным делом. На смену разрозненным переводам отдельных произведений приходит системное издание собраний сочинения отдельных авторов. Расширяется и географический диапазон переводов. В зону интересов переводчиков попадают авторы из США, Канады, скандинавские авторы и т. д. Растущим масштабам переводческой деятельности в немалой степени способствовало то, что Советский Союз был страной многонациональной. Под лозунгом интернационализма лавинообразно рос поток переводов разных жанров на национальные языки и с национальных языков на русский.

По инициативе М. Горького было создано издательство «Всемирная литература» (1919–1927), в котором вышла 200-томная серия «Библиотека всемирной литературы» (произведения Бальзака, А. Франса, Стендаля, Гейне, Шиллера, Байрона, Диккенса, Б. Шоу, Марка Твена и многих других). Задачу познакомить народ с шедеврами мировой лите-

ратуры ставило также в 20–30 годы издательство «ACADEMIA», руководимое академиком Веселовским.

В переводческой деятельности эпохи четко прослеживаются две тенденции. С одной стороны, все издаваемые переводы рецензировались, обсуждались на заседаниях издательских коллегий, тщательно редактировались. Такой подход был призван гарантировать высокое качество перевода зарубежных авторов на русский язык, подчинялся требованиям эквивалентности (точности передачи семантического содержания) и эквилинеарности (полноты передачи синтаксических структур). Заслуженную известность, как в Советском Союзе, так и за рубежом приобрели имена таких мастеров перевода, как *М. Лозинский*, *Т. Щепкина-Куперник*, *С. Маршак*, *Н. Любимов*, *Е. Калашикова*, *Л. Гинзбург*, *Б. Пастернак*, *Н. Тихонов* и другие.

С другой стороны, переводчики работали в жестких рамках государственной идеологии. План изданий художественной литературы контролировался государством, жесткому идеологическому отбору подвергались и переводимые авторы и отдельные произведения. Государственная политика допускала возможность идеологической обработки текста. В целях идеологической «доработки» текста перевод часто выполнялся в два этапа. С оригинального текста переводчиком выполнялся перевод-подстрочник, который затем литературно обрабатывался, освобождался от нежелательных высказываний, получал идеологически полезные акценты. Так, например, отсутствующие в оригинале идеи классовой борьбы вкладываются в уста персонажей в переводах детских романов В. Бонзельса «Пчелка Майя и ее приключения» и Ф. Зальтена «Бэмби», при этом проявления христианских наслоений тщательно устранялись. За нарушение авторских прав в списках ЮНЕСКО Россия до 90-х годов числилась как страна самого большого количества незаконных переводов. Тенденция к идеологическим переделкам становится особенно явной в 30–40-х гг. – период «ортодоксального» перевода по определению И.С. Алексеевой⁴³.

Среди знаменательных имен переводчиков эпохи можно назвать Бориса Пастернака и С.Я. Маршака.

Бориса Пастернака относят к плеяде переводчиков «поневоле», мастеров слова, собственное творчество которых находилось под запретом идеологической цензуры. Переводческая деятельность служила Б. Пастернаку своеобразным способом самовыражения, проявления творческой манеры и собственного мировоззрения. Этим объясняется большая степень вольности отношения к переводу. Особый авторский

---

⁴³ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Академия. С. 107.

стиль Пастернака ощущается в переводе сонетов Шекспира и в «Фаусте» Гете.

С.Я. Маршак известен как создатель новой детской литературы. Руководимая им детская редакция занималась переводом сказок и фольклора народов мира. Переводческая манера Маршака и его школы (В. Левик, З. Задунайская и др.) определяется как стремление к «гармонизации» оригинала, сглаживанию трагических противоречий, усилению и выравниванию оптимистического тона⁴⁴.

Ситуация 40–50-х гг. характеризуется расширением видов перевода и зарождением лингвистического переводоведения.

В военные годы особое развитие получает устный перевод. Уже в предвоенные годы ясно осознается необходимость подготовки устных переводчиков. Начинает активно развиваться теория научно-технического и военного перевода. Появляются первые учебники, предназначенные для подготовки переводчиков: «Техника перевода научной и технической литературы с английского языка на русский» М.М. Морозова и «Теория и практика перевода немецкой научной и технической литературы на русский язык» А.В. Федорова. Обращение к сопоставительному анализу научно-технических текстов, где особенности индивидуально-авторского стиля, как правило, малосущественны, выявило языковую первооснову переводческого процесса. Появилась необходимость выяснить, в чем состоит лингвистическая сущность этого процесса.

Знаменательным событием, изменившим представление о переводе, стало и появление синхронного перевода. Началом эры синхронного перевода считается *Нюрнбергский процесс (20 ноября 1945 – 1 октября 1946)*. Заседания суда и комиссий обслуживали три команды по 12 переводчиков, работавшие посменно. Перевод осуществлялся переводчиками только на родной язык, к ораторам предъявлялось требование говорить четко и со скоростью не более 60 слов в минуту. Высокое качество перевода и существенная экономия времени были высоко оценены современниками.

В начале 50-х гг. вопросы перевода начинают активно обсуждаться в критических и научных статьях. Среди самых знаковых работ зарождающегося лингвистического переводоведения статья Я.И. Рецкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» (1950) и книга А.В. Федорова «Введение в теорию перевода» (1953).

Я.И. Рецкер высказал убеждение, что выбор переводчиком того или иного варианта перевода часто отнюдь не произволен, а *закономерен* и

---

⁴⁴ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Академия. С. 114.

определяется соотношением единиц двух языков, участвующих в процессе перевода. Для многих единиц языка оригинала существуют более или менее регулярные способы перевода на язык перевода. Я.И. Рецкер назвал эти способы «закономерными соответствиями» и предложил различать три типа соответствий: эквиваленты, аналоги и адекватные замены.

В книге *А.В. Федорова «Введение в теорию перевода»* впервые была провозглашена необходимость и возможность создания лингвистической теории перевода. Книга, в целом, имела общепилологический характер: в ней значительное место отводилось литературоведческим аспектам перевода, но в то же время подчеркивалась важность языковедческого анализа переводческой деятельности. А.В. Федоров предложил различать *общую теорию перевода*, вырабатывающую рекомендации для любых комбинаций языков, и *частную теорию перевода*, описывающую соответствия между какими-либо двумя языками, указал на необходимость изучать особенности перевода текстов различных функциональных стилей и жанров, обосновал классификацию соответствий на лексические, грамматические и стилистические, наметил общие принципы оценки качества перевода.

Во второй половине 20-го столетия произошли количественные и качественные изменения в переводческой деятельности во всем мире, в том числе, разумеется, и в России. И здесь резко возросла потребность в информативных (нехудожественных) переводах в социальной, политической, деловой и научно-технической сферах. Профессия переводчика стала массовой, а увеличение масштабов переводческой деятельности сопровождалось и организационными изменениями. Появилось большое число переводческих служб и отделов в штатах государственных учреждений и промышленных предприятий. Многие переводчики занимали штатные должности, другие работали на договорной основе. Наряду с информативными переводами продолжали издаваться большими тиражами и переводы литературных произведений.

Для удовлетворения растущего спроса на профессиональных переводчиков в стране была создана сеть соответствующих учебных заведений. В ряде институтов иностранных языков открылись переводческие факультеты и отделения, переводчиков стали готовить в университетах и в некоторых технических вузах. Многие вузы организовывали для своих студентов занятия по переводу в дополнение к их основной специальности. Переводчиков художественной литературы готовили в Литературном институте имени М. Горького при Союзе писателей СССР, в основном, для переводов с языков народов Советского Союза. Многие

журналы регулярно печатали переводы с разных языков, а также критические статьи с разбором успехов и неудач в работах переводчиков.

После распада Советского Союза характер переводческой деятельности и ситуация на рынке существенно изменились. С одной стороны, государственные издательства, занимавшиеся переводами, перестали финансироваться, резко сократили выпуск продукции или вообще прекратили свое существование. С другой стороны, была ликвидирована цензура и стали переводить произведения, бывшие ранее под запретом по идеологическим или моральным соображениям. Возникло множество частных издательств, цены на книги возросли, **качество переводов, в целом, снизилось**. Рынок был наводнен переводами книг, предназначенных для «легкого» чтения: детективных, эротических, порнографических и т. п.

Новая ситуация по-разному отразилась на переводчиках. Большая часть переводов стала выполняться с английского языка и относительно хорошо оплачивалась. Однако спрос на переводчиков английского языка побудил заняться переводами многих непрофессионалов, что привело к появлению на рынке откровенно слабых переводов. Новые издатели стремились как можно скорее выпускать новые переводы, чтобы опередить конкурентов, и не заботились о создании переводческих шедевров.

Несмотря на указанные трудности, переводческая деятельность в России в конце 20-го столетия сохраняет свои масштабы и социальную значимость. Продолжается подготовка переводчиков в учебных заведениях, создаются профессиональные объединения переводчиков, готовятся законодательные акты, регламентирующие переводческий труд. Российские ученые, внесшие большой вклад в создание науки о переводе, продолжают исследования в этой важной области человеческой деятельности.

Вопросы для самоконтроля к разделу II

1. К какому периоду относится зарождение переводческой деятельности?
2. Определите роль двуязычия в распространении переводческой практики.
3. Какой перевод преобладал в античные времена? Назовите имена известных нам переводчиков античных времен.
4. В чем вы видите системообразующую роль перевода в средневековой культуре?
5. Определите суть средневекового подхода к переводу.

6. Определите заслуги Святого Иеронима Стридонского в истории перевода.
7. Чем характеризовалась переводческая школа Толедо?
8. В чем выразился расцвет переводческой деятельности в Европе в эпоху Ренессанса? Назовите имена известных переводчиков этой эпохи. Какие методы они использовали?
9. Когда и какие принципы перевода предложил Э. Доле?
10. Определите заслуги Мартина Лютера в истории перевода.
11. Какой перевод был характерен для французского классицизма?
12. Сформулируйте философские основы теории непереводимости.
13. Определите заслуги Максима Грека в истории русского перевода.
14. В чем состоит вклад Петра I в развитии русского перевода?
15. Что было характерно для переводческой деятельности в России в 18 веке?
16. Почему 19 век называют «золотым веком» русского перевода?
17. В чем специфика периода 20–30-х гг. в советском переводоведении?
18. Назовите работы, положившие начало лингвистическому переводоведению в России.
19. Назовите эпохи и яркие примеры отражения тенденции вольного перевода в истории.
20. Назовите ярких представителей тенденции перевода «верного смысла» в истории перевода.

РАЗДЕЛ III. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Тема 4. Лекция 8. Понятие межъязыковой коммуникации. Перевод как коммуникативный акт

План лекции:

- 8.1. Понятие коммуникации и коммуникативного акта. Схема Р. Якобсона
- 8.2. Схема перевода как акта межъязыковой коммуникации
- 8.3. Коммуникативная равнозначность текстов оригинала и перевода
- 8.4. Функции переводчика в акте межъязыковой коммуникации
- 8.5. Перевод и другие виды языкового посредничества

8.1. Понятие коммуникации и коммуникативного акта. Схема Р. Якобсона

Лингвистическая теория перевода рассматривает перевод в широких рамках *межъязыковой коммуникации* и изучает все ее аспекты и определяющие факторы как собственно языковые, так и внешние по отношению к языку, но прямо или косвенно влияющие на результат процесса перевода.

Чтобы выявить роль факторов, определяющих процесс перевода и влияющих на его качество, необходимо смоделировать сам процесс, схематически представить все его составляющие. Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно схемы перевода, как речевого акта, обратимся к общему представлению о речевой деятельности человека.

Основная функция языка – служить средством человеческого общения, коммуникации. *Коммуникация* – социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации, как в межличностном, так и в массовом общении по разным каналам при помощи различных вербальных и невербальных средств.

Способность обмениваться мыслями с помощью речи является важнейшим свойством человека как разумного существа. Разум человека может развиваться лишь благодаря получению знаний об окружающем мире, сообщаемых ему посредством речи. В основе существования цивилизаций лежит речь, так как цивилизация создается не отдельным человеком, а социальным коллективом, обществом, а общество может существовать лишь при условии, что его члены способны общаться друг с другом при помощи речи, осуществлять речевую коммуникацию.

Общая схема коммуникативного акта речи принадлежит Роману Якобсону (см. рисунок 1). Прокомментируем основные элементы предложенной модели коммуникативного акта.

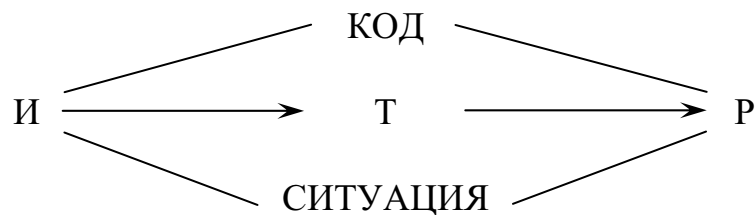

Рис. 1

Итак, под **коммуникацией** понимают передачу сообщения от одного коммуниканта (источник, автор, отправитель сообщения) к другому (получатель, адресат, рецептор сообщения). **Источник** сообщения может быть говорящим или пишущим, **рецептор** воспринимает информацию через аудио (слушающий) или зрительный канал (читающий, зрительно воспринимающий).

Для передачи сообщения источник использует какой-либо **код** – язык общения (в речевой коммуникации – язык). Коммуникативные действия источника материализуются через речевое сообщение – **текст** (устный или письменный). Общение коммуникантов не может быть изолировано от внешнего мира. Воздействующие на коммуникацию проявления внешнего мира обозначаются термином «коммуникативная ситуация».

Понятие **коммуникативной ситуации** в схеме коммуникативного акта многослойно. Оно включает, во-первых, **условия** реальной действительности, в которых происходит коммуникация. Реальная действительность задает условия как благоприятствующие коммуникации (например, тишина, приятная музыка, располагающие погодные условия и т. д.), так и препятствующие (шум, помехи разного рода) ее реализации. Во-вторых, к компонентам ситуации относят самих коммуникантов как составляющую часть реальной действительности. На успешность коммуникативного взаимодействия могут влиять такие качества и состояния коммуникантов как их физическое состояние, расположенность и заинтересованность в общении. Сюда же относят и так называемую, **культурную ситуацию** – наличие культурных предпосылок к взаимопониманию коммуникантов: общий культурный уровень, способность вести общение на определенные темы и т. д. В-третьих, ситуацией называют и тот отрезок реальной действительности, который отражается в сообщении, то есть обозначается языковыми средствами. Это то, о чем идет речь в сообщении, стоящая за текстом реальность, **референт сообщения** или **предметная ситуация**. Все уровни ситуации (условия общения, культурная и предметная ситуация) по-своему влияют на успешность осуществления коммуникативного акта.

Поскольку коммуникация – это всегда деятельность, как любая деятельность она базируется на целеполагании. **Цель коммуникации** определяется **коммуникативным намерением** (интенцией), с которым вступает в коммуникативный акт источник сообщения. Очевидно, что коммуникация будет иметь место только при наличии в речевом произведении направленной на получателя информации. Сообщение может иметь целью проинформировать адресата, побудить к действию, привлечь его внимание, вызвать эмоции и т. д. Успешность коммуникации определяется уровнем достижения поставленной источником цели.

Коммуникативный акт состоит из **фазы порождения** и **фазы восприятия** информации. На стадии порождения источник осуществляет процесс кодирования сообщения, которое переправляется по определенному каналу к получателю. В процессе кодирования реализуется так называемое коммуникативное намерение: информация в исходном виде (проект или идея сообщения) заключается в знаковую форму в соответствии с целью, которую преследует источник, вступая в коммуникацию.

Канал коммуникации – средство, с помощью которого сообщение передается от источника к получателю. Канал коммуникации может быть **вербальным** (или языковым), **невербальным** (жесты, мимика, телодвижение, взгляды, одежда, запахи, дистанция общения и т. д.) и **паравербальным** (интонация, тембр голоса, скорость речи, аргументация). По мнению специалистов, в человеческом общении до 65% информации передается невербально и паравербально, и лишь 35% в вербальной, языковой форме.

Процесс восприятия представляет собой декодирование и осмысление информации рецептором. При передаче через определенный тип канала на уровне восприятия может возникнуть непонимание. После успешного процесса понимания получатель реагирует в соответствии с замыслом источника.

Итак, на стадии порождения источник сообщения вступает в коммуникацию, имея намерение воздействовать определенным образом на конкретного адресата или возможных потенциальных адресатов (например, при чтении лекции на большую аудиторию, при написании художественного произведения и т. д.). В зависимости от конфигурации факторов, входящих в понятие коммуникации, каждый отдельный рецептор извлекает из сообщения разную по объему информацию в зависимости от его знаний, степени заинтересованности в сообщении и той цели, которую он себе ставит, участвуя в коммуникации. Поэтому каждое сообщение существует как бы в двух формах, которые не вполне тождественны: сообщение, переданное отправителем (текст для источника) в фазе порождения, и сообщение, воспринятое получателем

(текст для рецептора) в фазе восприятия⁴⁵. Так, например, при восприятии лекции в силу разных причин, информация, усвоенная разными слушателями, существенно отличается как от воспринятого коллегами, так и от того, что хотел донести до аудитории лектор. По-разному воспринимается различными читателями художественные и любые другие тексты.

Однако, указанные различия в уровне проникновения в авторский замысел самими рецепторами как правило не осознаются. Каждый рецептор считает, что он воспринял именно то, что и хотел донести до него источник. Таким образом, в теории коммуникации считается, что две формы одного и того же сообщения (текст от источника и текст для рецептора) находятся между собой в отношении *коммуникативной равноценности*⁴⁶, которая выражается в следующем:

- Между ними *потенциально* существует высокая степень общности, поскольку они состоят из одинаковых языковых единиц, несущих, в основном, одинаковую информацию для всех членов данного языкового коллектива.

- Между ними *фактически* существует достаточная степень общности, чтобы обеспечить необходимое взаимопонимание в конкретных условиях общения. Если такое взаимопонимание не достигается, коммуниканты могут обмениваться дополнительной информацией, переспросит или уточнить информацию, увеличивая точность восприятия сообщения.

- Обе формы объединяются в акте общения в единое целое, и различия между ними оказываются незначительными для участников коммуникации, которые не осознают этих различий, считая, что полученное сообщение и есть то, что передано, и наоборот. Таким образом, для коммуникантов реально существует один единый текст, содержание которого в принципе может быть доступно всем владеющим языком, с помощью которого передается и принимается сообщение.

Коммуникативный акт, таким образом, считается состоявшимся, если коммуникативное намерение успешно реализовано, цель коммуникации достигнута.

8.2. Схема перевода как акта межъязыковой коммуникации

Коммуникативный подход к переводу – ведущий принцип современной теории перевода. Речевое общение может осуществляться и ме-

---

⁴⁵ Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М., 1999. С. 41

⁴⁶ Там же. С. 42

жду коммуникантами, говорящими на разных языках. В этом случае имеет место межъязыковая (двуязычная) коммуникация.

Необходимость в переводе как речевой деятельности появляется тогда, когда получателю информации неизвестен языковой код, которым пользуется источник при порождении речевого высказывания. Поскольку рецептор не в состоянии извлечь информацию из текста, произнесенного или написанного на неизвестном ему языке, обязательным условием общения является наличие промежуточного звена, осуществляющего языковое посредничество – переводчика.

Языковое посредничество заключается в том, что получателем сообщения, переданного при помощи исходного языка, становится переводчик, для того, чтобы в дальнейшем стать источником сообщения, передаваемого при помощи языка перевода.

Таким образом, отличительной чертой перевода как процесса межъязыковой коммуникации является его опосредованный характер (Г. Егер), предполагающий, «помимо обычных для любого коммуникативного акта фаз порождения и восприятия текста, осуществляемых отправителем и получателем сообщения, наличие промежуточной фазы – *фазы перекодирования*, осуществляемой промежуточным участником – переводчиком»⁴⁷.

Именно таким образом представляет процесс перевода модель немецкого лингвиста и переводоведа Отто Каде (см. рис. 2).

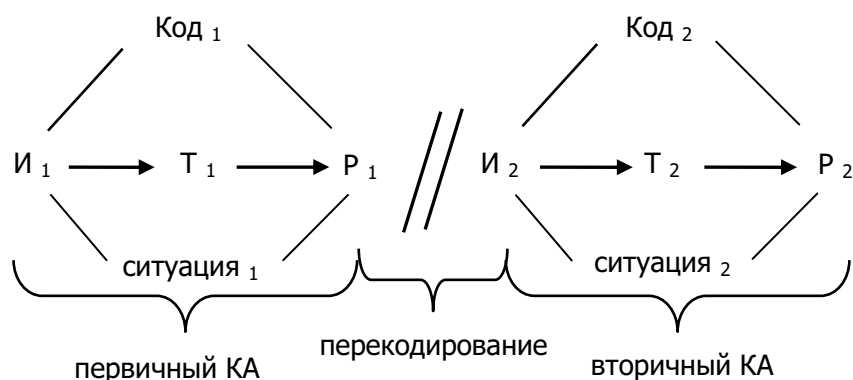

Рис. 2

Итак, в начале процесса межъязыковой коммуникации находится *Источник информации* (И1), т. е. автор оригинального сообщения. Пользуясь *исходным языком* (Код 1), Источник создает речевое произ-

⁴⁷ Швейцер А.Д. Теория перевода. – М., 1988. С. 43.

ведение на ИЯ, выступающее в качестве *текста оригинала* (Т1) в процессе межъязыковой коммуникации и содержащее определенную информацию. Эта информация предназначена для *Рецептора*, владеющего тем же языком, имеющего общий с Источником культурно-исторический и лингвистический опыт и учитывающего обстановку, в которой происходит данный речевой процесс (Ситуация 1). Все это позволяет *Рецептору* (Р1) извлекать из созданного Источником текста содержащуюся в нем информацию или, попросту говоря, понимать содержание текста.

Продолжает процесс межъязыковой коммуникации *Переводчик*. Переводчик участвует в качестве *Рецептора* в речевом акте на ИЯ и в качестве *Источника* (И2), создающего текст (Т2) на другом языке – *языке перевода* (Код 2), предназначенный уже для иного *Рецептора* (Р2), владеющего языком перевода и ориентирующегося на иной предыдущий опыт и обстановку речи (Ситуация 2). Понятно, что переводчик создает не просто текст на ПЯ, а текст, который должен будет использоваться в качестве перевода по отношению к данному оригиналу, т. е. быть его полноправной и полноценной заменой. И, наконец, *Рецептор* перевода (Р2) извлекает из текста перевода содержащуюся в нем информацию и тем самым завершает как речевой акт на ПЯ, так и весь процесс межъязыковой коммуникации.

Итак, отличительной чертой акта межъязыковой коммуникации является наличие дополнительной фазы – *фазы перекодирования* и появления дополнительного коммуниканта – *переводчика*. Двуязычная коммуникация включает в себя три фазы:

1. Первичная коммуникация, где переводчик выступает в качестве рецептора сообщения на исходном языке.
2. Стадия перекодирования – смена языкового кода, осуществляемая переводчиком.
3. Вторичная коммуникация, где переводчик выступает в качестве источника сообщения на языке перевода.

Существование промежуточного звена приводит к распадению акта перевода на два взаимосвязанных, но относительно самостоятельных коммуникативных акта: коммуникацию между отправителем и переводчиком и коммуникацию между переводчиком и получателем, «*первичную*» и «*вторичную*» коммуникацию (А. Попович), создающие две коммуникативные ситуации.

Таким образом, модель коммуникативного акта в переводе расширяется за счет противопоставленных в актах первичной и вторичной коммуникации исходного языка и языка перевода, текстов оригинала и

перевода, а также двух культур и двух предметных ситуаций⁴⁸. Опосредованный характер межъязыковой коммуникации приводит к тому, что все компоненты коммуникативного акта удваиваются.

Компоненты коммуникативного акта перевода имеют и свою специфику по отношению к аналогичным компонентам одноязычной коммуникации.

Основные различия затрагивают различные уровни коммуникативной ситуации. *Предметную ситуацию* – описываемые в текстах оригинала и перевода предметы и связи между ними, которые в разных языках часто воспринимается неодинаково. Так, в русском языке при описании террас на берегу озера или моря говорят, что они спускаются к воде. В английском языке, наоборот, террасы поднимаются от воды вверх по склону берега. Там, где русская языковая картина мира рисует морские отливы и приливы, т. е. движение моря по горизонтали, французская увидит высокое и низкое море, т. е. степень наполнения морской чаши (*marée haute – marée basse*). «Пенка на молоке» в английском языке передается при помощи иного понятия, именно «*milk with skin on it*».

Поскольку перевод – это не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур, коммуникативный акт перевода выявляет и различия в *культурной ситуации*. То, что является очевидным для Рецептора в первичном коммуникативном акте, может быть непонятным для Рецептора в коммуникации вторичной. Примером может служить перевод имени «Белоснежка» из сказки «О Белоснежке и семи гномах». Для некоторых народов, живущих в тропиках и не имеющих в своем языке понятия «снег», это имя пришлось передать описательно как «девушка белая, как оперение белой цапли». Сочетанием «*Bac+(5, 3, 6 и т. д.)*» французы пользуются для обозначения уровня образования, полученного после среднего (*baccalauréat*). Так «*Bac+5*» обозначает, что человек проучился после среднего учебного заведения еще 5 лет. Употребленное без объяснения (как мы это видели в переводе фильма Л.Бессона «13– й район») это выражение совершенно ничего не говорит русскому зрителю.

8.3. Коммуникативная равнозначность текстов оригинала и перевода

Подобно тому как в процессе речевого общения на одном языке тексты для говорящего и для слушающего признаются коммуникативно равноценными и объединяются в единое целое, так и текст перевода признается коммуникативно равноценным тексту оригинала. Когда мы

---

⁴⁸ Швейцер А. Д. Теория перевода. – М., 1988. С. 54.

берем с полки томик переводов Шекспира или Диккенса, мы ни на минуту не задумываемся, что читаем именно то, что хотел нам донести иноязычный автор. Мы верим, что сопровождающий на переговорах переводчик с точностью передает нам не только основное содержание позиции иностранных коллег, но и верно расставляет необходимые акценты, отражает эмоциональные, оценочные и другие установки. Иными словами, мы верим в *коммуникативную равноценность* первичного и вторичного текстов.

Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке перевода мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала. В.Н.Комиссаров понимает коммуникативную равноценность как отождествление текстов оригинала и перевода в функциональном, структурном и содержательном отношении⁴⁹.

Функциональное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке,

Содержательное отождествление оригинала и перевода заключается в том, что рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передается то же содержание средствами иного языка.

Структурное отождествление перевода с оригиналом заключается в том, что рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях. Предполагается, что переводчик точно передает структуру и порядок изложения содержания в оригинале, не позволяет себе что-либо изменить, исключить или добавить от себя. Количество и содержание разделов и других подразделений текста в оригинале и переводе должно совпадать. Если переводчик и позволяет себе какие-то отступления в отношении частных деталей структуры текста, то лишь для того, чтобы точнее передать содержание оригинала.

Если смотреть с позиций восприятия, то *коммуникативная равноценность* перевода и оригинала понимается как равенство воздействия на рецепторы в первичной и во вторичной коммуникации. Отсюда вытекает непреложное правило перевода: текст перевода должен также воздействовать на своего рецептора, как воздействовал на своего рецептора текст оригинала.

---

⁴⁹ Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М., 1999. С. 43–44.

В основе коммуникативной равноценности лежит, таким образом, требование неизменности цели коммуникации. Цель коммуникации в схеме на рис.2 обозначена стрелочкой, пронизывающей весь коммуникативный акт перевода, его первичную и вторичную стадии. По сути, лишь цель коммуникации остается неизменной при переводе и соединяет два коммуникативных акта.

А.Д. Швейцер отмечает, однако, что смена рецептора во вторичной коммуникации не может не влиять на коммуникативную цель. Коммуникативная интенция переводчика как бы наслаивается на коммуникативную интенцию автора, она детерминируется вторичной коммуникативной ситуацией, ее культурным, а порой и историческим контекстом. Вместе с тем эта модификация допустима лишь в известных пределах. Речь может идти лишь об адаптации авторской интенции к другим коммуникативным условиям, а не о ее коренном пересмотре, который совершенно недопустим в силу репрезентативного предназначения перевода⁵⁰.

8.4. Функции переводчика в акте межъязыковой коммуникации

Итак, процесс перевода включает, по меньшей мере, два этапа: уяснение переводчиком содержания оригинала и выбор варианта перевода. В результате этих этапов осуществляется переход от текста оригинала к тексту перевода. Переводчик как участник сложного вида речевого общения одновременно выполняет несколько коммуникативных функций.

Во-первых, он выступает в качестве *Рецептора* оригинала, т. е. участвует в качестве воспринимающего субъекта в первичной коммуникации. Эта функция переводчика представляется чрезвычайно важной. От того, в какой степени переводчик как рецептор приблизится к пониманию авторского замысла, зависит дальнейшая судьба перевода. Для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание характерные особенности автора сообщения (источника информации) и тех получателей (рецепторов) информации, для которых предназначалось это сообщение, их знания и опыт, отражаемую в сообщении реальность.

Во-вторых, он выступает в качестве создателя текста на ПЯ, т. е. является *Источником* сообщения в акте вторичной коммуникации. Здесь от переводчика требуется высокий уровень владения языком перевода для качественного воплощения авторского замысла средствами принимающего языка, а также знание характера и особенностей воспри-

---

⁵⁰ Швейцер А. Д. Теория перевода. – М., 1988. С. 73.

ятия людей, которым адресуется перевод, их отличия от рецепторов текста оригинала.

В-третьих, переводчик выполняет функцию объединения актов первичной и вторичной коммуникации, участником которых он является. Он создает не просто текст на ПЯ, а текст перевода, т. е. текст, который в функциональном, смысловом и структурном отношении выступает в качестве полноправной замены оригинала (В.Н. Комиссаров). Он анализирует отрезки речи в оригинале и единицы ИЯ, из которых эти отрезки состоят, отыскивает эквивалентные единицы в ПЯ, строит из них эквивалентные речевые произведения, сопоставляет их с исходными, выбирает окончательный вариант перевода. Тем самым переводчик утверждает коммуникативное равенство двух отрезков текста на разных языках. Таким образом, процесс перевода и его результат всецело зависят от коммуникативных возможностей переводчика, его знаний и умений.

Помимо своей посреднической роли, переводчик может выполнять коммуникативные функции, выходящие за рамки языкового посредничества. По условиям коммуникации переводчик может быть вынужден выступать в качестве самостоятельного источника информации, давая дополнительные пояснения, делая выводы из содержания оригинала, указывая на возможные ошибки и т. д. Как устный, так и письменный переводчик может совмещать выполнение своих обязанностей с деятельностью информатора, редактора или критика оригинала и т. п.

Таким образом, переводчик может выполнять *корректировочную* (Р.К. Миньяр-Белоручев) и *редактирующую* функции, корректируя и редактируя текст оригинала, если он видит в нем погрешности. В зависимости от обстоятельств переводчик выбирает одну из стратегий:

- 1) сохранить все погрешности оригинала, считая их частью авторского замысла, но указать на их наличие в ссылках (письменный литературный перевод);
- 2) исправить погрешности с согласия автора (устный и письменный перевод при возможности общения с автором);
- 3) исправить погрешности без согласования с автором (устный перевод, когда погрешность очевидна: оговорки, плохое владение языком и т. д.);
- 4) сохранить в переводе погрешности.

Переводчик может выполнять функции, определяемые условиями межъязыковой коммуникации, нестандартными переводческими ситуациями: *функции фильтрации и адаптации текста* (изменение содержания и эмоциональной окраски текста, например, в ситуациях конфликта), *функцию доверенного лица* (установление личного контакта с пред-

ставителем иной культуры); защитную функцию (ослабление внешнего воздействия незнакомой обстановки на иностранного подопечного)⁵¹.

Итак, на деятельность переводчика, а следовательно и на процесс перевода оказывают влияние все компоненты коммуникативного акта: субъективные (характер участников общения источника сообщения на ИЯ и рецепторов на ЯП, личные качества самого переводчика, его компетентность и профессионализм) и объективные (характер соотносимых в акте перевода языковых систем, способов построения сообщений, культурных ситуаций, условий коммуникации). Вся деятельность переводчика имеет таким образом объективно-субъективный характер, и его действия никогда не сводятся к механической подстановке единиц ПЯ вместо единиц ИЯ.

8.5. Перевод и другие виды языкового посредничества

Понятие языкового посредничества шире понятия перевода. Перевод представляет собой одну из разновидностей коммуникации, осуществляемых через посредничество. Передача информации, содержащейся в тексте оригинала, может осуществляться языковым посредником в разной форме и с разной степенью полноты, в зависимости от цели межъязыкового общения. Эта цель может определяться как участниками коммуникации, так и самим переводчиком. В.Н. Комиссаров различает два основных вида языкового посредничества: перевод и адаптивное транскодирование.

Перевод – это вид языкового посредничества, ориентированный на иноязычный оригинал. Перевод рассматривается как иноязычная форма существования сообщения, содержащегося в оригинале, как текст, коммуникативно равноценный оригиналу. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем.

Адаптивное транскодирование – это вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование (адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации. Специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу Рецепторов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале⁵².

---

⁵¹ Сдобников В. В., Петрова О. В. – Теория перевода. – М., 2006. С. 112.

⁵² Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 1990. С.48–49.

В отличие от перевода создаваемый при адаптивном транскодировании текст не предназначен для полноценной замены оригинала. Адаптивное транскодирование иноязычного оригинала носит *парапереводческий* характер и может быть представлено как объединение двух последовательных преобразований: перевод и заданная адаптация текста перевода.

На практике используют следующие виды адаптивного транскодирования:

Сокращенный перевод заключается в опущении при переводе отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера. При этом переводимые части оригинала передаются коммуникативно равноценными отрезками речи на ПЯ, хотя весь оригинал воспроизводится лишь частично.

Адаптированный перевод заключается в частичном упрощении и пояснении структуры и содержания оригинала в процессе перевода с целью облегчения восприятия текста отдельными группами получателей, не обладающих достаточными знаниями и профессиональным или жизненным опытом. Чаще всего подобная адаптация используется при переводе произведений, ориентированных на взрослого читателя, для детской аудитории, а также при переводе сложного научного текста для широкого круга читателей-неспециалистов. Ряд исследователей (Л.К. Латышев) называет этот вид транскодирования *пересказом*.

Большинство видов адаптивного транскодирования не связано даже с частичным функциональным или структурным отождествлением исходного и конечного текстов. Они предназначены для более или менее полной передачи содержания иноязычного оригинала в такой форме, которая необходима для достижения цели межъязыковой коммуникации.

К таким видам адаптивного транскодирования относятся: *прагматическая адаптация*, осуществляемая при передаче на другом языке рекламной информации; создание *аннотаций, рефератов* (abstracts), *резюме* (precis) и других форм передачи информации, связанных с отбором и перегруппировкой сведений, содержащихся в иноязычном тексте. Для каждой из этих форм задаются примерный объем и правила изложения материала, облегчающие восприятие переданной информации.

Вопросы для самоконтроля к разделу III

1. Какая функция языка лежит в основе переводческой деятельности человека? Обоснуйте.
2. Назовите объективные и субъективные составляющие коммуникативного акта.
3. Какому ученому принадлежит схема коммуникативного акта? Какой вклад он внес в развитие теории перевода?
4. Определите основные различия в схемах коммуникации и перевода.
5. Какие уровни коммуникативной ситуации Вы можете назвать? Каким образом они влияют на перевод? Приведите примеры.
6. Какой элемент схемы коммуникации остается неизменным при переходе от первичного ко вторичному коммуникативному акту при переводе? Почему?
7. Как Вы можете сформулировать суть коммуникативной равнозначности текстов оригинала и перевода? На какой составляющей коммуникативного акта перевода она базируется.
8. Назовите три основных функции переводчика, опираясь на схему коммуникативного акта перевода.
9. В чем различие перевода от адаптивного транскодирования с позиций цели коммуникации?
10. Опираясь на схему коммуникативного акта перевода, постройте схему адаптивного транскодирования.

РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Тема 5. Языковые и речевые аспекты перевода

Лекция 9. Знаковая природа языка и перевод

План лекции:

9.1. Лингвистические основы проблемы переводимости

9.2. Семиотические основы языка: семантика, прагматика, синтактика языкового знака и перевод

9.1. Лингвистические основы проблемы переводимости

Несхожесть языков, их грамматического и синтаксического строя, их лексического наполнения и стилистических возможностей столь очевидна и велика, что осознание ее не может не приводить к вопросу о возможности самого перевода. Проблема переводимости (непереводимости) является одной из основных проблем, привлекавших внимание и переводчиков-практиков и исследователей перевода во все времена.

Переводимость обычно трактуется как принципиальная возможность перевода с одного языка на другой. Переводимость всегда вызывала сомнения и у практиков перевода и у теоретиков, хотя и по разным причинам.

Сомнения в принципиальной возможности осуществления полноценного перевода начали высказываться уже в эпоху Возрождения, прежде всего поэтами и в основном применительно к переводу поэзии. Так, Данте Аллегиери в своем трактате «Пир» писал: «Пусть каждый знает, что ничто, заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести». Не менее пессимистическое отношение к переводу выразил в своем произведении и Сервантес: «...Я держусь того мнения, что перевод с одного языка на другой... – это все равно, что фламандский ковер с изнанки; фигуры, правда, видны, но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне...»⁵³.

С развитием переводческой практики, повышением требований к переводу, с более полным осознанием трудностей перевода у переводчиков крепло мнение о том, что перевод представляет собой неразрешимую задачу. Утверждение о принципиальной невозможности пере-

---

⁵³ Здесь и далее в этом разделе цитируется по: Федоров А. В. Курс общей теории перевода. М., 1983.

вода опиралось на положения идеалистической философии Гумбольдта, согласно которой каждый национальный язык определяет и выражает «дух», свойственный данному народу, а поэтому несводим ни к какому другому языку, как и своеобразие «духа» одного народа несводимо к своеобразию «духа» другого народа. В. фон Гумбольдт пишет в этой связи: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании; ...только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшей степени переносим свое собственное миропонимание и свое собственное языковое воззрение, мы не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса».

В XX веке точка зрения В. фон Гумбольдта на переводимость получила развитие в неогумбольдтианской философии, в частности, в концепции лингвистической относительности Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа. Рассматривая вопрос о влиянии языка на мышление, Э.Сепир приходит к выводу, что значения «...не только открываются в опыте, сколько накладываются на него в силу той титанической власти, которой обладает языковая форма над нашей ориентацией в мире».

Развивая мысли Э. Сепира и наблюдая культуры и языки американских индейцев, Б. Уорф формулирует следующие гипотезы: 1) наши представления (например, времени и пространства) не одинаковы для всех людей, они обусловлены категориями данного языка; 2) существует связь между нормами культуры и структурой языка.

Основной тезис теории лингвистической относительности – существующие в сознании человека системы понятий, а, следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является.

Выдвинутая более 60 лет назад, гипотеза лингвистической относительности поныне сохраняет статус именно гипотезы. Ее сторонники нередко утверждают, что она ни в каких доказательствах не нуждается, ибо зафиксированное в ней утверждение является очевидным фактом; противники же склонны полагать, что она и не может быть ни доказана, ни опровергнута. Между тем, концепция непереводаемости, несмотря на ее как утверждают сторонники, неоспоримые научные основания, никогда не была доминирующей в исследованиях перевода, поскольку противоречила самой практике перевода. Пусть с какими-то ограничениями, но переводы осуществлялись и осуществляются.

Опора на данные переводческого опыта позволяет построить принципиально противоположную концепцию – концепцию *полной переводимости*.

Основанием концепции полной переводимости является тот очевидный факт, что для всех народов реальная действительность в принципе едина и, следовательно, более или менее полно отражается во всех языках. Каждый народ выделяет в действительности примерно одинаковые, а иногда, и абсолютно одинаковые явления, отображаемые в каждом языке. А значит, всякое описание действительности на одном языке может быть перевыражено средствами другого языка благодаря наличию в этих языках одинаковых понятийных категорий. Считается, что благодаря такой понятийной общности в каждом языке можно найти единицы, выражающие одни и те же понятия. При этом не важно, что народы, говорящие на разных языках, могут находиться на разных ступенях экономического, политического и культурного развития и, соответственно, по-разному могут быть развиты их языки. Так Вернер Коллер отстаивает концепцию полной переводимости: «Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой»⁵⁴.

Однако практикующие переводчики знают, что применим этот принцип далеко не всегда. Так существенная разница в социокультурном, экономическом, либо политическом развитии народов может препятствовать переводу сложных научных (экономических, политических и т. д.) произведений. Например, перевод сложного экономического текста «Капитала» К. Маркса с немецкого языка на туземный вряд ли возможен (даже если оставить в стороне вопрос о необходимости такого перевода туземцам). Это указывает на относительный характер переводимости на каждом данном историческом отрезке. В каждый момент человеческой истории переводимость ограничена, но эти ограничения переводимости исторически преходящи. Подобно тому, как человечество движется от менее полного познания мира к более полному познанию, осуществляется и продвижение от неполной переводимости к все более полной переводимости.

Что же способствует достижению более полной – с течением времени – переводимости? Здесь можно выделить два фактора. Во-первых, это саморазвитие народов в широком смысле, влекущее за собой развитие национальных языков, их развитие и взаимообогащение. Во-вторых, большей переводимости способствует увеличение числа межэтнических

---

⁵⁴ Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 1997. С. 152.

контактов и глобализация многих процессов. Увеличение контактов между народами способствует более глубокому познанию народами друг друга, что, в свою очередь, приводит к выравниванию национальных менталитетов, к восприятию народами тех понятий, которые существуют у других этносов. Так, французский переводовед Жорж Мунен пишет: «Переводить с русского на французский в 1960 году – совсем не то, что переводить с русского на французский в 1760 (или даже в 1860) году, когда не было еще и первого французо-русского словаря (1786), когда контакты были редки. Начиная с XVIII века каждый новый перевод с русского, каждое путешествие, каждый рассказ о путешествии приносят новую ситуацию, общую для русского и французского, каждый новый контакт помогает осветить последующие, пока, наконец, не достигает апогея популярность Тургенева, Толстого, Достоевского во Франции, когда контакты охватывают уже миллионы французских читателей, а тем самым всякий раз уменьшается степень расхождения и между необщими ситуациями (как языковыми, так и внеязыковыми)».

Оба принципа, как принцип абсолютной непереводаемости, так и принцип полной (абсолютной) переводаемости недостаточно полно отражают реальную картину перевода, который нередко влечет за собой компромиссы и потери, неизбежные в свете тех противоречивых задач, которые приходится решать переводчику. Таким образом, реальная переводческая практика может служить основанием концепции неполной (ограниченной, относительной) переводаемости.

Концепция *неполной переводаемости* опирается также на утверждение о том, что в процессе коммуникации информация передается лишь частично. Как пишет Юджин Найда, «если согласиться с утверждением, что в процессе перевода не должно быть никаких потерь информации, то тогда не только перевод, но и коммуникация вообще будут невозможны». При коммуникации любого типа неизбежно происходят потери информации. «Потеря информации является частью любого процесса коммуникации и, таким образом, потери некоторой части информации при переводе не должны удивлять и не должны служить основанием для сомнений в возможности перевода».

Если говорить об ограничениях, препятствующих полной переводаемости, то они бывают двух типов: 1) сугубо лингвистические ограничения и 2) ограничения, выходящие за пределы лингвистики и определяемые различиями между двумя культурами.

Исследователи проблемы переводаемости выделяют ряд лингвистических факторов, препятствующих полной переводаемости:

- неодинаковая категоризация действительности разными языками (различия в языковой картине мира);

- существование этнографических лакун – лексических единиц, обозначающих реалии носителей ИЯ и не имеющих соответствий в ПЯ (культурные различия, отраженные в языке);

- использование специфических элементов, имеющих в разных языках разный потенциал для создания различных стилистических эффектов: диалектизмов архаизмов, варваризмов и т. д.

Принципиальная возможность перевода отнюдь не опровергается наличием отдельных трудностей, препятствующих межъязыковой коммуникации, неизбежностью отдельных потерь. Переводимость имеет под собой прочную основу – общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, наличие семантических универсалий, общность познавательных интересов. Идея абсолютной непереводимости связана с представлением о переводе как о чисто языковой операции. Вместе с тем семантические расхождения между языками, на которые обычно ссылаются сторонники теории непереводимости, преодолеваются в речи, на уровне которой совершается перевод, с помощью языкового и ситуативного контекстов⁵⁵.

9.2. Семиотические основы языка: семантика, прагматика, синтактика языкового знака и перевод

Рассматривая перевод как коммуникативный акт, мы наблюдали сложный процесс, определяемый всей совокупностью составляющих его элементов в их взаимосвязи и взаимовлиянии. На успешность коммуникативного акта перевода влияют как *субъективные факторы* – факторы, обусловленные участниками коммуникации (автором сообщения, рецептором и переводчиком), так и *объективные факторы* – особенности, связанные с характером соприкасающихся языковых систем, характерными для данных языков законами текстопостроения и культурными особенностями коммуникативной ситуации межъязыкового общения.

Начать рассмотрение объективных факторов, определяющих процесс перевода, целесообразно с анализа языковой составляющей перевода. Именно преодоление языковых расхождений является первой и самой очевидной задачей переводчика.

Любое сообщение строится из языковых единиц, каждая из которых несет определенную информацию. Содержание высказывания не существует отдельно от значений составляющих его единиц, но и не всегда сводится к сумме таких значений.

---

⁵⁵ Швейцер А. Д. Теория перевода. – М., 1988. С. 109.

Концептуальной основой для изучения лингвистического механизма перевода служит положение о семиотической природе языка, представляющего собой систему знаков.

Знак – материальный объект, связанный в нашем сознании с определенным мыслительным содержанием, понятием или представлением о каком-то классе других объектов или объекте.

Язык представляет собой наиболее сложную знаковую систему, единицы которой, языковые знаки, обладают рядом свойств:

- *двусторонностью* – наличием плана выражения (материальная сторона – графическая или звуковая форма) и плана содержания (идеальная сторона – значение знака);

- *произвольностью* – относительной независимостью плана содержания от плана выражения. Одно и то же содержание облечено в разных языках в разную языковую форму (ср. *собака* (рус.), *dog* (англ.), *chien* (фр.), *hund* (нем.)). Одно значение не обязательно должно быть связано с одной формой, что отражается в явлениях полисемии и омонимии, по-разному развивающихся в разных языках (ср. *глаза/очи* (рус.) – *eyes* (англ.)). Языковой знак, таким образом, имеет конвенциональную (основанную на общественном договоре, конвенции) сущность, т. е. наименование понятий в разных языках идет по разным основаниям, которые становятся достоянием языкового коллектива в результате своеобразного общественного договора, конвенции.

- *Значимостью* – значение языкового знака представляет собой обобщенное отражение внеязыковой реальности: классов предметов, явлений, действий, образов и т.

Можно говорить о большой общности основных понятий у всех людей, но различия в значении слов разных языков, соотнесенных с аналогическими понятиями, очевидны.

Межъязыковые различия могут касаться:

- отраженного в языке представления о цельности, либо членимости явлений внеязыкового мира (ср. *вишня* и *черешня* (рус.) – *cherry* (англ.));

- подходов к наименованию явлений, характерных для разных языков. Так, для предметов и явлений, связываемых в русском языковом сознании со словом *дом*, в английском языке существуют формы, не зависящие от какого-либо одного языкового знака. Так *дом* в значениях *здание* и *династия* имеет эквивалентом слово *house*; *дом* (домашний очаг, место жительства) – *home*; *дом* (учреждение): *orphanage*/детский дом; *commercial firm* /торговый дом и т. д.

Языковые знаки служат для передачи содержательной информации. Реализация этой функции возможна благодаря системе отношений, которые устанавливает языковой знак. Ч. Моррис выделяет три типа связей языкового знака:

- семантика (знак – обозначаемое);
- синтактика (знак – знак);
- прагматика (знак – человек).

Три вида связей составляют значение знака – информацию, благодаря которой знаки используются для передачи содержательных сообщений.

В значении языкового знака различают:

- *лексическое значение* (денотативное и коннотативное) – собственное смысловое содержание;
- *грамматическое значение* – элементы смысла, общие для класса слов;
- *внутрилингвистическое значение* – связь с другими словами языка.

Семантика языкового знака и перевод. Основной составляющей лексического значения языкового знака является денотативное – предметно-логическое значение, определяющее его способность обозначать класс или признаки класса внеязыковых объектов.

С помощью специального компонентного анализа в значениях языковых единиц выделяются элементарные смыслы – *семь*. Любой из компонентов значения может быть воспроизведен средствами иного языка, но одновременная передача всей информации, содержащейся в слове, зачастую оказывается невозможной. Так, не представляется возможным подыскать в английском языке полного соответствия русскому слову *сутки*. Семантика словарного аналога существительного *day* включает не все компоненты значения исходной единицы, и переводчик вынужден прибегать к перифразе *24 hours* или добавлениям *day and night*.

При передаче денотативного значения мы постоянно сталкиваемся и с ситуацией, когда различным значениям одного слова соответствуют разные языковые единицы ПЯ. Так, например, английскому *scholarship* в разных ситуациях общения могут соответствовать русские единицы: *образованность, ученость; гуманитарное образование; филологическое образование; стипендия*.

Прагматика языкового знака и перевод. Эквивалентность отдельных слов в оригинале и в переводе предполагает максимально возможную близость не только предметно-логического, но и *коннотативного значения* соотнесенных слов, отражающего характер восприятия гово-

рящими содержащейся в слове информации. Коннотативное значение является условием и результатом реализации языковой единицей прагматической связи (знак – человек).

Наибольшую роль в составе коннотативного значения слова играют его *эмоциональный, образный и стилистический компоненты*. В любом языке существуют слова, совпадающие по предметно-логическому значению, но различающиеся по наличию или характеру коннотативного компонента в семантике слова.

Эмоциональная (эмфатическая) характеристика значения слова может быть положительной или отрицательной. Существенное осложнение при переводе может вызвать несовпадение эмфатической коннотации слов, соотносимых по предметно-логическому содержанию. Так русское слово *амбициозный* обладает преимущественно негативной коннотацией и не может быть употреблено при переводе предложения *It is certainly ambitious scheme*, рассказывающего о достижениях руководителя крупной компании. Переводчик выбирает более подходящий по коннотации эквивалент *грандиозный*. Сложность при переводе на разные европейские языки представляет ряд наименований социальных явлений, таких как *буржуазия, революция* и других, за которыми в языковых коллективах закрепились разная эмоциональная оценка в силу различий в развитии политических процессов в этих странах и особенностей их оценки.

Семантика некоторых слов включает дополнительную информацию, связанную с определенными *образами*, ассоциациями в сознании говорящих. *Образность* строится в языке на основе метафоры или сравнения. Благодаря *образному компоненту* значения, слово производит особое воздействие на Рецептора, привлекает внимание, вызывает эмоциональное отношение. Сохранение образности оригинала может быть обязательным условием достижения эквивалентности перевода.

Значительная общность человеческого мышления, а также богатство общего культурного опыта способствовали формированию большого количества схожих образов в разных языковых картинах мира. Так *снег* – признак белизны для представителей всех европейских культур (ср. *белоснежный* – *snowy* (англ.), *schneeweiß* (нем.), *d'une blancheur de neige* (фр.)), *камень* – признак холодности также для англоязычного и франкоязычного языкового сознания. Человек бледнеет *как полотно* (ср. *as a sheet* (англ.)), сражается *как лев* (ср. *like a lion* (англ.)) и т. д.

Однако, несмотря на указанные сходства, система образов обычно специфична для каждого языка. В этом случае от переводчика требуются определенные усилия при передаче образа. Так, в русском языке нет устоявшегося соответствия английской терминологической метафоре

bear market, противопоставление брокеров на *быков* и *медведей* еще не устоялось в русской финансовой терминологии и требует пояснений. Переводчик прибегает к свободному словосочетанию: *But in the next bear market for developed markets, will Russia continue to bob along its upward path?* – Но продолжит ли Россия свой скачкообразный путь наверх на будущем рынке с понижательной тенденцией для промышленно развитых стран?⁵⁶. Сложности при переводе может вызвать лексика, имеющая образную внутреннюю форму слова: *присоседиться*, *нахотиться*, *сковырнуться* и т. д.

Свой национальный характер имеют и *стилистические системы* языков. Воспринимая слово, пользующиеся языком оценивают его как носителя дополнительной информации об уместности использования слова в определенном типе речи: *разговорной*, *книжной* или *поэтической*. Сравним: *to end* – *to terminate*; *to begin* – *to commence*; *bloody* – *sanguinary*; *husband* – *consort* (англ.); *спать* – *почивать*; *идти* – *шестьствовать*; *сидеть* – *восседать*; *слушать* – *внимать*; *голос* – *глас* (рус.) и т. д.

Эквивалентный перевод невозможен без учета стилистической стороны подлинника. Языки отличаются по количеству стилистически окрашенной лексики, по выраженности на уровне слова принадлежности к отдельным стилям речи. Так, русский язык занимает особое место по богатству поэтической лексики, не всегда находящей отражение в других языках (ср. *глаза*, *очи*, *зеницы* – *eyes*).

Нередко соответствующие друг другу по основному содержанию слова двух языков принадлежат к разным типам речи, и *стилистический компонент* значения слова оригинала оказывается утраченным в переводе. Так, при переводе принадлежащих к разным стилям английских сочетаний используется русское нейтральное слово *торговый*: *trade balance* (англ.) – *торговый баланс* (рус.), *commercial law* (англ.) – *торговое право* (рус.), *merchant ship* (англ.) – *торговый корабль* (рус.).

Языки далеко не всегда совпадают по традициям употребления различных стилей речи. Так, распространенный в англоязычной прессе фамильярный стиль не допустим в русских газетах. При переводе текста *The Premier was kicked from his office yesterday* переводчик вынужден прибегнуть к нейтральной компенсации: *Вчера премьер-министр ушел в отставку*.

Синтактика языкового знака и перевод. Помимо отношений «знак – обозначаемое», «знак – человек» языковому знаку свойственны взаи-

---

⁵⁶ Пример заимствован из Калинина В. Д. Теория и практика перевода. Курс лекций. – М.: РУДН, 2008. – С. 123.

моотношения с другими знаками, составляющими систему. Отношения «знак – знак» – синтактика языкового знака – базируются на грамматическом и внутрилингвистическом компонентах значения.

Внутрилингвистическое значение слова, как основного языкового знака, проявляется в его словообразовательных связях, в принадлежности к определенным лексическим парадигмам (синонимы, антонимы, омонимы и др.), а также в избирательной сочетаемости слов при построении высказываний.

Специфичная сочетаемость языковых знаков не представляет собой переводческой сложности. При переводе сочетаний с несвободной сочетаемостью, таких как *to pay attention, visit, compliments* (англ.) переводчик, как правило, легко переходит к использованию идиоматики языка перевода: *обратить внимание, нанести визит, выразить комплимент* (рус.) и т. д.

Лингвистические значения, как правило, вообще не сохраняются в процессе перевода, и внутрилингвистические значения, присущие единицам исходного языка, исчезают и заменяются внутрилингвистическими значениями, свойственными единицам языка перевода.

Иначе обстоит дело с передачей внутриязыковых семантических и формальных связей языковых единиц. С трудностями такого рода обычно приходится иметь дело при переводе различного рода каламбуров, построенных на полисемии, омонимическом или паронимическом сближении слов.

Так, в известном каламбуре Льюиса Кэрролла «*Mine is a long and a sad tale! Said the Mouse. It is a long tail, certainly*», *said Alice... «but why do you call it sad?»*», построенном на омонимии слов *tale – tail*, ведущим элементом является слово *tail – хвост*, поскольку рассказ Мыши построен в виде фигурного стихотворения в форме хвоста.

Большинство переводчиков произведения сохранили этот элемент каламбура, избрав при этом свой собственный путь.

П. Соловьева использовала сходно звучащее слово *хвастунья*, Н. Демурова: *прохвост – про хвост*, Б. Заходер обыграл устойчивое словосочетание «*Этой страшной истории с хвостиком – тысяча лет*».

Грамматический компонент значения может также играть немалую роль при переводе в тех случаях, когда на первый план выходят категории рода, числа и другие морфологические показатели языковых знаков. Так при переводе названия романа Анны Гавальды *Je l'aimais* переводчик сталкивается с особенностью грамматической системы французского языка, в которой усеченная форма местоимения *l'* может соответствовать как мужскому, так и женскому роду. Рождаемая грам-

матикой двусмысленность фразы базируется на содержании, в основе которого две истории любви, рассказанные мужчиной и женщиной. Переводчик идет по пути снятия двусмысленности названия: *Я его любила. Я ее любил.*

Лекция 10. Текст и перевод

План лекции:

- 10.1. Текст как центральное звено коммуникативного акта перевода
- 10.2. Текстовая импликация и перевод
- 10.3. Информативность текста. Виды текстовой информации и перевод
- 10.4. Функции текста и понятие инварианта перевода

10.1. Текст как центральное звено коммуникативного акта перевода
Использованные языковые средства выступают в качестве своеобразных «кирпичиков смысла», но полученная информация не сводится к их набору. Переводчик имеет дело не с системой языка, а с речевыми произведениями.

Составленные из единиц языка сообщения выступают в речи в виде коммуникативных единиц – *высказываний*. Высказывание может состоять из слова, словосочетания, предложения.

Ряд высказываний, связанных по смыслу, или высказывание, употребленное самостоятельно, составляют *текст*. Текст может создаваться как в устной, так и в письменной форме. Тексты и высказывания являются непосредственными объектами перевода.

В зависимости от ракурса исследований выделяют следующие подходы к тексту: литературоведческий, лингвистический, психолингвистический и коммуникативный.

Каждый из подходов ставит во главу угла те особенности текста, которые соотносятся с выработанной в рамках научной дисциплины исследовательской позицией. Так, с позиций лингвистического подхода текст представляется как последовательность языковых единиц любого порядка, как «максимальная языковая единица», как «реализация языковой системы, языковых уровней и их единиц» (Н.А. Купина), как «произведение речи» (Н.Д. Ахманова).

Представители литературоведческого направления, прежде всего, рассматривают содержательную сторону текста, рассматривая особенности развития фабулы через призму персонажей и другие литературоведческие категории.

Интересный подход выработан в рамках коммуникативной теории текста, рассматривающей текст как центральное звено коммуникативной модели *автор – текст – адресат*. Текст – это речевое произведение, с помощью которого осуществляется вербальная коммуникация. Подход к тексту с позиций его роли в коммуникации базируется на учете языковой и экстралингвистической сущностей текста, а также всех составляющих коммуникативного акта.

В коммуникативной теории текст определяется как «коммуникативно ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность» (Н.С. Болотнова)⁵⁷.

Анализ предложенного определения показывает взаимосвязь текста с компонентами коммуникативного акта и его центральную позицию по отношению другим составляющим коммуникативный акт. *Коммуникативная ориентированность* текста определяет его связь с целью коммуникации. Именно текст является связующим звеном между коммуникантами: автором и рецептором (связь с целью коммуникации и коммуникантами). *Концептуальная обусловленность* текста есть отражение авторской концепции (связь с автором сообщения). Являясь «продуктом реализации языковой системы», текст обнаруживает тесную связь с используемым в коммуникации языком (кодом коммуникации). Наличие *информативно-смыслового* и *прагматического содержания* указывает на обязательное отражение в тексте некоей внеязыковой, «затекстовой» ситуации. А вписанность в контекст *определенной сферы общения* показывает обусловленность текстового построения условиями конкретной ситуации общения.

Проблемы перевода – проблемы анализа, понимания и построения текста. Именно учитывая коммуникативную сущность текста, взаимосвязь указанных лингвистических и экстралингвистических факторов, переводчик подходит к пониманию заключенной в текст информации. В задачи переводчика входит не только уметь воспринять целостность оригинала, но и обеспечить целостность создаваемого им текста перевода.

Текст представляет собой системно-структурное образование. В пользу рассмотрения текста как системы говорит наличие в нем элементов, связанных отношениями, и уровневая организация.

---

⁵⁷ Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск, 1992. С. 22.

Текст состоит из высказываний, которые говорящий (или пишущий) создает, отбирая языковые единицы и соединяя их по правилам грамматики данного языка в соответствии со своим коммуникативным намерением.

Говоря об уровневой организации текста, следует рассмотреть смысловую структуру текста, в которой выделяется три уровня: вертикальный, горизонтальный и глубинный.

Вертикальная структура – это формально-тематическое содержание текста. При рассмотрении вертикальной структуры содержание рассматривается от текста в целом к его частям через последовательное выделение темы, подтем, субподтем, микротем, суждений. Переводя отдельные единицы смысловой структуры, переводчик учитывает место каждой в общей структуре содержания исходного текста и соответственно строит смысловую структуру создаваемого текста.

Горизонтальная структура представлена формальными и смысловыми связями между высказываниями. Грамматическая структура создается содержанием каждой из его единиц, их взаимодействием и последовательностью расположения в тексте. Элементами грамматической структуры являются:

- *Формальная связанность* – когезия, создаваемая с помощью языковых средств: союзов, повторов, слов-заместителей, согласования времен.

- *Смысловая связанность* – когерентность, в основе которой лежит логическая последовательность и непротиворечивость изложения, использование стереотипных формул, тема-рематическое членение и тематическая прогрессия.

Непосредственно связана с когерентностью текста его тема-рематическая структура. В содержании высказывания можно выделить два смысловых полюса: *тема* – исходное положение, нечто данное или то, что, как предполагается известно собеседнику. *Рема* – то, что сообщается, та новая информация, ради которой новое сообщение создано. Соотношение темы и ремы, определяющее развертывание смысла высказывания, имеет разные средства выражения в разных языках. Основным средством тема-рематического (актуального) членения предложения выступает порядок слов, структура которого не одинакова в разных языках. Так, простые высказывание типа *На столе стоит стакан* и *Стакан горячий* имеют разное актуальное членение. Именно различиями в тема-рематической структуре будет определяться стратегия перевода: *There is a glass on the table*, но *The glass is hot*.

В первом высказывании слово *glass* находится в смысловом фокусе высказывания – в реме, т. е. представляет то новое, о чем сообщается в

высказывании. О позиции ремы (нового) свидетельствует неопределенный артикль. В переводе слово *стакан* находится в ударной для русского языка конечной позиции, что отражает позицию ремы. То же существительное во втором высказывании упоминается как уже знакомое, данное (тема) и сопровождается определенным артиклем, а в фокус внимания, рему попадает состояние стакана. Перевод реагирует помещением слова *стакан* в неударную позицию начала высказывания.

Особое значение для теории и практики перевода имеет **глубинная структура** текста, отражающая процесс построения речевых высказываний и включение их в текст.

10.2. Текстовая импликация и перевод

Глубинная структура содержания, по сути, смысл текста как таковой, представляет собой синтез языкового содержания, конкретно-контекстуального смысла и имплицитного содержания высказывания.

Языковые средства являются носителями элементарных смыслов и в каждом высказывании они отбираются и организуются таким образом, чтобы коммуниканты извлекли заложенную в текст информацию. Смысл высказывания не сводится к простой сумме элементарных смыслов языковых единиц. Сочетание языковых единиц в высказывании создает новую информацию. Содержание высказывания, таким образом, более информативно, чем совокупное значение составляющих его единиц и познается путем анализа и интерпретации.

Интерпретация отсекает незначимые в данном случае компоненты, ограничивая содержание высказывания. Одновременно сочетание создает новую информацию и позволяет описать ситуацию. Информация, полученная через интерпретацию языковых единиц, поверхностна.

Возьмем для примера высказывание, взятое из журнальной статьи: *Аннушка уже пролила масло*. Указан субъект, объект, есть ссылка на время действия. Перевести просто. Но вне коммуникативной ситуации – это псевдопредложение, так как неясно, кто есть эта Аннушка, случаен или преднамерен ее поступок, каковы его возможные последствия, хвалят Аннушку, осуждают, или удивляются.

Языковое содержание текста – лишь первый слой его глубинной смысловой структуры. Он может содержать меньшую и даже наименее важную часть смысла. В процессе употребления в речи языковые единицы получают *конкретн-контекстуальный смысл*. Этот новый смысл создается под действием так называемого контекста – языкового окружения данной единицы. Так анализ контекста приведенного выше высказывания, а именно наличие глагола *проливать*, показывает, что речь

идет не о твердом сорте масла, а о жидком, что не маловажно для перевода (ср. оппозицию *масло (рус.) – butter/ oil (англ.)*).

Контекст подразделяется на узкий и широкий. *Узкий контекст* – это языковые единицы, составляющие окружение данной единицы в пределах предложения, т. е. контекст словосочетания или предложения. *Широкий контекст* – языковое кружение, выходящее за рамки предложения. Это текстовый контекст, т. е. совокупность языковых единиц в смежных предложениях. Широкий контекст может выходить за рамки группы предложений, абзаца, главы или даже всего произведения в целом. Так, именно анализ широкого контекста позволит ответить на вопросы кто такая упомянутая нами Аннушка и как оценивается ее поступок с позиций смыслового целого.

Языковое содержание может передавать дополнительный смысл, *имплицитно* подразумеваемый и выводимый из него коммуникантами. Импликация осуществляется по логической формуле: «если А, то В», где А – выраженное, а В – подразумеваемое.

Имплицитный, подразумеваемый смысл высказывания может быть самым важным и наиболее сложно поддающимся передаче при переводе.

Виды имплицитного смысла текста различаются по способу возникновения и по вероятности восприятия:

- *Подтекст* – второй, параллельный смысл высказывания (аллюзивный текст). Например, из высказывания *He is a poor swimmer* логично заключить: *Он плохо плавает*. Подтекст высказывания может быть вариативным. Так, за сообщением *Я иду в поликлинику* может стоять несколько смыслов: 1) я болен; 2) я там работаю; 3) тороплюсь; 4) мне некогда с вами разговаривать и т. д.

- *Фоновые знания* – общие для участников коммуникации знания: общечеловеческие (Земля – круглая), региональные (*the Grape State* – «Виноградный штат» – о Калифорнии), национально-культурные (Hexagone – Франция, т. к. имеет форму шестиугольника). Фоновые знания тоже представляют собой своеобразный экстралингвистический контекст (ситуативный контекст), в котором соответствие определяется не на основе языкового окружения, а на основе эрудиции и культурного кругозора коммуниканта.

Ситуативный контекст включает *обстановку, время и место*, к которому относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает рецептору (и переводчику) правильно интерпретировать значения языковых единиц в высказывании.

Например, в контексте *For desert you got Brown Betty, which nobody ate ...* встречается упоминание национального десерта, название которого значимо для носителей английского языка. Имплицитная информа-

ция такого рода нуждается в пояснениях переводчика: *На сладкое подали «Рыжую Бетти», пудинг с патокой, только его никто не ел* (пример В.Н. Комиссарова).

Имплицитная информация, базирующаяся на фоновых знаниях, предполагает возможность двойного прочтения в зависимости от полноты энциклопедической осведомленности переводчика. Так, недостаточность фоновых знаний переводчика стала причиной культурологической ошибки при переводе на русский язык документального фильма. Княгиня Голицина была возведена переводчиком в ранг царских особ: ср.: *Princess Golitzyne has spent most of her life in emigration* и *Принцесса Голицына провела большую часть жизни в эмиграции*.

В интерпретации приведенного выше по тексту высказывания про Аннушку любой знающий русскую литературу прочитает намек на ситуацию, описываемую в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и уловит намек, на неотвратимость неприятного происшествия.

В идеале переводчик стремится к передаче всего глобального содержания текста, включая подтекст и импликацию. Фактически же близость содержания текстов оригинала и перевода достигается с утратой отдельных элементов смысла.

На вопрос об обоснованности и пределах допустимых расхождений в текстах оригинала и перевода помогает ответить исследование информативности текста.

10.3. Информативность текста. Виды текстовой информации и перевод

Текст – понятие емкое. Но для общей теории перевода существенны универсальные характеристики текста и в первую очередь характеристика, связанная с содержанием текста, с той информацией, которая в нем заключена. Эту характеристику можно назвать информативностью текста.

Линейное развертывание мысли, которое происходит в тексте, неизбежно приводит к тому, что информативность различных отрезков речи, различных слоев представляет собой не равнозначную величину. Одни из них содержат чрезвычайно ценную информацию, другие повторяют уже известное.

Ценность информации не следует путать с ценностью сообщения. Если ценность информации измеряется ее уникальностью, тем, насколько возможно ее предугадать, прогнозировать, то ценность сообщения определяется его важностью, теми последствиями, к которым может привести непередача сообщения. Именно поэтому наиболее ценными являются сообщения, от которых зависит безопасность человека (на-

пример, сообщения, которыми обмениваются пилот самолета и диспетчер). При передаче ценных сообщений требуется особая надежность, которая в технике обеспечивается дублированием средств связи. В языковой коммуникации надежность передачи сообщения в значительной степени обеспечивается *языковой избыточностью*.

Языковая избыточность – явление, имеющее особое значение для перевода. Так, известно, что количество слов, необходимое для выражения мысли, зависит, от ряда факторов:

- от коммуникативности задания;
- от существующих в данном языке правил грамматики;
- от владения источником соответствующей лексикой;
- от речевого опыта источника;
- от уровня информированности адресата;
- от ценности сообщения.

Чем ценнее сообщение, тем больше слов используется для его передачи, тем больше языковая избыточность текста. Языковая избыточность текста свидетельствует не только об использовании лексических единиц, повторяющих уже выраженную семантическую информацию, что может рассматриваться и как избыточность речи, но и об избыточности графического или звукового оформления речи. Так, в русском языке избыточными являются большинство сдвоенных букв, повторные указания на род, число, падеж взаимосвязанных слов. В речи избыточность языка проявляется повторением смысловой информации в различных лексических единицах. По сделанным расчетам избыточность основных европейских языков составляет 70–85%.

Языковая избыточность является необходимым условием передачи и приема сообщения. Она не только способствует надежности коммуникации, но и создает условия порождения и восприятия речи. Без существующей избыточности языка человек не смог бы перерабатывать всю поступающую или передаваемую информацию. Избыточность языка объясняется, кроме того, и тем обстоятельством, что органы чувств воспринимают речь, а способствующие центры мозга ее перерабатывают не непрерывно, а путем накопления порций информации. Периодическое накопление порций информации мозговыми механизмами неизбежно ведет к неравномерному распределению информации в тексте, к тому, что информативно полные участки чередуются с малоинформативными речевыми отрезками.

Основная (ключевая, доминирующая) информация – это информация, как правило, доминирующая, в речевом сегменте, создающая представление обо всем содержании речевого сегмента.

Коммуникативно-иррелевантная информация (дополнительная, уточняющая) – это поступающие к коммуниканту в процессе перевода сведения, неспособные преобразовать речевое произведение и ситуацию в смысл.

Избыточная информация (повторная и нулевая) – это повторная многократная передача коммуниканту одних и тех же сведений как эксплицитно, так и имплицитно.

Распределение информации в текстах подчинено некоторым закономерностям, среди которых важно отметить концентрацию ключевой информации в начале текста и чередование сегментов уникальной информации с сегментами, содержащими прочую информацию.

100%-е воспроизведение в переводных текстах должны получать лексические единицы, несущие ключевую информацию. Ключевая информация – это совершенно новые сведения, которые ни контекстом, ни ситуацией не могут быть подсказаны. А это значит, что для передачи сообщения обязателен учет лексических единиц, несущих уникальную ключевую информацию. По-видимому, именно уникальность информации и является одной из главных характеристик сообщения. Лексические единицы, несущие уникальную ключевую информацию можно называть *инвариантными лексическими единицами*.

Однако в текстах, как показывают исследования, кроме инвариантных, имеются и другие лексические единицы, внимательное рассмотрение которых дает возможность провести дальнейшую дифференциацию информации, содержащейся в тексте.

Прежде всего, следует различать лексические единицы, несущие *дополнительную – имплицитную* информацию. Дополнительная информация – это сведения, которые известны компетентному рецептору, например: Москва – столица России. Дополнительная информация, хотя эксплицитно в тексте и не дана, тем не менее, может быть подсказана ситуацией, контекстом, логикой высказывания, информационным запасом получателя.

Дополнительную информацию важно отличать от *уточняющей информации*. Уточняющая информация – это сведения, которые имплицитно содержатся в других единицах текста. Если лексические единицы с дополнительной информацией вносят что-то новое, по крайней мере, для некомпетентного получателя, то есть для реципиента, который плохо знаком с обстановкой, ситуацией или просто недостаточно догадлив, то лексические единицы с уточняющей информацией ничего нового для такого получателя не несут. Но такие единицы текста нельзя называть дисфункциональными, т. е. лишенными всякой информации, они

заключают в себе информацию, но такую, которая в данном тексте лишь уточняет очевидное, уже высказанное.

Кроме дополнительной и уточняющей информации, лексические единицы текста могут содержать и совершенно одинаковую информацию, то есть *повторную информацию*. Повторная информация – это сведения, приведенные в данном тексте не в первый раз. Повторение информации – прием, широко используемый в ораторской речи для усиления казанного.

Наконец, в любом тексте можно встретить слова или отрезки речевой цепи, лишенные смысловой семантической информации, то есть элементы текста с *нулевой информацией*. Во-первых, это различного рода оговорки и исправления. Во-вторых, это так называемые «пустые» слова и нейтральные речения, слова-паразиты.

Наиболее ярко все виды информации представлены в неподготовленной устной речи. На письме автор сообщения значительно подчищает текст, старается избежать, по крайней мере, избыточной информации (повторной и нулевой).

Как показывает практика перевода текст оригинала и текст перевода, как правило, характеризуются отношениями *несоответствия*: переводной текст всегда содержит некоторое количество информации, отсутствующей в исходном тексте, а часть информации исходного текста не представлена в тексте перевода. Существуют, таким образом, так называемые *непереданная* и *прибавочная* виды информации, которые вычленяются при сравнительном изучении текстов в перевод

10.4. Функции текста и понятие инварианта перевода

Что есть то общее, позволяет отождествлять текст перевода с текстом оригинала и считать его равноценной заменой оригинала? Что остается неизменным после переводческих трансформаций?

Понятие инварианта пришло из математики, где он понимается как выражение, остающееся неизменным при преобразованиях переменных, связанных с этим выражением.

Инвариант в лингвистике – структурная единица (фонема, морфема, лексема и т. д.) в отвлечении от ее конкретных, вариантных реализаций⁵⁸.

Любая трактовка инварианта предусматривает наличие чего-то общего, неизменного, присутствующего во всех вариантах. Следовательно, под *инвариантом перевода* понимается нечто общее, присущее всем вариантам перевода и объединяющее варианты перевода с текстом ори-

---

⁵⁸ Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 80–81.

гинала, нечто такое, что остается неизменным при переводе на любой другой язык.

Инвариант характеризуется сохранением каких-либо параметров. Определение параметров инварианта перевода представляет собой сложнейшую задачу, решить которую в истории переводоведения пытались неоднократно.

Строго говоря, попытки поиска инварианта перевода сопровождали все известные теоретические модели перевода. Анализ концептуальных взглядов исследователей на инвариант перевода отражает в целом видение перевода как процесса в разные периоды развития науки о переводе.

Так, в ранних концепциях инвариант понимается лишь как семантическая общность оригинала и перевода (Л.С. Бархударов), либо как тождество элементарных смысловых единиц языка–посредника, поставленных в соответствие с данным выражением (И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг). Таким образом, перед переводчиком ставится задача передать лишь смысловое содержание оригинала.

Однако, как показывает практика, перевод не всегда сохраняет семантическое содержание высказывания. Зачастую переводчик, стремясь оказать на своего рецептора воздействие, сходное воздействию оригинального текста, отказывается полностью или частично от смыслового содержания подлинника.

Такую картину мы можем наблюдать при переводе пословиц и поговорок, имеющих национальную специфику, при передаче названий фильмов, рекламных слоганов, а также различных стилистических фигур оригинала. Так английскому пожеланию *I wish you fair winds and following seas* может соответствовать в переводе неэквивалентное по содержанию смысловых единиц, но имеющее сходный подтекст воздействия пожелание *Семь футов под килем*. Название фильма «*Revolutionary Road*» (по имени улицы, где развивался основной сюжет картины) переведено как «Дорога перемен», чтобы избежать нежелательных дополнительных коннотаций, связанных в русском сознании с понятием *революция*.

На учете всего комплекса факторов, действующих на перевод в условиях коммуникации, настаивает при определении инварианта перевода А. Д. Швейцер. Он указывает на то, в условиях коммуникации на передний план выступают воздействующие – прагматические – элементы содержания. В речевой коммуникации источник имеет намерение познакомить рецепторов со своими мыслями, определенным образом воздействовать на них.

В зависимости от условий коммуникации при построении сообщения источник отбирает ту информацию и тот способ ее организации, которые могут произвести необходимый коммуникативный эффект.

Подходя к определению инварианта перевода А.Д. Швейцер пишет: «... в процессе перевода всегда остается неизменным содержание исходного сообщения (не только семантическое, но и прагматическое), детерминируемое и модифицируемое функциональными характеристиками коммуникативного акта и соотношением между ними»⁵⁹.

Инвариант перевода, таким образом представляется как инвариантная коммуникативная значимость текстов оригинала и перевода, «коммуникативный эффект как результат коммуникативного акта, достигшего цели» (А.Д. Швейцер), «инвариантный коммуникативный эффект» (Г. Егер), «инвариантность цели высказывания» (В.Н. Комиссаров).

В конкретном акте коммуникации сообщение может включать и семантическую и ситуационную информацию, эстетический эффект, или сочетание нескольких видов информации

В основе воздействия сообщения лежат функциональные параметры текста, представление в типологической схеме Р. Якобсона, который выделяет функции текста, отличающиеся друг от друга установкой на тот или иной компонент речевого акта⁶⁰.

Референтная (денотативная) функция – функция передачи фактологической информации связана с установкой на ситуацию, о которой непосредственно идет речь в тексте. Так, высказывание *Идет дождь* имеет целью донести информацию о погодном явлении.

Экспрессивная (эмотивная) функция – функция выражения дополнительных смыслов, связанных с особым авторским видением ситуации, ее оценкой. Эта функция характеризуется Р.Якобсоном как установка на отправителя, автора сообщения. Например, высказывание *Дождина!* уже не является нейтральным сообщением, а несет яркую авторскую оценку внеязыкового события: удивление и возможно восхищение размахом погодного явления.

Фатическая (контактоустанавливающая) – функция установления контакта между коммуникантами. Так, фраза *Дождь!*, брошенная утром соседом в подъезде, может служить приветствием, т. е. приглашением к контакту, разговору.

Конативная (волеизъявляющая) функция присуща сообщениям, направленным на побуждение коммуникантов к действию. В ней выражена установка на получателя. Так, говоря утром сыну *Дождь!*, мать мо-

---

⁵⁹ Швейцер А. Д. Теория перевода. – М.: «Наука», 1988. С. 94.

⁶⁰ Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

жет напомнить сыну о необходимости взять с собой зонт и, тем самым, побудить его к конкретному действию.

Поэтическую функцию несут сообщения, оказывающие эстетическое воздействие на рецепторов своей формой – рифмой, особым построением фразы, образностью и т. д. В фокусе оказывается установка на сообщение, на выбор его формы: *Дождик, дождик лей! С тобою веселей!*

И, наконец, кроме описания неязыковой действительности, сообщение может нести информацию о самом языке, о реалиях языковой системы, ее организации, взаимосвязи ее элементов. В предложениях типа *Дождь – имя существительное мужского рода, единственного числа, второго склонения* делается установка на код сообщения. Функция таких высказываний определяется как *металингвистическая функция*.

Одно высказывание может нести одновременно несколько функций, однако в каждом конкретном коммуникативном акте на передний план выступает какая-либо одна функция, называемая *функциональной доминантой*.

Функциональная доминанта напрямую связана с целью коммуникации, т. е. с основным намерением автора сообщения. Ее определение предопределяет успех выделения инварианта перевода, т. е. того типа и объема информации (смысловой, ситуативной, эмоциональной и т. д.), которое соотносится с целью коммуникации и, следовательно, должно быть сохранено в переводе обязательно.

Рассмотрим примеры переводов, ориентированных на сохранение инвариантов, связанных с разными функциональными доминантами высказываний:

Maybe there is some chemistry between us doesn't mix (англ.) – Бывает, что люди не сходятся характерами (пример А.Д. Швейцера).

Очевидно, что переводчик выделил в качестве функциональной доминанты приведенного сообщения референтную функцию, и стратегия перевода направлена на отражение реальной ситуации. Инвариантом перевода выступает, таким образом, стоящая за текстом предметная ситуация, для описания которой подыскиваются средства ПЯ, которые не обязательно параллельны единицам ИЯ.

Следующий пример иллюстрирует перевод с сохранением инварианта, связанного с эмотивной функцией :

That's a pretty thing to say (англ.)! – Постыдился бы!

Сохранение инварианта, связанного с волеизъявительной функцией: *Fragile (англ.) – Осторожно, стекло!* (Надпись на коробке).

Таким образом, инвариантом в переводе выступает ориентированное на установки акта коммуникации сообщение или информация, предназначенная для передачи (семантическая, ситуативная, сочетание информации, отвечающее всем установкам коммуникативного акта).

Тема 6. Понятие переводческой эквивалентности

Лекция 11. Критерий эквивалентности в истории переводческой мысли

План лекции:

- 11.1. Эквивалентность как оценочный критерий перевода
- 11.2. Взгляды на эквивалентность в истории переводоведения
- 11.3. Иерархическая модель эквивалентности В.Н. Комиссарова

11.1. Эквивалентность как оценочный критерий перевода

Перевод является целенаправленной человеческой деятельностью, отвечающей определенным требованиям. Основными оценочными критериями, предъявляемыми к переводу, являются критерии *эквивалентности* и *адекватности*.

Перевод предназначен для полноправной замены оригинала, и рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту. На самом деле абсолютная тождественность перевода оригиналу не достижима и, более того, не желательна. Понятие тождественности заменяется понятием *эквивалентности* – общности содержания (смысловой близости) оригинала переводу.

Анализ текстов оригиналов и переводов показывает, что различные участки текста перевода в смысловом плане находятся на разной степени удаленности от оригинала. В определении эквивалентности современными авторами, таким образом, основной упор делается на *вариативность* этого понятия, на существование различных видов и аспектов эквивалентности.

Понятие эквивалентности внутренне присуще понятию перевода и, как правило, включается в само определение перевода. Так, английский переводовед Джон Кэтфорд определяет перевод как «замену текстового материала на одном языке (ИЯ) *эквивалентным* текстовым материалом на другом языке (ПЯ)». Аналогичным образом, американский исследователь Юджин Найда утверждает, что перевод заключается в создании на языке перевода «ближайшего естественного *эквивалента*» оригиналу.

Каждый раз, переводя текст, от высказывания к высказыванию переводчик стоит перед задачей поиска того неизменного, что должно сохраниться и перейти в текст перевода (инварианта перевода). Он стремится установить иерархию ценностей, подлежащих сохранению в переводе, и на ее основе – иерархию требований эквивалентности в отношении данного текста. Иерархия этих требований варьируется от фрагмента к фрагменту внутри текста, определяется композицией факторов, складывающихся в конкретных ситуациях перевода.

Поскольку переводчик стремится к максимально полной передаче при переводе всей текстовой информации, а также к сохранению коммуникативного воздействия, сходного воздействию текста оригинала, степень эквивалентность выступает *критерием качества* перевода. Понятие «эквивалентность» приобретает, таким образом, оценочный характер. «Хорошим» или «правильным» переводом признается только эквивалентный перевод.

При сравнении переводных текстов с оригинальными ясно видно, что степень смысловой близости к оригиналу у разных переводов неодинакова, и их эквивалентность основывается на сохранении разных частей содержания оригинала. Всегда можно обнаружить некоторое число переводов, где близость к оригиналу будет минимальной.

Так, один из персонажей американского писателя А.Хейли в романе «Отель» спрашивает у своего воспитанника, почему у него плохие отношения с управляющим отеля. Ответ воспитанника, звучащий по-английски «*Maybe there is some chemistry between us doesn't mix (англ.)*», переведен фразой: «*Бывает, что люди не сходятся характерами*».

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Языковые и культурные различия приводят к нетождественности этих текстов. Коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно более значимых его частей.

В связи с этим одним из центральных понятий теории перевода является понятие «эквивалентность перевода», которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. Различается теоретически возможная эквивалентность, определяемая соотношением структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная эквивалентность – близость, достигаемая в конкретном акте перевода. И в том, и в другом случае эквивалентность не представляет

собой фиксированную величину: степень близости перевода и оригинала может быть различной и эквивалентность перевода устанавливается на разных уровнях.

Так как эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

В истории переводческой мысли можно проследить несколько подходов к определению переводческой эквивалентности. Эти подходы отражают эволюцию взглядов на сущность перевода.

11.2. Взгляды на эквивалентность в истории переводоведения

В современном переводоведении можно проследить сменяемость нескольких основных подходов к определению понятия «эквивалент».

Первые определения перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. А. В. Федоров, например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника». Само понятие «исчерпывающая передача», по видимому, должно означать, что перевод будет иметь то же самое содержание, что и оригинал.

Такое кардинальное решение вопроса «снимает» необходимость особо определять понятие «эквивалентность». К сожалению тезис об исчерпывающей передаче содержания оригинала не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически выхолащивают исходное определение.

Первые научные представления об эквивалентности содержит *теория закономерных соответствий* (Яков Иосифович Рецкер, 1974), где понятие эквивалентности распространяется лишь на отношения между единицами текста, но не на межтекстовые отношения.

Эквивалент, согласно Я.И. Рецкеру⁶¹, постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста, фактически словарный аналог единицы в ПЯ. Рецкер выделяет несколько типов соответствий: «эквивалент» и «вариантное соответствие». Но в его теории разграничение понятий «эквивалент» (полный, либо частичный) и «вариантное соответствие» продиктовано не столько переводческими, сколько лексикографическими соображениями.

---

⁶¹ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974, С. 11–12

К полным эквивалентам можно отнести немногочисленные моносеммы (однозначные слова), присущие, в основном, терминологическим системам: *dodder* (бот.) (англ.) – повилика; *dog-bolt* (тех.) (англ.) – откидной болт; *birch* (англ.) – берёза; *elm* (англ.) – вяз; *cast iron* (англ.) – чугун.

Более многочисленными являются эквиваленты частичные – словарные соответствия на уровне одного из значений слова. Так, *shadow* (англ.) – тень, эквивалент соответствующий основному значению слова, побочным значениям соответствуют русские *полумрак* и *призрак*.

Вариантные (контекстуальные) соответствия – устанавливаются между словами, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова (соответствия – синонимы в языке перевода): *pin* (тех.) (англ.) – палец, штифт, шпилька, шплинт, шкворень, ось и др.; *scholarship* (англ.) – стипендия, эрудиция, знания, филологическое образование.

Контекстуальные соответствия – это смысловые соответствия, которые возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения (узкого, широкого и экстралингвистического контекста):

attitude (англ.) – поза, осанка, отношение, позиция

1. *I don't like your attitude to your work* (англ.) – Мне не нравится твое отношение к работе.

2. *There is no sign of any change in the attitudes of two sides* (англ.) – В позициях сторон не наблюдается изменений.

3. *He stood there in a threatening attitude* (англ.) – Он принял угрожающую стойку.

4. *He is known for his reactionary attitude* (англ.) – Его реакционная позиция хорошо известна.

В сущности все последующие подходы к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную (неизменную) часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода (Егер). Наиболее часто на роль такого инварианта предлагается либо функция текста оригинала, либо описываемая в этом тексте ситуация. Иными словам если перевод может выполнить ту же функцию (например, обеспечит правильное использование технического устройства) или описывает ту же самую реальность, то он эквивалентен.

Для Джона Кэтфорда⁶² решающим критерием эквивалентности является семантический критерий отражения одной и той же предметной ситуации в текстах оригинала и перевода.

---

⁶² Цитируется по: Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблем, аспекты. – М., 1988. С. 78.

Если у Я. Рецкера отношения эквивалентности распространялись лишь на отдельные единицы (слова и словосочетания), то в теории Кэтфорда требованию эквивалентности подчиняются *высказывания текста* оригинала, отражающие предметную ситуацию.

Эквивалентность распространяется, однако, еще не на целые тексты, а на употребляемые в языке формы выражения одного и того же мыслительного содержания:

My son is six (англ.) – Mon fils a six ans (фр.) – Моему сыну шесть лет.

Существенный шаг в разработку теории эквивалентности вносит американский переводовед Юджин Найда⁶³, для которого эквивалентность определяется сходством реакции (*response*) на сообщение со стороны рецепторов оригинала и перевода. В своей концепции «динамической эквивалентности» он определяет эквивалентность как «*качество перевода, при котором смысловое содержание оригинала передается на языке-рецепторе таким образом, что реакция (response) рецептора перевода в основном подобна реакции исходных рецепторов*». Под реакцией подразумевается общее восприятие сообщения, включающее понимание его смыслового содержания, эмоциональных установок и др.

Таким образом, в определение эквивалентности впервые вводится прагматическое измерение – *установка на рецептора*. Понятие динамической эквивалентности в определении Ю. Найды учитывает и еще один существенный компонент перевода – *коммуникативную ситуацию*.

В приведенных выше определениях понятие эквивалентности предстает в *недифференцированном* виде, отношения эквивалентности либо присутствуют между оригиналом и переводом, либо отсутствуют.

В работах ряда авторов основной упор делается на *вариативность* этого понятия, на существование различных видов и аспектов эквивалентности.

Вернер Коллер считает, что понятие эквивалентности приобретает реальный смысл лишь в том случае, если уточняется *вид эквивалентных отношений* между текстами.

Вид эквивалентности уточняется путем указания на те конкретные свойства оригинала, которые должны или могут быть сохранены в переводе. В. Колер⁶⁴ выделяет:

1) *денотативную эквивалентность* – сохранение предметного содержания текста;

---

⁶³ Там же: С. 79.

⁶⁴ Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 1979, 2. Aus. 1983. С. 186–191.

2) *коннотативную эквивалентность* – передачу коннотаций (эмоциональных, оценочных и др. настроек) текста путем целенаправленного выбора синонимичных языковых средств;

3) *Текстуально-нормативную эквивалентность* – сохранение жанровых характеристик текста, соблюдение речевых и языковых норм;

4) *прагматическую эквивалентность*, предусматривающую сохранение воздействующей силы текста, ориентацию на эквивалентный коммуникативный эффект, эквивалентную реакцию со стороны рецептора;

5) *формальную эквивалентность*, ориентированную на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуально-авторских и других формальных признаков оригинала.

Согласно концепции В. Коллера, каждый раз, переводя текст, переводчик стоит перед задачей установить иерархию ценностей, подлежащих сохранению в переводе, и на ее основе – иерархию требований эквивалентности в отношении данного текста.

В теории В. Коллера виды эквивалентности признаются потенциально равноценными друг по отношению к другу, как бы лежат в одной плоскости. Иерархия же требований формируется самим переводчиком в каждом акте перевода, исходя из анализа конкретных особенностей текста, его целевых установок, жанровой принадлежности и т. д.

Как мы видим, соотношение между различными требованиями, предъявляемыми к переводу в теории В. Коллера, является переменной величиной. Однако требование, предусматривающее передачу *коммуникативного эффекта* исходного текста остается главным. Оно подразумевает определение того его аспекта или компонента, который является ведущим в условиях данного коммуникативного акта.

Таким образом, именно *прагматическая эквивалентность* формирует соотношение между остальными видами эквивалентности – денотативной, коннотативной, текстуально-нормативной и формальной.

Предлагаемая в работе отечественных ученых В.Г. Гака и Ю.И. Львина схема видов эквивалентности различает три вида эквивалентности: формальную, смысловую и ситуационную. При *формальной эквивалентности* общие значения в двух языках выражаются аналогичными языковыми формами (например: «*La délégation française arrive aujourd'hui à Moscou (фр.)*» – «*Французская делегация прибывает сегодня в Москву*»). *Смысловая эквивалентность* предполагает выражение одних и тех же значений различными способами (например: «*La délégation a quitté Moscou par avion à destination de Paris (фр.)*» – «*Делегация вылетела из Москвы в Париж*»). И наконец, особенностью *ситуационной эквивалентности* является то, что одна и та же ситуация описывается не только с помощью различных форм (как и при смысловой

эквивалентности), но и с помощью различных элементарных значений (сем) выражаемых этими формами; одно и то же сообщение об отбытии французской делегации может быть озаглавлено и по-русски: «*Французская делегация вылетела на родину*», и по-французски: «*La délégation française regagne Paris (фр.)*»⁶⁵. Данная концепция эквивалентности наиболее близко подводит к двум концепциям уровневой эквивалентности, предлагаемым отечественными переводоведами В. Н. Комиссаровым и А.Д. Швейцером.

11.3. Иерархическая модель эквивалентности В.Н. Комиссарова

Наибольшее внимания в отечественном переводоведении заслуживают концепции эквивалентности В.Н. Комиссарова и А.Д. Швейцера. Построенные по иерархической схеме и представляющие эквивалентность в виде взаимосвязанных уровней, они отражают степени смыслового сближения текстов оригинала и перевода.

Если у В. Коллера все виды эквивалентности выстраиваются в одной плоскости, то у В.Н. Комиссарова они образуют иерархическую структуру.

В.Н. Комиссаров различает пять уровней (типов) эквивалентности, понимаемой как разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом. В качестве обязательного условия эквивалентности постулируется «сохранение доминантной функции высказывания», что соответствует положению о функциональном инварианте перевода, опирающемся на функциональные доминанты текста.

В.Н. Комиссаров различает следующие уровни (типы) эквивалентности, понимаемой как разные степени смысловой общности между переводом и оригиналом: 1) цели коммуникации, 2) идентификации ситуации; 3) способа описания ситуаций, 4) значения синтаксических структур и 5) словесных знаков⁶⁶.

Ведущая роль в установлении эквивалентных отношений между оригиналом и переводом, по мнению В.Н. Комиссарова, принадлежит *цели коммуникации*. Цель коммуникации относится к категории прагматических факторов и выражается, в конечном итоге, в производимом текстом коммуникативном эффекте (эффекте воздействия) на рецептора. Основное требование к переводу с позиций теории коммуникативной эквивалентности – текст перевода должен воздействовать на рецептора также, как воздействовал на своего рецептора текст оригинала.

---

⁶⁵ Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода: Французский язык. М., 1970. С. 10

⁶⁶ Обзор в данном разделе дается по: Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М. 1999. С. 38–65.

1. *Уровень цели коммуникации.* Наименьшей степенью смысловой общности характеризуются отношения между оригиналом и переводом на уровне цели коммуникации. Сюда относятся такие случаи, как:

– *Maybe there is some chemistry between us doesn't mix (англ.) – Бывает, что люди не сходятся характерами.*

– *That's a pretty thing to say (англ.)! – Постыдился бы!*

Несохранение цели коммуникации делает перевод неэквивалентным, даже если остальные части содержания оригинала сохранены. Например:

– *A rolling stone gathers no moss (англ.) – Катящийся камень мха не собирает.*

Данный вариант перевода близок к оригиналу, но не понятен русскому адресату, которому трудно оценить данный факт с позиций хорошо или плохо. Правильным было бы употребить имеющуюся в русском языке поговорку: *Кому на месте не сидится, тот добра не наживет.*

2. Второй тип эквивалентности – *эквивалентность на уровне описания ситуации* – отличается от первого тем, что в тексте отражается та же предметная ситуация, хотя и изменяется способ ее описания:

He answered the telephone (англ.) – Он снял трубку.

Существуют ситуации, которые всегда описываются одним и тем же способом в данном языке: стандартные речевые формулы, предупредительные словосочетания, общепринятые пожелания (ср. *Push/Pull (англ.) – От себя/К себе; Wet paint (англ.) – Осторожно, окрашено!*)

Существуют и *ситуационные лакуны*, когда ситуация описывается в одном языке, а в другом как бы не существует и не упоминается во время речи. Так, в России нет общепринятых обращений, эквивалентных английским *Sir, Miss, Ma'am*. Некоторые ситуации могут вызывать определенные ассоциации у рецепторов оригинала, но быть неизвестными рецепторам перевода. Так, например, *Марк энд Спенсер* – недорогой магазин, но в России об этом не известно.

3. Третий тип эквивалентности – *эквивалентность на уровне способа описания ситуации* – характеризуется сохранением в переводе общих понятий, с помощью которых описывается ситуация. Сравним:

– *Scrubbing makes me bad – tempered (англ.) – От мытья полов у меня характер портится.*

Данный тип эквивалентности предусматривает, что сохраняется не только описание ситуации, но и способ ее описания, хотя имеют место различные виды семантического варьирования:

- *степень детализации описания* – иноязычные высказывания часто бывают более имплицитными, чем русские. Например: *liquid rockets* (англ.) – не жидкие ракеты, а ракеты на жидком топливе.

- *способ объединения в высказывании* описываемых признаков ситуации – это связано с неодинаковыми возможностями сочетаемости признаков в разных языках. Например: *He climbed into the gig behind the horse* (англ.) – Он сел в коляску позади кучера, т. к. если сказать *позади лошади*, то получится, что лошадь тоже сидела в коляске.

- *изменение направления отношений между признаками* – ситуация может описываться с разных точек зрения. Например: *They had their backs to the sunshine now* (англ.) – Теперь солнце светило им в спину.

4. В четвертом типе эквивалентности – *эквивалентности на уровне синтаксических значений* – к указанным выше чертам общности добавляется еще одна – инвариантность синтаксических структур оригинала и перевода (ср. *I told him what I thought of him* (англ.) – Я сказал ему свое мнение о нем).

При этом полный параллелизм синтаксических структур не всегда достижим и допустимо синонимическое варьирование: *The port may be entered by big ships during the tide* (англ.) – Большие корабли могут входить в порт только во время прилива. Русский страдательный залог менее употребим, чем английский. *A boy entered the room* (англ.) – В комнату вошел мальчик – разница в порядке слов.

5. Наконец, к пятому типу эквивалентности – *эквивалентности на уровне словесных знаков* – относятся те случаи, когда в переводе сохраняются все основные части содержания оригинала. Сюда относятся такие случаи, как: *I saw him at the theatre* (англ.) – Я видел его в театре.

Достижение эквивалентности на уровне семантики слова ограничивается несовпадением значений слов в разных языках. Различия могут касаться несовпадения денотативных значений из-за несовпадения номенклатуры лексических единиц, (ср: *to tinker* (англ.) – неумело чинить, налаживать – нет однословного соответствия в русском языке);

- различия в объеме значений (ср: *meal* (англ.) – завтрак, обед, ужин);

- различия в сочетаемости слов (ср: *to slam the door into one's face* (англ.) – захлопнуть дверь перед носом (а не лицом) в русском языке).

Несовпадение может коснуться коннотативных значений в силу разницы эмоциональных, стилистических, образных и внутриязыковых значений языковых единиц.

Лекция 12. Теория эквивалентности и адекватности А.Д. Швейцера

План лекции:

12.1. Уровневая модель коммуникативно-прагматической эквивалентности А. Д. Швейцера

12.2. Адекватность перевода. Соотношение понятий эквивалентности и адекватности в отношении перевода

12.1. Уровневая модель коммуникативно-прагматической эквивалентности А.Д. Швейцера

Как и В. Н. Комиссаров Александр Давыдович Швейцер, определяют *эквивалентность* как сохранение доминантной функции высказывания. Эквивалентность отдельных слов в текстах оригинала и перевода предполагает максимально возможную близость всех компонентов семантической структуры слов, участвующих в формировании содержания текста: предметно-логического (денотативного и сигнификативного), прагматического, а в некоторых случаях, когда само по себе «устройство» языка начинает играть смысловую роль, и внутриязыкового значения, отражающего соотношенность языковых знаков между собой и с языковым кодом в целом»⁶⁷.

В силу нетождественности языковых систем сопоставляемых языков, специфики составляющих их знаков задача достижения эквивалентности на уровне всех компонентов отдельных знаков практически не достижима. В реальной коммуникации на передний план выступает какой-либо один из аспектов содержания, соотносимый с функциональной доминантой текста, и поиск соответствия направлен на отражение, передачу доминантных элементов содержания.

Несмотря на стремление переводчика к максимально возможной степени сохранения содержания, как с точки зрения смысловой близости, так и с точки зрения близости форм, случаи параллелизма лексического состава при сохранении инвариантой синтаксической и грамматической организации текстов оригинала и перевода наблюдаются довольно редко.

А.Д. Швейцер подходит к построению модели с позиции учета двух взаимосвязанных признаков: 1) характера трансформации, которой подвергается исходное высказывание при переводе, и 2) характера сохраняемого инварианта (свойство оригинала, сохраняющееся в переводе в неизменном виде).

---

⁶⁷ Раздел дается по материалам: Швейцер А. Д. Теория перевода. – М.: «Наука», 1988. С. 84–92.

При построении этой модели за основу были приняты три измерения семиозиса (знакового процесса), различаемые в семиотике, – синтактика (отношение «знак : знак»), семантика (отношение «знак : референт») и прагматика (отношение «знак : человек»).

Рассматривая текст как знак, А.Д. Швейцер выделяет в нем соответственно уровни: синтаксический, семантический (компонентный и ситуационный) и прагматический. Каждому уровню соответствует свой набор инвариантов – неизменяемых на данном уровне перевода свойств текста. В качестве инвариантов исследователь выделяет: цель коммуникации (прагматический инвариант), описываемую в тексте ситуацию (ситуационный инвариант), набор сем – компонентов, при помощи которого описывается данная ситуация (компонентный инвариант) и синтаксическую структуру (синтаксический инвариант).

Анализ переводов и оригиналов показывает, что на каждом из выделяемых уровней переводчик, решая задачу по сохранению максимального количества инвариантов, использует характерные именно для данного уровня переводческие трансформации.

Рассмотрим соотношение уровней и инвариантов, представленное в таблице, и определим тип соответствующих переводческих трансформаций:

Уровень эквивалентности	Характер инварианта			
	Цель коммуникации	Описываемая ситуация	Состав сем (компонентов)	Синтаксическая структура
Прагматический	+	–	–	–
Семантический ситуационный (референциальный)	+	+	–	–
Семантический компонентный	+	+	+	–
Синтаксический	+	+	+	+

«Верхним порогом» переводимости по теории А.Д. Швейцера считается эквивалентность на *синтаксическом уровне* (уровень языковых знаков, по теории В.Н. Комиссарова). Перевод на данном уровне озна-

чает, что удалось передать значение всех вышележащих уровней. На синтаксическом уровне действуют трансформации *субституции* (замена аналогичной конструкцией языка перевода) типа:

The sun disappeared behind a cloud (англ.) – *Солнце скрылось за тучей*; *Результаты были катастрофическими* – *The results were disastrous* (англ.).

Puis l'enfant se détourna, repris dans la poussière des jouets souillés, et se mit à jouer au pied du banc...(фр.) – *Затем ребенок отвернулся, подобрал в пыли свои грязные игрушки и принялся играть у самой скамьи...* (Колетт).

В этом случае переводческая операция может быть описана как замена одних знаков (единиц) другими с сохранением синтаксического инварианта. Синтаксическая эквивалентность высказываний в оригинале и переводе – явление достаточно редкое в силу неизоморфности (неждественности) грамматических систем и синтаксической организации языков. Такие факты, как свободный порядок слов в русском языке и фиксированный в ряде других европейских, отсутствие артикля в русском языке, выражающего среди прочих значение определенности/неопределенности, более разветвленная система времен и отсутствие двучленной корреляции совершенного/несовершенного вида во французском и английском языке часто приводят к необходимости изменений синтаксической организации в тексте на языке перевода. Конечно, существует ряд параллельных синтаксических конструкций, но они не многочисленны.

Данные различия приводят к тому, что синтаксическую эквивалентность удастся сохранить довольно редко и, чаще всего, лишь в пределах предложения.

Уровень *семантической* эквивалентности включает два подуровня: компонентный и ситуационный (референциальный). На *семантическом уровне* фраза на языке перевода является трансформом исходной фразы. Сюда входит широкий спектр трансформаций⁶⁸ (пассивизация, номинализация, замена слова словосочетанием и др.). При компонентной эквивалентности в переводе сохраняется набор сем оригинала при расхождении формально-структурных средств выражения:

Послали за электриком – *An electrician has been sent for* (англ.).

Ваша жена прекрасно готовит – *Your wife is a superb cook* (англ.).

---

⁶⁸ *Переводческие трансформации* – преобразования, с помощью которых можно перейти от единиц оригинала к единицам перевода в тех случаях, когда словарные соответствия отсутствуют или не могут быть использованы по условиям контекста. Несмотря на некоторые различия в терминологии и классификациях, принято выделять трансформации лексические, грамматические и лексико-грамматические.

They are queuing for tickets (англ.) – Они стоят в очереди за билетом.

Ce butor ne comprenait pas que les paysans veulent être menés à la paysanne, et qu'on ne fait pas des hommes de caserne avec des hommes de bois (фр.). – Этот дуралей никак не мог понять одного: мужики хотят, чтобы ими командовали по-мужичьи, и что нельзя приучить к казарме того, кто привык жить в лесу (В. Гюго).

Все эти случаи семантической эквивалентности объединяет наличие одних и тех же сем (семантических компонентов) при расхождении в характере синтаксических структур, используемых для их выражения. Поэтому данный подуровень семантической эквивалентности называется компонентным. На компонентном уровне действуют грамматические трансформации – трансформации структуры предложения, не затрагивающие смысловые планы высказывания (замены части речи, членов предложения, активизация/пассивизация и др.).

Elles ne s'étaient pas dit un mot de tout le trajet, comme si elles avaient été fâchées. Jamais ni à l'école, ni depuis, il n'y avait pas de fâcherie entre elles (фр.). – За всю дорогу они не сказали друг другу ни слова, словно и впрямь поссорились, чего с ними никогда не случалось. Ни разу ни в школе, ни потом они не ссорились (Э. Триоле).

При референциальном подуровне одна и та же предметная ситуация описывается при помощи разных языковых средств. Сочетания разных семантических компонентов как бы приравниваются друг к другу для описания схожих ситуаций. Этот тип эквивалентности основан на свойстве языков, «связанном с использованием различных, хотя и соотносимых друг с другом, семантических признаков порождения семантически эквивалентных высказываний». Данный подуровень предполагает использование кроме грамматических трансформаций целого ряда трансформаций, затрагивающих смысл высказывания – трансформаций лексико-грамматических. Использование лексико-грамматических трансформаций чаще всего приводит к тому, что, во-первых, описание ситуации в текстах оригинала и перевода осуществляется при помощи нетождественных семантических комплексов,

Во-вторых, в результате «межъязыковых операций по перевыражению смысла»⁶⁹, какими являются лексико-грамматические трансформации, в переводе возможны замены трансформами на основе метонимических и метафорических замен, генерализации и конкретизации.

This is a stone's throw (англ.) – Отсюда рукой подать.

---

⁶⁹ Швейцер А. Д. Теория перевода. – М., 1988. С. 118.

The air crash in Illinois killed 84 passengers (англ.) – В результате авиакатастрофы в Иллинойсе погибли 84 пассажира.

He visits me practically every week-end (англ.) – Он ездит ко мне почти каждую неделю.

Elle avait rougi; elle songeait aux inventions abominables de Marguerite et de Clara. Sans doute, Mouret comprit la cause de sa rougeur (фр.). – Дениза покраснела, вспомнив об отвратительных выдумках Клары и Маргариты. Муре, по-видимому, понял причину ее смущения (Э. Золя).

...car souvent les paysannes suivaient les paysans (фр.). – ...нередко бретонские крестьянки сопровождали мужей в походе (В. Гюго).

Если на подуровне компонентной эквивалентности перевод осуществляется в основном путем грамматических трансформаций, то на подуровне референциальной эквивалентности речь идет о более сложных лексико-грамматических трансформациях. Среди этих преобразований выделяются метафорические и метонимические сдвиги, конкретизация, генерализация:

My watch has stopped (англ.) – У меня стоят часы (действие/состояние).

Mouret comprit la cause de sa rougeur (фр.) – Муре, по-видимому, понял причину ее смущения (краснота/смущение – результат/причина).

При невозможности достижения переводческой эквивалентности на синтаксическом и референциальном уровнях, в случаях, когда задача переводчика состоит в том, чтобы передать коммуникативный эффект высказывания, для которого в сопоставляемых языках существуют свои традиционно закрепленные формы, перевод осуществляется на прагматическом уровне переводческой эквивалентности. Перевод на данном уровне не сводится к переводческим трансформациям, а характеризуется полной несопоставимостью лексического состава, невозможностью связать структуру оригинала и перевода отношениями лексико-грамматических и грамматических трансформаций.

На прагматическом уровне переводятся пословицы, поговорки, устойчивые формы описания ситуаций, речевые клише.

Ничего, до свадьбы заживет – As the Russian saying goes, "it will heal in time for the wedding (англ.).

Many happy returns of the day (англ.) – С днем рождения Вас.

Естественно, что такой перевод, ориентированный на передачу функциональной доминанты высказывания, не предполагает передачи элементов информативного типа, на прагматическом уровне эквива-

лентности перевод осуществляется ценой отказа от эквивалентности синтаксической и даже семантической:

On ne voit jamais le coiffeur bien coiffé(фр.). – *Сапожник всегда без сапог* (Э. Базен)

– *Ces paysans ... appelaient les prêtres mariés républicains des sans – calottes devenus sans-culottes*(фр.) – *Сначала на сан плюет, а потом, глядишь, санкюлот* (В. Гюго).

– *La Folle! La Cochonne! Follcoche! Saleté de Folcoche!* (фр.) – *Психичка! Кикимора! Психимора! Поганая Психимора!* – *перекрестил Фред нашу мать* (Э. Базен).

Прагматический уровень занимает высшее место в иерархии уровней эквивалентности. Он охватывает такие факторы, как цель коммуникации, коммуникативный эффект и установка на адресата. Этот уровень обязателен для эквивалентности вообще и наслаивается на все остальные уровни эквивалентности. На прагматическом уровне могут иметь место различные *лексические трансформации*, не сводимые к одной модели (опущения, добавления, полная перестройка фразы).

В иерархии эквивалентности А. Д. Швейцера существует следующая закономерность: *каждый уровень эквивалентности предполагает наличие эквивалентности на всех более высоких уровнях*. Так, эквивалентность на синтаксическом уровне предполагает эквивалентность на семантическом (компонентном и референциальном) и прагматических уровнях. Компонентная эквивалентность предполагает также эквивалентность референциальную и прагматическую. Наконец, референциальная эквивалентность подразумевает и эквивалентность на прагматическом уровне. Обратной зависимости здесь не существует. Компонентная эквивалентность может существовать без синтаксической, референциальная – без компонентной. Наконец, прагматическая эквивалентность может существовать без семантической и, разумеется, без синтаксической.

Выбор уровня, на котором устанавливается эквивалентность, определяется специфической для данной ситуации конфигурацией языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит процесс перевода.

Понятие эквивалентности является понятием нормативным. Эквивалентность обеспечивается путем трансформаций при условии, что они семантически или прагматически мотивированы.

Отступления от иерархии уровней эквивалентности приводят к нарушениям переводческой нормы, получившим название буквального и вольного перевода.

По опыту переводчиков, процесс отбора варианта является постепенным восхождением от низших уровней эквивалентности к высшим.

Сначала переводчик стремится передать все наполнение оригинального текста, включая его синтаксическую структуру. Однако в процессе перевода он постепенно выбирает оптимальный вариант, максимально возможно сохраняя в данной ситуации текстовые инварианты.

Этот процесс представляет собой серию трансформаций, в ходе которых переводчик может отказаться от эквивалентности на более низком уровне во имя эквивалентности на более высоком.

12.2. Адекватность перевода. Соотношение понятий эквивалентности и адекватности в отношении перевода

Термины «эквивалентность» и «адекватность» издавна используются в переводоведческой литературе. Порой в них вкладывается разное содержание (В.Н. Комиссаров), а иногда они рассматриваются как синонимы (Р. Левицкий, Дж. Кэтфорд).

В.Н. Комиссаров считает *адекватный перевод* – синонимом «хорошего» перевода, т. е. перевода, который обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях. Под *эквивалентностью* же понимается смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи.

По мнению А.Д. Швейцера, обе категории (эквивалентность и адекватность) носят оценочно-нормативный характер, но различаются в принципах подхода к переводу. Но если *эквивалентность* ориентирована на результаты перевода, на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определенным параметрам оригинала, *адекватность* связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с его детерминантами и фильтрами, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации. Иными словами, если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям.

Отличия понятий *эквивалентности* и *адекватности*:

1. Эквивалентность ориентирована на результат перевода, адекватность связана с условиями протекания межъязыкового коммуникативного акта, с выбором стратегии перевода, отвечающей коммуникативной ситуации (процесс).

Понятие эквивалентности, таким образом, связано с понятием инварианта. Эквивалентность подразумевает такое отношение между текстом оригинала и текстом перевода (или их сегментами), при котором сохраняется определенный инвариант. Наиболее общим инвариантным признаком является совпадение *коммуникативного эффекта*, произво-

димого текстом в первичном и вторичном коммуникативных актах (в оригинале и переводе).

Когда отношение эквивалентности распространяется на семантический и прагматический уровни, можно говорить о наличии *полной эквивалентности* между текстами оригинала и перевода. Когда отношение эквивалентности охватывает лишь один из семиотических уровней – прагматический – эквивалентность текстов *частичная*.

Адекватность опирается на реальную практику перевода, которая часто носит компромиссный характер, допускает значительные отступления от оригинала в пользу сложившихся во вторичной коммуникации особых условий (характера и ожиданий рецептора, его культурных и др. отличий). В процессе вторичной коммуникации нередко изменяется и сама цель коммуникации, что неизбежно влечет за собой известные отступления от полной эквивалентности исходного и конечного текстов. Это находит свое проявление, в частности, в переводе названий художественных произведений (романов, пьес, фильмов и др.), где традиционно допускается вольный перевод с учетом специфики новой культурной среды. Переведенное для американского зрителя название фильма «Двенадцать стульев» как «Diamonds to Sit On (англ.)» (пример В.Н. Комиссарова) отражает особенность американского кинозрителя – ожидание завораживающей интриги в названии произведения.

2. Полная эквивалентность подразумевает исчерпывающую передачу исходного текста. Эквивалентность, таким образом, – *максимальное* требование, предъявляемое к переводу. Адекватность опирается на реальную практику перевода, которая часто не допускает исчерпывающей передачи всего содержания оригинала. Требование адекватности носит *оптимальный* характер.

Так пример, приведенный В.Н. Комиссаровым, иллюстрирует конфликт ситуаций (первичной и вторичной), послуживший причиной выбора стратегии, нарушающей эквивалентность, но обеспечивающей адекватность перевода в целом. При обучении девушки, привыкшей говорить на диалекте лондонских низов и нарушающей общепринятое произношение, учитель из пьесы Б. Шоу «Пигмалион» выбирает скороговорку, направленную на отработку дефектного звука: «*The rains in Spain Fall mainly in the plains (англ.)*». Во вторичной коммуникации копирование означенной особенности произношения ничего не дало бы рецептору, не знакомому с особенностями лондонского диалекта. Переводчик идет на нарушение эквивалентности, заменяя скороговорку на привычную русскому слуху «*Карл у Клары украл кораллы*».

3. Эквивалентность связана с воспроизведением коммуникативного эффекта *исходного текста*. Адекватность ориентирована на соответ-

ствие перевода *факторам вторичной коммуникативной ситуации* (установка на другого адресата, на другую культуру, на иную норму перевода и литературную традицию, специфическая коммуникативная цель перевода и др.).

Перевод, полностью эквивалентный оригиналу, не всегда отвечает требованиям адекватности. И наоборот, выполненный адекватно перевод не всегда строится на отношении полной эквивалентности между исходным и конечным текстами. Возможные соотношения:

- перевод эквивалентный и адекватный – идеальное соотношение;
- перевод эквивалентный, но не адекватный. Так, эквивалентный перевод В. Шекспира, выполненный в XIX веке, с позиций читателя XXI века может показаться непонятным и неудобным для восприятия, т. к. значительным изменениям подвергся и сам язык, и театральные стили принимающей русской культуры. Как правило, лучшие произведения классиков подвергаются переводу неоднократно в погоне за адекватным воздействием на рецептора.

- перевод адекватный, но не эквивалентный. Примерами, иллюстрирующими данное соотношение могут служить образцы адаптивного транскодирования, когда во вторичной коммуникативной ситуации меняется цель коммуникации. Сюда можно отнести переложения классических произведений для взрослых для детской аудитории, аннотации, рефераты, дигесты и т. д.

Приведенная ниже таблица А.Д. Швейцера иллюстрирует соотношение характеристик рассматриваемых категорий эквивалентности и адекватности:

<i>Категории</i>	<i>Характер категорий</i>	<i>Объект категорий</i>	<i>Содержание</i>
Эквивалентность	Нормативно-оценочный	Перевод как результат	Соотношение текстов
Адекватность	Нормативно-оценочный	Перевод как процесс	Соответствие коммуникативной ситуации

Вопросы для самоконтроля к разделу IV

1. В чем состоит знаковая природа языка и каково ее влияние на процесс перевода?

2. Какое из измерений знака (семантика, синтактика, прагматика) наиболее сложно поддается переводу? Обоснуйте.

3. Теория перевода использует подход к тексту, выработанный в рамках коммуникативной лингвистики. В чем его суть и чем он привлекает переводоведов?
4. Назовите разновидности имплицитной текстовой информации. В чем сложность передачи имплицитной информации в переводе?
5. Дайте определение инварианту перевода. Поясните его.
6. Опишите иерархию уровней эквивалентности по В.Н. Комиссарову.
7. Какие теоретические основания положены в основу построения уровневой модели эквивалентности А.Д. Швейцера?
8. Что общего и в чем разнятся концепции переводческой эквивалентности А.Д. Швейцера и В.Н. Комиссарова?
9. Дайте определение переводческих трансформаций. Каким образом увязываются уровни эквивалентности и характер трансформации в концепции А.Д. Швейцера?
10. Почему концепции переводческой эквивалентности А.Д. Швейцера и В.Н. Комиссарова принято называть иерархическими?

РАЗДЕЛ V. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА, И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Тема 7. Переводческие приемы передачи культурно-бытовых реалий

Лекция 13. Безэквивалентная лексика и способы передачи иноязычных реалий

План лекции:

13.1. Безэквивалентная лексика – как проблема перевода

13.2. Транскрипция и транслитерация как способы передачи реалий

13.1. Безэквивалентная лексика – как проблема перевода

Процесс перевода определяется композицией факторов, по-своему складывающихся в каждом конкретном коммуникативном акте. В зависимости от своей природы, факторы могут быть закономерными либо случайными, иметь объективную либо субъективную сущность.

Факторы, влияющие на перевод, исходят из различных компонентов коммуникативного акта:

- из своеобразия участников коммуникации;
- из специфики использованных при коммуникации языковых средств;
- из особенностей объективной реальности.

Из различных соотношений между факторами складываются особенности перевода, определяется уровень эквивалентности перевода отдельных текстовых фрагментов и текста в целом. Познание факторов ведет к выявлению закономерностей процесса перевода, и закономерностей выбора переводческих трансформаций.

Факторы, обусловленные объективной действительностью, не многочисленны, т. к. подлежащая отражению внеязыковая реальность в целом одинакова для всех людей независимо от языка, которым они владеют. Трудности в поиске соответствий могут возникнуть в результате того, что представления о *предметной ситуации* автора и получателя информации на языке перевода не всегда тождественны.

Различия в культурных традициях, в условиях жизни и быта народов приводят к появлению в языке лексики, специфичной для конкретного языка, и не имеющей аналогов в языках, отражающих другие культуры. В результате, в переводе мы сталкиваемся с лексикой, называющей специфичные культурные элементы – *реалии*.

Реалии – слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому.

Предположительно групп реалий столько, сколько сфер человеческой деятельности. По области применения различают реалии *географические, этнографические, общественно-политические, исторические*.

Географические реалии – связаны с физической географией и ее разделами:

Edinburgh, Columbia (англ.)

Тайга, тундра (рус.)

Этнографические реалии – понятия, которые принадлежат науке, изучающей быт, культуру народов, формы материальной культуры, обычаи, религию, духовную культуру:

лапти, дача, пельмени, хоровод, субботник (рус.)

kleptocacy (англ.) – воровская элита

skateboarding (англ.) – катание на роликовой доске

whisky, polo coat (англ.) – пальто спорт покроя

doubl-decker (англ.) – двухэтажный автобус (англ.)

Bouyabaisse, TGV (фр.) – провансальский рыбный суп

Fachwerkhau (нем.) – средневековая постройка, с видимыми балками («клетчатая постройка»)

Общественно-политические реалии, отражающие особенности общественной жизни, политики, государственного устройства:

Губерния, большевики (рус.)

Deescalation (англ.) – деэскалация

Hercules missile (англ.) – ракета «Геркулес»

Land-based missile (англ.) – ракета наземного базирования

Rapid Deployment Force (англ.) – силы быстрого развертывания

Реалии относятся к разряду так называемой *безэквивалентной лексики*, поскольку они не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Понятие *реалии* однако шире, чем понятие *безэквивалентная лексика*, поскольку оно употребляется безотносительно к переводу. Мы говорим, что *тайга, степь* – реалии русской природы, *субботник, стенная газета, ударный труд* – реалии российской жизни советского периода, а *пельмени, щи* – реалии русской кухни и т. д.

В понятие безэквивалентная лексика включается аспект восприятия лексических единиц, отражающих реалии с позиций языка перевода. В языке перевода возникает явление, как бы зеркальное явлению реалий в языке оригинала – *лакуна*. Лакуна – это отсутствие в языке перевода

единицы – эквивалента для отражения определенной реалии исходного языка.

Не всегда можно провести четкую разграничительную черту между безэквивалентной лексикой и единицами, которые имеют в словаре другого языка постоянные соответствия. В современном мире в силу стремительно ускоряющегося информационного обмена, а также все более тесного контакта между языками и культурами все большее количество лакун получает устойчивое заполнение. Переводчику не приходится искать решения при передаче все большего количества реалий, имен собственных и географических названий. При многократном употреблении иноязычные реалии получают сначала *окказиональный* (разовый, характерный для одного словоупотребления) эквивалент, который переходит в *узуальный*, т. е. *устойчивый* (Ср: Лондон, Moscow, «Дейли Телеграф», Кембридж и т. д.).

В целом можно сказать, что к разряду безэквивалентной лексики на сегодняшнем этапе относятся имена собственные и названия, либо вновь появившиеся (названия новых корпораций, средств массовой коммуникации и т. д.), либо малоизвестные в силу удаленности культур для носителей другого языка, как, например, реалии китайской культуры, проникающие в российскую жизнь (*фен-шуй*).

Отсутствие готовых эквивалентов вынуждает переводчика создавать соответствия, заниматься словотворчеством при передаче реалий. Процесс передачи реалий подчиняется сложившимся в практике перевода традициям и требованиям. Существует ряд способов передачи реалий: транскрипция, транслитерация, калькирование, создание семантического неологизма, замена реалии реалией, приблизительный перевод. В теории перевода принято относить данные приемы к лексическим трансформациям.

13.2. Транскрипция и транслитерация как способы передачи реалий

Процесс передачи реалий подчиняется сложившимся в практике перевода традициям и требованиям. Существует ряд способов передачи реалий:

- транскрипция;
- транслитерация;
- калькирование;
- создание семантического неологизма;
- замена реалии реалией;
- приблизительный перевод.

Транскрипция и транслитерация – это способы передачи лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. При *транскрипции* воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при *транслитерации* его графическая форма – буквенный состав (Ср: *Public school* (англ.) – Паблик скул; *cheeseburger* (англ.) – чизбургер; *skateboarding* (англ.) – скейтбординг; самовар – *samovar*, спутник – *sputnik*, большевик – *bolshevik*).

Транслитерация. Суть приема транслитерации в том, что заимствуется иностранное слово или термин, который на письме изображается буквами переводящего языка, а в устной речи произносится согласно произносительным правилам языка перевода. Нередко переводческие соответствия, созданные переводчиками по такому методу, продолжают существование в ПЯ или в одной из его терминологических систем.

В современной практике перевода примеры *транслитерации* чаще всего встречаются при передаче имен собственных. Так, фамилия *Holcomb*, по-английски произносимая как [*'hɒlkəm*], трансформируется переводчиком в похожее *Холкомб*. Фамилия *Burrit*, по-английски звучащая как [*'bʌ:rit*], по-русски произносится как Буррит. Американский штат *Missouri* [*mi'zuəri*] произносится как *Миссouri* и т. д.

В чистом виде транслитерация встречается сравнительно редко и, как правило, связана с давно установившимися формами именовании:

Chicago – Чикаго (а не Шикаго)

Kentucky – Кентукки (а не Кентаки)

Texas – Техас (а не Тексас).

Транскрипция основана на фонетическом принципе, т. е. на передаче русскими буквами звуков иноязычного наименования. Транскрипция гораздо точнее передает звучание слова. Способ транскрипции более распространен в настоящее время, т. к. он исходит не из особенностей иноязычной орфографии, зачастую архаичной (как, например, в английском языке), а из подлинного звучания иностранного слова.

Набор правил переводческой транскрипции с английского языка на русский разработан достаточно полно, и профессиональные переводчики обычно пользуются ими. Правила переводческой транскрипции англоязычных имен отражены в целом ряде публикаций, в том числе словарей.

Более сложно обстоит дело с правилами переводческой транскрипции при переводе с русского языка на английский.

Для передачи русских звуков [*ж*], [*х*], [*ы*] сравнительно устойчиво применяются соответствия *zh*, *kh* и *y*. Например, в словосочетании *Железнодорожный Проект*, звук [*ж*] передается с помощью [*zh*] и пишется *Zheleznogorsk Project*. Аббревиатура российской компании

«СТХМ» (расшифровывается как *Спецтеплохиммонтаж*), в котором присутствует звук [x], передается с помощью транскрипции и выглядит как *STKhM*.

Для передачи йотированных гласных правило действует весьма условно. Так, русское имя Юрий обычно передается как *Yury*. В других источниках встречаются *Yuriy* и даже *Yru* (начальная позиция буквы *U* позволяет не применять дополнительного обозначения для йота, поскольку английский аналог содержится в самом названии этой буквы и согласно правилам чтения произносится в этом типе слога: ср. английское имя *Uriah*, которое произносится по-русски как *Юрайа*). Избыточное использование букв *Y* или *J* для передачи йотированных гласных очень часто создает утяжеленный облик русского имени в английском тексте (ср. *Yevgheniyy*), в то время как во многих случаях такое скрупулезное воссоздание фонетических особенностей может быть упрощено (например, формы этого же имени *Eugeny* или *Evgeny* вполне адекватно передают его русский облик и в то же время отражают его общий латинский вариант *Eugenius*). В основном переводчики руководствуются в процессе перевода русских имен на английский язык правилами здравого смысла и личными предпочтениями. В этой области безусловно необходимы дополнительные исследования, рекомендации, справочники и словари⁷⁰.

Приведем иллюстрации транскрипции некоторых сложных российских фамилий:

Белослудцева – Belosliudtseva

Ерохин – Yerokhin

Жуков – Zhukov

Царьков – Tsarkov

Цыба – Tsyba

*Шевчук – Shevchuk и т. д.*⁷¹

Помимо имен собственных в группу единиц, переводимых посредством переводческой транскрипции, входят также географические названия, наименования банков, компаний, периодических изданий и т. д. Большая часть таких имен сравнительно легко поддается переводческой транскрипции или, реже, транслитерации. Например: *Washington Group (WGI) – Вашингтон Групп Интернешнл (американская компания)*. Отметим, что сокращение *WGI* российской стороной значительно чаще передается как *Вэ Гэ И* вместо *Дабл-ю Джи Ай*. *Ratheon – Ратеон (амери-*

⁷⁰ Казакова Т. А. Практические основы перевода. – С.Петербург: «Издательство Союз», 2001. – с. 64

⁷¹ Велединская С.Б., Шевчук А.В. Курс теории перевода. –Томск, Изд-во ТПУ. С. 77

канские компании). В данном случае английский звук [θ] передается русским [m]. *Citibank* – *Ситибанк* (американский банк).

При транскрипции географических названий нередко происходит сдвиг ударения, обусловленный фонетическими предпочтениями переводящего языка. В качестве примера рассмотрим названия штатов США:

Illinois (ударение на первом слоге)

Иллин'ойс (ударение на последнем слоге)

Michigan (ударение на первом слоге)

Мичиган (ударение на последнем слоге).

Практикующие переводчики отмечают и некоторые нетрадиционные факты употребления транскрипции. Например в компаниях, долго работающих на российском рынке, где характер обслуживаемых переводом реалий хорошо знаком специалистам и не нуждается в пояснениях, складывается особый язык перевода, основанный преимущественно на транскрипции: ТЭЦ (тепловая электроцентраль) произносится на русский манер *TETs* вместо имеющегося английского аналога *power plant*, слово мазут в речи американских специалистов звучит как [mә'zu:t] вместо *fuel oil*, протокол (документ, фиксирующий ход совещания) произносится ['proutokol] вместо английского слова *minutes*, российская реалья – организация «Ростехнадзор» (федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору) вместо *Russian Federal Service for Ecological, Technical and Atomic Supervision* передается как «*Rostekhnadzor*» (примеры переводчика А.В. Шевчука).

При переносе реалии (заполнении лакуны) в ПЯ путем транскрипции или транслитерации сложно говорить собственно о переводе, т.к. переводчик фокусирует свое внимание только на форме единицы, не касаясь ее внутренней формы, смыслового содержания. Так, названия зарубежных фирм никогда не переводятся, а передаются способом транскрипции или транслитерации, даже если в состав словосочетания входят общеупотребительные слова (*The Alliance Machine* (англ.) – компания «Элайенс мэшин»).

Никогда не переводятся названия органов периодической печати (газет, журналов). В ссылках/сносках, в списках использованной литературы сохраняется латинское написание. В тексте перевода название транскрибируется, причем, как правило, добавляется слово, определяющее вид издания (*The Times*(англ.) – газета «Таймс»; *Iron and Steel Engineer* (англ.) – ежемесячник «Айрен энд стил энжинир»).

Иногда в названии иностранных компаний встречаются сокращенные элементы *Itд., Inc.*, соответственно означающие «акционерное общество с ограниченной ответственностью» и «зарегистрированный в качестве юридического лица». Они, как правило, не переводятся, а пе-

редаются с помощью транскрипции (*Hitachi Metals, Ltd* – фирма «Хита-чи металл лимитид»; *Science Application Inc.* – фирма «Сайенс эпликейшн инкорпорейтид»).

Наконец, особый тип языковых единиц, обычно подвергающихся транскрипции, – это термины. Источником транскрипций, как правило, служат греческие, латинские или английские единицы, в зависимости от того, какие корни лежат в основе исходного термина: *cable* – кабель (может иметь также более традиционное соответствие *шнур, провод*), *diameter* – диаметр, *inspection* – инспекция, *process* – процесс и т. д.

Некоторые английские технические термины были в свое время введены в различные языки способом транскрипции, например, *computer, display, file, modem, overlay, printer, scanner, transputer, microprocessor, hacker, interface* (англ.).

В условиях масштабной межкультурной коммуникации весьма значительную группу составляют реалии – наименования национально-культурных объектов, характерных для исходной культуры и мало известных переводящей культуре. Наиболее распространенным способом их передачи на другом языке является также переводческая транскрипция или стандартная транслитерация.

Как правило, такие реалии (в терминах В.В. Кабакчи *идионимы* и *ксенонимы*) проходят более или менее последовательный путь от максимальной «иностранности» – непривычности звучания и неосвоенности значения до полной ассимиляции, признаком чего служит включение такой единицы в базовый словарь языка.

Приведем примеры терминов, используемых в скейтбординге, стремительно развивающемся в России виде спорта:

Skateboard (англ.) – скейтборд, роликовая доска для катания

grip tape (англ.) – грип тейп, наждачная бумага («шкурка»), наклеиваемая на верхнюю панель скейтборда для лучшего сцепления ног спортсмена

kickflip (англ.) – кик-флип – трюк в скейтбординге, при котором скейтборд вращается на 360 градусов по своей оси

grind (англ.) – грайнд, скольжение на подвесках по перилам на скейтборде

slide (англ.) – слайд, скольжение на самой доске по перилам на скейтборде и т. д.

В английской общественно-политической литературе можно встретить такие транслитерации русских реалий, как: *agitprop, sovkhos, technicum* (англ.).

Рекомендуемые правила переводческой транскрипции:

1. Придерживаться какой-либо одной системы международной транскрипции или межалфавитного соответствия. Правила переводческой транскрипции отражаются в большинстве двуязычных словарей.

2. Перед применением транскрипции провести предварительный культурологический и терминологический анализ для выявления возможных традиционно принятых форм передачи данной реалии (термина), уже утвердившихся в мировой практике перевода. Введение в обиход параллельных терминов-транслитераций равнозначно созданию профессиональных жаргонизмов, выходящих за пределы литературной нормы. Это вносит ненужные помехи в процесс межкультурной коммуникации.

3. Транскрипция/транслитерация может применяться как компонент смешанного перевода, параллельно с калькированием, семантическим переводом или комментарием.

Современные тенденции в применении транскрипции и транслитерации.

Предпочтения в использовании приемов транслитерации и транскрипции менялись в разные временные эпохи. Так, вплоть до XX века преимущество отдавалось транслитерации. Причиной может служить преимущественно письменное существование переводческой практики в указанный период. Форма слова, постоянно встречаемая в тексте, несла читателю больше информации, нежели его звуковая форма. Именно по законам транслитерации имя знаменитого ученого *Isaac Newton*, транслитерировалось как *Исаак Невтон*. Позднее фамилия подверглась транскрипции, а имя осталось в прежней традиции. Для примера сравним способ передачи того же имени *Isaac* применительно к современному ученому: *Isaac Azimov* – *Айзек Азимов*.

В современных средствах условиях, когда английский язык уверенно вышел на позиции международного средства общения, именно звуковой образ английского является более узнаваемым рецептором. В средствах массовой информации в качестве основного способа передачи английского слова на русский язык окончательно утвердилась транскрипция.

Иначе обстоит дело с менее распространенными языками, например с французским. С экрана телевизора мы слышим о кофе Жардин (*Jardin*, читается как *Жарден*), о товарах косметической фирмы Гарньер (*Garnier*). По правилам чтения во французском языке не читается последняя согласная, и стоило бы произносить название как *Гарнье*, однако, по-видимому, рекламодатель боится, что, запомнив звуковой образ,

в силу его отличия от буквенного, покупатель не соотнесет его с именем на этикетке.

Ряд ставших для нас привычными названий существует в русском языке как в форме транскрипции, так и в транслитерированном виде: *Мицубиси* – *Мицубиши*.

В заключение необходимо отметить, что при транскрипции и транслитерации не происходит раскрытия смыслового плана иноязычной реалии. Оба указанных способа направлены на сохранение формального образа слова (звукового, либо графического) и не несут информации о сути внеязыкового явления. В силу указанных причин в случае применения транскрипции и транслитерации может идти речь лишь о передаче имени реалии, но не собственно о переводе.

Лекция 14. Приемы перевода безэквивалентной лексики

План лекции:

- 14.1. Калькирование – как прием перевода
- 14.2. Описательные приемы перевода безэквивалентной лексики
- 14.3. Смешанные приемы перевода реалий в переводческой практике

14.1. Калькирование – как прием перевода

Калькирование – прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода. Калькирование – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания. Примеры калек:

Lawnmower (англ.) – газонокосилка

Mismatch (англ.) – рассогласование

data processing (англ.) – обработка данных

real time – реальное время

trial and error method (англ.) – метод проб и ошибок

Big Bang (англ.) – большой взрыв

Self-loading (англ.) – самозагрузка

journal mural (фр.) – стенная газета

Stossarbeit (нем.) – ударный труд

Kollektivwirtschaft (нем.) – колхоз.

Сопоставление языков показывает многочисленные примеры межъязыковой корреляции морфем, чаще всего по функциональному признаку: например, русские суффиксы *-ель*, *-чик/щик/ник*, *-ец* и т. п. коррелируют с английскими суффиксами *-er/or*, *-ist*; русские префиксы *не-*, *без-* ассоциируются с английскими приставками *u-*, *in/im-*, *non-* и

т. д. . Благодаря интенсивному межъязыковому взаимодействию многие европейские языки включают общие строевые морфемы, например: *-ист, -изм, -ор, -дис, -ион* и т. д. Многие корневые морфемы также имеют прямое соответствие в русском и английском языках, например:

Contractor (англ.) – *подрядчик*

Welder (англ.) – *сварщик*

Immature (англ.) – *неопытный*

Insecure (англ.) – *небезопасный*

Unparalleled (англ.) – *беспримерный и т. д.*

Большое количество словосочетаний в технической, деловой и финансовой областях представляют собой кальки:

asbestos cord (англ.) – *асбестовый шнур*

machine hall (англ.) – *машинный зал*

office head (англ.) – *глава офиса*

radiation monitoring (англ.) – *контроль радиоактивности*

water pump (англ.) – *водяной насос.*

В отличие от транскрипции, калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык. Зачастую приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь это касается изменения падежных форм, количества слов в словосочетании, аффиксов, порядка слов, морфологического или синтаксического статуса слов и т. п.

Например, при калькировании словосочетания *contract draft* (англ.), которое переводится как *проект контракта*, произошла перестановка его компонентов, а также морфологическая трансформация слова *контракт*, у которого появилось окончание *-а*.

Некоторые аффиксы в английском языке соответствуют самостоятельному признаку, выражаемому прилагательным в русском языке, что также включает необходимые трансформации в процессе калькирования, например:

Disassemble (англ.) – *демонтировать*

malfunction of equipment (англ.) – *неисправная работа оборудования*

misunderstanding of roles and responsibilities (англ.) – *неправильное понимание своей роли и степени ответственности*

non-delivered materials (англ.) – *не поставленные материалы*

pre-heater (англ.) – *подогреватель.*

Калькирование – самый распространенный прием перевода реалий производственной деятельности. По наблюдениям практикующего переводчика А.В. Шевчука, много лет проработавшего в компании Вашингтон Групп, в том числе на реконструкции ТЭЦ в г. Северске неда-

леко от Томска калькированию обычно подвергаются широко употребляемые словосочетания и слова, служащие для:

- обозначения основных объектов строительства (производства):
Municipal and Industrial Heat Exchanger (англ.) – Промышленная и Городская Бойлерная
North Heat Line (англ.) – Северная тепломагистраль
Water Treatment System (англ.) – система водоподготовки

• названия основных рабочих документов. При этом американские специалисты проявляют высокую степень адаптивности, не употребляя принятую в США терминологию, а калькируя русские выражения:

Акт приемки законченного строительством объекта – Completed Facility Acceptance Act (англ.)

План Организации Строительства (ПОС) – Construction Organization Plan (англ.)

План производства работ (ППР) – Work Execution Plan (хотя более часто используется транскрипция PPR) (англ.)

Рабочая инструкция – Operating Procedure (англ.)

Acceptance certificate (англ.) – Акт Приемки

• названия министерств, ведомств, институтов, статуса городов, промышленных предприятий:

American National Standards Institute(англ.) – Американский национальный институт стандартов

Закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО. В нашем случае это город Северск) – Closed Administrative Territorial Formation

Сибирский химический комбинат (СХК) – Siberian Chemical Combine (SCC)

Уральский турбинный завод (УТЗ) – Urals Turbine Plant

Федеральное Государственное Унитарное предприятие (ФГУП) – Federal Governmental Unitary Enterprise

• названия структурных подразделений предприятий и организаций:
Производственно-технический отдел (ПТО) – Production and Technical Department (англ.)

Отдел переводов – Translation Department (англ.)

Отдел качества – Quality Department (англ.)

• названия должностей:

Главный инженер – Chief Engineer (англ.)

Инженер по технике безопасности – Safety Engineer (англ.)

Менеджер по строительству – Construction Manager (англ.)

Shift supervisor (англ.) – начальник смены

- строительные нормы и требования:

Строительные нормы и правила (СНП) – Construction Norms and Specifications (англ.)

Permissible Exposure Limit (PEL) (англ.) – допустимый уровень воздействия (вредных производственных факторов)

Recommended Weight Limit (RWL) (англ.) – рекомендуемый предельный вес.

В некоторых случаях, например, в отношении названия строительных и научных проектов, а также терминов могут действовать несколько параллельных соответствий, например: две разные кальки или калька и транскрипция. Однако в практике организации серьезных международных проектов – создание согласованного и обязательного для применения сторонами терминологического глоссария. Употребление переводчиками терминов, не зафиксированных в глоссарии, не приветствуется, поскольку производит впечатление непрофессионализма. Тем не менее, существуют следующие примеры:

Технико-экономическое обоснование (ТЭО) – Justification of Investment или Technical and Economic Substantiation (англ.)

технические условия – technical conditions или technical specification (англ.)

General Contractor, Main Contractor или Integrating Contractor (англ.) – генеральный подрядчик или подрядчик-интегратор

генеральный директор – General Director или Managing Director (англ.)

ведущий инженер – senior engineer или lead engineer (англ.).

Нередко в процессе перевода транскрипция и калькирование используются одновременно: *transnational (англ.) – транснациональный; petrodollar (англ.) – нефтяной доллар; miniskirt (англ.) – мини-юбка.*

Рекомендации по применению калькирования:

1. Калькирование применяется в тех случаях, когда требуется создать в ПЯ единицу с понятной внутренней формой и при этом сохранить элементы формы или функции исходной единицы.

2. Калькирование используется для передачи основных рабочих документов, основных объектов строительства, части географических названий, именовании историко-культурных событий и объектов, названий министерств, ведомств, институтов, статуса городов, промышленных предприятий, структурных подразделений предприятий и организаций, названий должностей, строительных норм и требований, исто-

рических периодов в развитии межгосударственных отношений, экономических потрясений, стихийных бедствий и т. д.

В ряде ситуаций калькирование сопровождается процессами свертывания/развертывания исходной единицы, в зависимости от типологических характеристик языков.

14.2. Описательные приемы перевода безэквивалентной лексики

Как транскрипция и транслитерация, так и калькирование не всегда раскрывают читателю, незнакомому с ИЯ, значение переводимого слова или устойчивого словосочетания. Причины этого в том, что сложные составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, неравное сумме значений их компонентов, а поскольку при калькировании используются эквиваленты именно этих компонентов, значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым (ср. *Backbencher* (англ.) – перевод *заднескамеечник* ничего не говорит русскоязычному рецептору).

Описательный (разъяснительный перевод) – способ передачи безэквивалентной лексики, заключающейся в раскрытии значения исходной единицы с помощью словосочетания. Приведем примеры передачи английских реалий⁷²:

Reader (англ.) – считывающее устройство

Shareware (англ.) – условно-бесплатные программные продукты

user– friendly (англ.) – удобный для пользователя

landslide (англ.) – победа на выборах с большим перевесом голосов

whistle stop speech (англ.) – агитационное выступление кандидата во время остановки поезда

bull (англ.) – участник торгов, играющий на повышении биржевых ценностей

bear (англ.) – участник торгов, играющий на понижении биржевых ценностей

flooger (англ.) – сильный удар, сшибающий с ног, (в переносном смысле) озадачивающий вопрос, трудная задача.

Русские реалии в переводе на английский язык:

борщ – *beetroot and cabbage soup; borschch* (англ.)

щи – *cabbage soup* (англ.)

пожарище – *site of a recent fire, charred ruins* (англ.)

---

⁷²Примеры приводятся по: Коломейцева Е. М., Макеева М. Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. Ун-та, 2004. 92 с.

погорелец – a person who has lost all his possessions in a fire (англ.)

агитпункт – voter education center (англ.)

дружинники – public order volunteers (англ.).

Названия учебных заведений и исследовательских институтов, а также отдельных лабораторий, имеющих самостоятельный статус, как правило, переводятся разъяснительным способом (*Colorado University (англ.) – Университет штата Колорадо; Applied Research Laboratories (англ.) – Лаборатории прикладных исследований*).

Описательным переводом пользуются в комментариях к тексту и сносках.

Несмотря на то, что описательный перевод представляется более совершенным в плане передачи информации, его недостатком является некоторая громоздкость, а также то, что с его помощью нельзя создать эквивалентное понятие на ПЯ в тех случаях, когда нужно выделить соответствующее явление действительности и закрепить его в сознании читателя. Последнее можно сделать путем подбора подходящего слова-термина или устойчивого словосочетания.

Семантический неологизм – создание нового слова или сочетания, придуманного переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии:

Laptop (англ.) – портативный компьютер

Palmtop (англ.) – карманный компьютер

Hardware (англ.) – аппаратное обеспечение

Software (англ.) – программное обеспечение.

Замена реалии реалией (Ср: *baby sitter (англ.) – няня; drugstore (англ.) – аптека; душегрей – vest (англ.)*). Этим способом удается, хотя зачастую и не точно, передать содержание реалии, но колорит подлинника, как правило, теряется. Пример: «...фельдъегерь с усами в аршин» (*Н.В. Гоголь*) – «an army courier with mousataches two feet across»(англ.).

Аналоги реалий нередко используются в английской общественно-политической литературе для обозначения явлений, характерных для российской действительности:

горсовет – municipal council (англ.)

председатель горсовета – mayor (англ.)

техникум – junior college (англ.).

Хотя эти эквиваленты лишь приблизительно передают содержание соответствующих русских слов, все же за отсутствием в английском языке точных эквивалентов, их применение вполне оправдано, поскольку они дают некоторое представление о характере обозначаемого предмета или явления.

Применяя в процессе перевода аналоги реалий, следует иметь в виду, что они лишь приблизительно передают значение исходного слова и в некоторых случаях могут создать не вполне правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления.

14.3. Смешанные приемы перевода реалий в переводческой практике
Несмотря на доминирующую роль транскрипции и калькирования, как приемов передачи реалий, в реальной практике переводчики зачастую прибегают к использованию комбинации различных приемов.

Так, существует правило, согласно которому, если в состав названия входит значимое слово, нередко применяется смешанный перевод, то есть сочетание транскрипции и семантического перевода:

Alaska Peninsula (англ.) – полуостров Аляска

the Pacific Ocean (англ.) – Тихий океан

река Томь – *river Tom* (англ.)

город Северск – *city of Sebersk* (англ.).

Выбор калькирования, транслитерации или смешанного способа часто задается словарем, однако многие случаи, особенно связанные с техническими, деловыми терминами, редкими географическими названиями, требуют самостоятельного решения переводчика.

Отметим, что, во-первых, выбор в пользу точности (буквальности) перевода не всегда бывает самым удачным, поскольку в результате создается слишком неудобная для восприятия языковая единица – это нередко случается при калькировании. Например, при переводе названия структурного подразделения Отдел переводов, вариант *Translation Department* (англ.) намного предпочтительнее, чем *Department of Translations* хотя по поверхностной структуре последний ближе к исходной единице, однако в данном случае, как и в ряде других подобных, следует переводить не столько поверхностную структуру, сколько функциональную.

Во-вторых, смешанные формы нередко становятся более предпочтительными способами перевода, поскольку в результате транскрипций или калек создаются неудобочитаемые и, что гораздо хуже, единицы, не имеющие смысла в переводящем языке, своего рода «псевдослова». Если транскрипции вообще не удастся избежать, то ее, как правило, сочетают с калькированной формой. Например, термин *пылегазовоздухопровод* (сокращенно ПГВП), может передаваться с транскрипции как *PGVP* [*pi: dzi: vi: pi:*], если американский инженер, работающий на Северском Проекте, неоднократно сталкивался с этим термином. Однако в ходе письменного перевода технической документации, устного перевода совещаний, на которых присутствуют специалисты, для которых русский

термин мало что значит, предпочтительнее использовать калькирование. Таким образом, *пылегазовоздухопровод* переводится как *coal dust-flue gas and air duct*. То же самое может относиться к термину *открытое распределительное устройство (ОРУ)*. Допустимая в речи специалистов транскрипция *ОРУ [o'ru:]*, обязательно заменяется в официальных технических документах на кальку *open switchgear* или в крайнем случае с помощью транскрипции с обязательным добавлением калькирования: *ОРУ, that is Open Swicthgear*.

Специфическим осложнением при использовании традиционных методов перевода является необходимость развертывания или свертывания исходной структуры, то есть добавления в нее дополнительных элементов или сокращения исходных элементов: например:

эксплуатационники – producing people (англ.)

пусконаладчик – worker engaged in adjusting and commissioning (англ.).

Английское выражение *undersized safety hat* (термин, применяемый в разделах по технике безопасности, касающихся ношения защитной одежды) калькируется с изменением порядка слов, их морфологии и введением дополнительных элементов. Таким образом, перевод звучит как *защитная каска недостаточного размера*.

Вопросы и задания к теме 7

1. Охарактеризуйте объективные факторы, определяющие процесс перевода.
2. В чем отличие терминов *лакуна* и *реалия*?
3. В чем различие *транскрипции* и *транслитерации* как приемов перевода? Что лежит в основе выбора переводчика?
4. В каких случаях рекомендуется применение приема калькирования? Чем обоснованы рекомендации?
5. Назовите описательные приемы перевода безэквивалентной лексики и назовите ситуации их использования.

Тема 8. Факторы, обусловленные грамматической организацией языков

Лекция 15. Типология грамматических соотношений оригинала и перевода

План лекции:

15.1. Наличие в подлиннике элемента, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода

15.2. Наличие в языке перевода элементов, которым нет соответствия в языке оригинала

15.3. Формальное соответствие грамматических элементов оригинала и перевода при различии выполняемых ими функций. Понятие интерференции в переводе

Грамматика – формальный строй языка, образующий вместе с фонетикой и лексикой целостную языковую структуру.

Воспроизведение грамматической формы подлинника не может быть целью перевода, т. к. его цель – передача мысли. И только в том случае, когда отдельные особенности грамматической формы оригинала играют стилистическую роль, их передача становится задачей перевода. Обычно это не прямое воспроизведение черт, а воссоздание их функций.

Даже для самого точного перевода характерны изменения грамматических форм слова, небольшие перестановки или добавления в пределах словосочетаний и предложений. Такие отступления от грамматической точности вполне нормальны и закономерны, они обусловлены спецификой грамматической организации языков.

Основными элементами грамматики являются морфология и синтаксис и именно здесь существуют главные различия в языковых системах, которые вызывают определенные трудности при переводе.

Морфология – раздел грамматики, изучающий части речи, их категории и формы слов.

Синтаксис – наука о законах соединения слов и строении предложений.

В переводческой литературе приводятся три основных случая грамматического расхождения между языком подлинника и языком перевода, находящие подтверждение, как на уровне морфологической организации языков, так и в синтаксисе:

- наличие в подлиннике элемента, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода;
- наличие в языке перевода элементов, которым нет соответствия в языке оригинала;

- формальное соответствие грамматических элементов оригинала и перевода при различии выполняемых ими функций.

15.1. Наличие в подлиннике элемента, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода

Кроме сугубо грамматических функций, в большинстве случаев безэквивалентные формы играют ту или иную смысловую роль, что требует при переводе некоторой компенсации. В таких случаях одним из простейших способов является использование в переводе иной грамматической формы переводящего языка, близкой по функционально-смысловым свойствам исходной единице. Такой прием является *функциональной заменой*, которая часто употребляется как при переводе с английского языка на русский, так и наоборот.

Примером *функциональной замены* на уровне морфологии может служить, необходимость восполнения функций артикля при переводах на русский язык. Например, особая смысловая роль артикля может быть компенсирована при переводе на русский язык за счет местоимений, либо других лексических элементов, несущих указательные, либо выделительные функции.

*I need **the** employer to be able to solve problems (англ.).*

В данном случае артикль играет не столько грамматическую, сколько смысловую роль, и поэтому подлежат функциональной компенсации при переводе на русский язык. Перевод выглядит следующим образом:

*Мне нужен **такой** сотрудник, который бы мог решать поставленные задачи.*

Отсутствие артикля в русском языке компенсировано при помощи указательного местоимения *такой*. Таким образом, вместо специфической формы исходного языка употребляется аналогичная, но иная форма, способная служить общим заместителем исходной.

Нюансы смысла, выражаемые в аналитических языках определенным и неопределенным артиклем, при переводе на русский язык могут передаваться изменением порядка слов. Если неопределенный артикль маркирует рему, то в переводе существительное помещается в конец предложения. Определенный же артикль, напротив, указывает на тему, существительное ставится в конец предложения:

*An der Ecke erschien **ein** Mann (нем.) – На углу показался мужчина.*

Der Mann stand immer noch an der Ecke (нем.) – Мужчина все еще стоял на углу.

Fr. Une femme sortit de la chambre (фр.) – Из комнаты вышла женщина.

La femme sortit de la chambre (фр.) – Женщина вышла из комнаты.

Прием функциональной замены очень часто употребляется, например, при переводе английского герундия. В русском переводе вместо герундия употребляются или наиболее близкое к нему по морфологическому статусу *отглагольное существительное*, или *инфинитив*, или *деепричастие*.

Рассмотрим пример, взятый из инструкции по перевозке багажа воздушным транспортом:

Request identification before discussing your situation in your carry-on bag – Перед обсуждением вопросов, связанных с содержимым вашей ручной клади, попросите сотрудника предъявить удостоверение (англ.).

Из перевода видно, что герундий *discussing* заменен на отглагольное существительное *обсуждение* в творительном падеже с предлогом.

Еще одна иллюстрация, заимствованная из договора по закупке оборудования:

Funding for this scope of work is provided in the attached Modification No4 (англ.) – Финансирование данного объема работ осуществляется в рамках прилагаемого Дополнительного Соглашения №4.

В русском переводе герундий *funding* заменен на отглагольное существительное *финансирование*.

На уровне синтаксиса элементом, требующим функциональной замены, является, например, сочетание прямого дополнения с инфинитивом:

I expected the travelers to be here by this time (англ.) – Я ждал, что путешественники будут здесь к этому времени.

I want him to come (англ.) – Я хочу, чтобы он пришел.

Je le vois venir (фр.) – Я вижу, как он идет.

Ich sah ihm arbeiten (нем.) – Я видел, как он работал.

Как видно из приведенных примеров, в переводе указанной конструкции с одной предикацией (одна пара главных членов предложения) соответствует сложно-подчиненное предложение с двумя предикациями.

На сложное предложение с подчинительной связью заменяются в переводе на русский язык несвойственные ему бессоюзные определительные придаточные:

The books I have been reading (англ.) – Книги, которые я читаю.

Подлежит функциональной замене сочетание модальных глаголов, например *sembler*, *scheinen*, *to seem* с инфинитивом:

Diese Tätigkeit scheint ihm zu gefallen (нем.) – Эта деятельность, по-видимому, ему нравится.

Fr. Il semble être content (фр.) – Он, кажется, доволен.

15.2. Наличие в языке перевода элементов, которым нет соответствия в языке оригинала

Здесь следует упомянуть наличие категории вида в русском языке, большее (в сравнении с английским языком) разнообразие причастных форм, а также применение уменьшительных суффиксов и суффиксов субъективной оценки. В задачи теории перевода входит установление закономерных соответствий таким единицам языка перевода с целью точности передачи смысла, а также обогащения текста перевода разнообразными конструкциями, свойственными принимающему языку.

Примером расхождения данного типа на уровне морфологии, можно считать применение суффиксов субъективной оценки при переводе на русский язык. То, что выражено в суффиксами, в сопоставляемых языках может быть выражено специальными лексическими добавлениями – прилагательными (иногда наречиями):

- указывающими на размер (klein, gross, ein wenig (нем.); petit, grand, un peu (фр.); little, big (англ.) и т. п.);
- на ласкательное отношение говорящего (lieb, nett (нем.); cher, joli (фр.); dear, pretty (англ.)).

Примером синтаксического явления, не существующего в русском языке, служит требование согласования времен в придаточных предложениях в зависимости от времени главного предложения:

*Он сказал, что **главный инженер** уехал на **совещание** и, когда вернется, он не знает – He said that the **chief engineer** had gone to the **meeting** and he didn't know when the **chief engineer** would be back (англ.).*

*Он сказал, что **болен** (а не был болен) – Il dit qu'il était malade (фр.).*

В английском, французском языке и немецком языках существуют несколько временных форм для передачи настоящего, прошедшего и будущего времени. Например:

Он только что приехал – Он приехал вчера – Он сказал, что приехал вчера.

В 3-х предложениях на русском языке мы видим одну и ту же форму глагола «приехал», а в английских предложениях будут разные формы:

He has just come – He came yesterday – He said that he had come the day before (англ.).

15.3. Формальное соответствие грамматических элементов оригинала и перевода при различии выполняемых ими функций. Понятие интерференции в переводе

Этот случай требует особой внимательности со стороны переводчика. Для правильного разрешения указанной проблемы следует при-

менять в переводе формально отличные от подлинника элементы, но которые могли бы выполнить те же функции в контексте, подобрать элементы, соответствующие оригиналу как по смыслу, так и по стилистической. При переводе временных форм глагола, которые имеют прямое соответствие и в английском и русском языках, следует учитывать, что сами формы могут употребляться в различных функциях, которые, в свою очередь, не совпадают между собой в английском и русском языках.

Например, высказывание *Он будет монтировать оборудование* может быть переведено по-разному, в зависимости от дополнительного временного контекста:

He will install the equipment (англ.) (в данном переводе сообщается сам факт, тогда как время пребывания или иные условия не существенны);

He will be installing the equipment (англ.) (контекст обуславливает точное время);

He is installing the equipment (англ.) (контекст обуславливает намерение или договоренность).

Последнее высказывание не является прямым соответствием русской форме будущего времени, а замещает ее лишь функционально, для обозначения волевого или договорного действия.

Примером может также служить несовпадение функций категории рода и числа у существительных разных языков.

Как известно, род имен существительных в английском определяется не формой слова, а его значением: определенные предметы могут быть мужского и женского рода: a man (he), a woman (she), имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду: a computer (it), water (it).

Английское существительное *money* употребляется в отличие от русского *деньги* преимущественно в единственном числе, однако сохраняет и форму множественного числа *moneys* в значении *денежные средства, денежные суммы*. И, наоборот, английские существительные *goods* – *товар, товары*, *clothes* – *одежда*, *arms* – *оружие*, *proceeds* – *выручка*, *riches* – *богатство, богатства*, *stairs* – *лестница*, употребляются только во множественном числе. Аналогично во французском: *argent* (ед.) – *деньги (мн.)*; *pantalon* (ед.) – *брюки (мн.)*:

Товар был получен вчера. – The goods were received yesterday (англ.).

Во французском языке есть существительные, меняющие значение в зависимости от числа: *la lettre* – *буква, письмо*, *les lettres* – *литература*, *le ciseau* – *резец, долото*; *les ciseaux* – *ножницы* и т. д.:

Elle aime les letters (фр.) – Ей нравится литература.

На уровне синтаксиса о расхождении данного вида свидетельствует, например, соответствие формам русского сослагательного наклонения большого количества форм английского *Subjunctive* (аналогично с французским *Subjonctif*). В русском языке имеется только одна форма сослагательного наклонения, которая выражается сочетанием формы глагола прошедшего времени с частицей бы (сделал бы, подписал бы и т. д.). В английском же языке сослагательное наклонение выражается различными формами в зависимости от того, относится условие к прошедшему, настоящему или будущему времени. Сравним предложения:

Если бы он был сейчас здесь, он бы помог нам – If he were here, he would help us (англ.).

Если бы вы подписали контракт во время наших последних переговоров, мы бы уже поставили вам это оборудование. – If you had signed the contract during our last talks, we should have (already) delivered this equipment to you (англ.).

Если бы Вы уточнили условия оплаты завтра, мы могли бы принять решение относительно заказа – If you specified the terms of payment tomorrow, we should be able to take our decision concerning the order (англ.).

В задачи переводчика входит четкое распознавание грамматических единиц, схожих по форме, но несущих разную смысловую и функциональную нагрузку. Игнорирование различий приводит к нежелательным переводческим явлениям, таким как *интерференция* – стремление перенести в язык перевода структуры, характерные для языка оригинала.

При интерференции под влиянием одного языка оформляется предложение или текст в другом языке с отклонениями от правил языка перевода. Построенное по законам чужого языка высказывание может явно нарушать грамматические правила языка перевода (например, несоблюдение согласования времен при переводе с русского на английский). В таком случае мы говорим о нарушении **нормы** (грамматических правил) языка перевода.

В других случаях переводчик не нарушает грамматических правил, но в силу интерференции переводное предложение смотрится чужеродно, обращает на себя внимание. Примером могут служить предложные сочетания, близкие по форме, но отличающиеся по традиционно используемому предлогу. Так, русское *вскрикнуть от боли* может спровоцировать *to cry out from pain (вместо to cry out with pain)*, и наоборот английское *to answer the question – ответить вопрос (вместо отве-*

тить на вопрос). В данных случаях, говорят о нарушении *узуса* (норм речи) языка перевода.

Интерференцией объясняется «корявость» с позиций русского языка следующей переводной фразы: *Проезжая мимо станции, с меня слетела шляпа*. Копируя структуру ИЯ, переводчик нарушил норму русского языка – обязательное согласование деепричастия с подлежащим главного предложения.

Очень часто интерферируют при переводе неличные формы глаголов: инфинитив, причастие и герундий. Так, при переводе на английский язык предложений типа: *Обвиняемый был рад, что его оправдали* – под влиянием русского языка вторую часть предложения переводят не перфектным инфинитивом, а придаточным предложением без согласования времен, что является отклонением от норм английского языка. Правильный перевод: *The defendant was glad to have been acquitted* (англ.).

Факты интерференции часто наблюдаются при переводе числительных, которые обозначают количество или порядок предметов при счете. Английские числительные обладают целым рядом особенностей, которые необходимо знать. Так, не следует забывать, что тысячи в английском отделяются запятой 10,000, а в русском – точкой 10.000 или интервалом (пробелом) 10 000; десятичные в английском отделяются точкой и могут быть без 0, если нет целых единиц: .5 (point five), а в русском десятичные отделяются запятой 0,5.

В английском языке существуют несколько вариантов написания дат: 20th May, 2000; May 20th, 2000; May 20, 2000.

Следует помнить о том, что маленькая запятая может привести к большим неприятностям: 1,500 – в английском, это 1500 – в русском, а .5 – в английском, это 0,5 – в русском.

Перевод, допускающий случаи интерференции, и, как следствие, нарушающий норму или узус языка перевода, носит название «переводческий язык» и свидетельствует о недостаточной квалификации переводчика.

Лекция 16. Грамматические трансформации

План лекции:

16.1. Дословный перевод

16.2.1. Членение и объединение предложения

16.2.2. Грамматические замены

16.3. Переводческие приемы, сопровождающие грамматические трансформации

16.3.1. Приемы опущения и развертывания на морфологическом и синтаксическом уровнях

16.3.2. Прием перестановки

Грамматические трансформации заключаются в преобразовании структуры предложения в соответствии с нормами языка перевода. В зависимости от того, изменяется ли структура предложения полностью или частично, грамматическая трансформация может быть полной или частичной.

На применение грамматических трансформаций могут оказать влияние следующие факторы: синтаксическая функция предложения, его лексическое наполнение, его смысловая структура, контекст предложения и его экспрессивно-стилистическая функция.

Среди грамматических трансформаций наиболее частыми являются: *дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены.*

16.1. Дословный перевод

Дословный перевод (нулевой перевод, субституция) – переводческая трансформация, при которой синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру на языке перевода. Например:

This company manufactures turbines (англ.) – Эта компания производит турбины.

Ma fille lit très bien en français (фр.) – Моя дочь очень хорошо читает по-французски.

Это пример *полного* (дословного, нулевого) перевода, поскольку каждый элемент представленного высказывания имеет полное сходство в переводящем языке.

Несмотря на простоту, данная трансформация заслуживает внимания как достаточно распространенный способ перевода, от которого начинающие переводчики порой незаслуженно отказываются в стремлении обязательно изменять синтаксическую структуру.

Не стоит путать трансформацию дословного перевода с уже известным нам феноменом буквального перевода, который тоже передает оригинал «слово в слово», но при этом искажает его смысл, либо нарушает нормы языка перевода.

16.2.1. Членение и объединение предложения

Членение предложения – переводческая трансформация, при которой синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры.

Основными причинами применения этого способа перевода является *перегруженность предложения информацией или чрезмерная сложность структуры* переводимого предложения.

В частности, характерное для русского предложения многочисленное перечисление, особенно однородных сказуемых, желательно трансформировать при переводе на английский язык, разбивая. То же самое относится к перечислению, в котором встречаются несколько причастий или отглагольных существительных, которые характерны для русского научного стиля. Рассмотрим следующий пример:

Российский Генеральный Подрядчик несет ответственность за проведение работ по реконструкции объекта, производство строительно-монтажных работ и эксплуатацию, в том числе проектирование, согласование документации, поставку материалов и оборудования, строительство инфраструктуры, монтаж оборудования, испытания систем и компонентов, приемку-сдачу объекта и ввод его в эксплуатацию.

Переводчик (А. В. Шевчук) предлагает следующий вариант:

The Russian Federation Integrating Contractor will be responsible for facility upgrades, construction and start-up. It includes design, permitting, material and equipment procurement, infrastructure development, equipment installation, component testing, turnover and facility start-up (англ.).

Мы видим, что в английском переводе высказывание разделено на две части. Фраза *производство строительно-монтажных работ* заменена на *facility upgrades*, при этом отглагольное существительное *производство* опущено. В результате использования трансформаций перевод приобрел логически выдержанную, лаконичную структуру.

В другом примере, взятом из английской метеосводки, мы можем наблюдать сочетание двух картин природы: спокойного моря и нависающего тумана.

Mist covered a calm sea in the Straits of Dover yesterday (англ.) – Вчера в проливе Па-де-Кале стоял туман. Море было спокойно.

Поскольку речь идет о двух погодных явлениях, логично, что переводчик развернул их в двух отдельных предложениях, обозначил двумя самостоятельными предикациями: *стоял туман* и *море было спокойно*, как бы подчеркивая важность каждого явления в сообщении. На решение переводчика могли повлиять и стилистические факторы. При дословном переводе текст приобрел бы художественный, и даже возвышенный поэтический характер, что недопустимо по жанровым характеристикам метеосводки: *Туман окутывал вчера спокойное море в проливе Па-де-Кале*.

Объединение предложения – обратная операция по сравнению с членением предложения, когда из нескольких простых предложений образуется одно сложное:

That was a long time ago. It seemed like 50 years ago (англ.) – Это было так давно, что казалось, прошло полвека.

Применение этой трансформации может оказаться вынужденным вследствие эллиптичности (недооформленности) одного из переводимых предложений, что недопустимо по нормам русского языка:

The marchers did not intend to go to Parliament. Nor to petition their MP's (англ.) – Участники демонстрации не собирались ни идти к парламенту, ни подавать петицию своим депутатам.

В других случаях переводчик может решить, что целесообразно, объединить предложения по стилистическим соображениям. Для научно-технических текстов на английском языке характерно преобладание простых предложений, что менее свойственно соответствующему русскому стилю, где очень широко используются предложения сложные. В связи с этим в англо-русских технических переводах двум или более простым предложениям оригинала соответствует одно сложное предложение в переводе, например:

This condition, however, changes at certain critical energies of the electrons. At these critical energies the gas atoms do absorb energy (англ.) – Однако это условие нарушается при некоторых критических энергиях электронов, когда атомы газа поглощают энергию.

16.2.2. Грамматические замены

Грамматические замены – переводческая трансформация, при которой грамматические единицы в оригинале преобразуются в другие единицы с иными грамматическими значениями, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм. Замене может подвергаться *грамматическая категория* (например, *род, число*), *часть речи, член предложения, предложение* определенного типа. Рассмотрим несколько примеров применения этого приема.

Замена числа. Обычно в переводе категория числа сохраняется, то есть соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употребляются в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в одном языке соответствует форма множественного числа в другом (ср. *money* – деньги, *outskirts* – окраина, *struggles* – борьба и т. п.). В случае несовпадения категории числа у конкретных языковых единиц изменение числа при переводе осуществляется автоматически.

Но в определенных условиях замена формы числа может применяться как переводческая операция и при наличии соответствующей формы по соображениям стиля или узуса:

We are searching for talent everywhere (англ.) – Мы везде ищем таланты.

They left the room with their heads held high (англ.) – Они покинули комнату с высоко поднятой головой.

Замена форм рода. В большинстве случаев при переводе переводчик руководствуется нормой родного языка, его традициям, согласно которым одни животные, растения, птицы оказываются женского рода (*кошка, собака, сова, береза* и т. д.), а другие – мужского (*слон, соловей, дуб, воробей* и т. д.) и легко меняет один род на другой.

Хорошо известны случаи несовпадения рода приводящие в конечном роде к серьезным перестройкам в переводном тексте. Так, в передаче образа героини русских сказок хитрой лисы, наделенной чертами существа женского рода, заставит задуматься переводчика на французский язык, где существительное *renard* – мужского рода. По той же причине в русских переводах с английского «Сказок дядюшки Римуса» появляется Братец Лис.

Замена части речи. Распространенный вид грамматической замены при переводе. Наиболее частотными считаются замены существительного глаголом и прилагательного существительным. Трансформация по замене частей речи носит название *конверсия*.

Il ne s'était jamais senti ni si nu (голый), ni si seul (одинокий) de sa vie (фр.) – Никогда еще он так остро не ощущал своей наготы и своего одиночества (Ж. Сименон).

Poirot waved an eloquent hand (англ.) – Пуаро картинно помахал рукой (А. Кристи).

Наблюдения показывают, что в английском и во французском языках, как правило, преобладает глагольный способ выражения многих предикативных отношений, тогда как русский язык тяготеет к именному способу. Поэтому при переводе с русского на английский язык самое характерное преобразование – это конверсия отглагольного имени в

глагольную форму – и, наоборот, при переводе с английского языка на русский, глагольные формы часто требуют именного преобразования. В английских учебниках по стилю говорится о нежелательности использования абстрактных существительных в качестве субъекта. При переводе названных высказываний необходимо сменить субъект, заменив отглагольное существительное в позиции подлежащего на конкретное имя или на глагол (именной или отглагольный предикат).

Программа прекращения производства оружейного плутония разработана с целью ускорения работ по прекращению производства оружейного плутония на территории Российской Федерации – The Plutonium Production Elimination Program was initiated to accelerate the elimination of weapons – grade plutonium production in Russia (англ.).

С помощью конверсии, отглагольное существительное *ускорение* заменяется на инфинитив *to accelerate*.

Зачастую, конверсии при переводе с русского языка на английский подвергаются наречия. В исходном тексте они характеризуют не действия, а субъект или объект действия:

*Гари Кнурбейн великолепно руководит проектом – Gary Knurbein is an **excellent** Project Manager (англ.).*

Мы видим, что русское наречие *великолепно* заменено на английское прилагательное *excellent*, а глагол *руководить* – существительным *Manager*.

Английские прилагательные, заменяемые русскими существительными, часто образованы от географических названий:

Australian prosperity was followed by a slump (англ.) – За процветанием Австралии последовал спад.

Нередко также подобная замена применяется в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени:

The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours, began on Monday (англ.). – Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник.

Замена членов предложений. Замена членов предложения приводит к перестройке его синтаксической структуры. Например, замена пассивного залога активным:

He was met by his sister (англ.). – Его встретила сестра.

Если отдельное слово, морфологическая форма или словосочетание обладают устойчивостью и относительной независимостью, то любое предложение обязательно связано и обусловлено установкой автора.

Поэтому с точки зрения перевода, предложение может иметь неопределенное множество интерпретаций.

Данные свойства предложения, доставляющие много трудностей переводчику, проявляются в гибкости практически всех компонентов предложения, которые при переводе могут частично или полностью менять свой грамматический и/или лексико-семантический облик.

Наиболее изменчивым в этом плане является подлежащее. При переводе с английского языка на русский подлежащее может вообще исчезать. Например:

The valve won't open (англ.).

Если перевести это предложение, сохранив при этом его исходную структуру, то перевод звучит следующим образом: *Задвижка не открывается*. В этом случае предложение может иметь иное значение, чем в исходном тексте. Получается, что «эту задвижку вообще (или никогда) не открывают». В исходном же предложении присутствует модальное значение разового действия. Поэтому более удачным является перевод *Невозможно открыть задвижку*.

Напротив, при переводе с русского на английский язык отсутствующее подлежащее, например, во всех видах односоставных предложений, может восстанавливаться, причем не только в виде формального подлежащего, но и вполне значимого:

На собрании обсуждаются пусконаладочные работы – The meeting discusses start-up activities (англ.).

Такое преобразование обстоятельства в подлежащее при переводе с русского языка на английский характерно для контекстов, которые в английском языке подпадают под правило «грамматической персонификации», имеющее ограниченное распространение в русском языке.

Такого рода перестройка происходит и в ряде случаев при замене части речи. В таких случаях мы имеем дело с приемом *осложненной конверсии*. При этом та или иная форма не просто преобразуется, а меняет свои грамматические функции, сохраняя при этом смысловые. В таких случаях морфологическое преобразование влечет за собой синтаксическую перестройку исходного высказывания или текста.

Так, при замене герундия инфинитивом и деепричастием мы имеем дело с серьезной перестройкой структуры предложения. В качестве примера воспользуемся фрагментами инструкции по технике безопасности:

*Refrain from **handling** the ordinance (англ.). – Не трогать* руками боеприпасы (или *Не прикасаться к боеприпасам*).

*Avoid **drinking** from fountain drinks (англ.). – Не пить* воду из открытых фонтанирующих источников.

After completing this course, you will be able to recognize major risks (англ.). – Окончив данный курс, вы сможете распознавать основные риски.

Without considering these risks, you won't be able to come to the right conclusion (англ.). – Не рассмотрев эти виды рисков, вы не сможете принять правильного решения.

Приведем пример использования осложненной конверсии при переводе с английского на русский:

Carl had a close look at the Cost Proposal and noticed that the price for equipment had escalated (англ.). – Карл внимательно посмотрел на ценовое предложение и обратил внимание на увеличение стоимости оборудования.

Мы видим, что существительное *look* заменено на глагол *посмотрел*, а глагол *escalated* заменен на отглагольное существительное *увеличение*.

При переводе с английского языка на русский трудности, как правило, возникают при переводе атрибутивных словосочетаний. Рассмотрим следующее высказывание:

Industrial safety rules should be observed at all times (англ.).

Выделенное атрибутивное словосочетание составляет некоторую сложность для перевода. Очевидно, что прямое русское соответствие «промышленные безопасные правила» здесь неприемлемо. Сделав семантический анализ выделенного словосочетания, мы видим, что слово *industrial* является не только определением к слову *rules*, но и обстоятельством места (поскольку «правила должны соблюдаться на производстве»). Поэтому в данном случае уместно применять функциональную замену: *правила охраны труда на производстве*, изменив синтаксическую функцию одного из компонентов словосочетания.

При переводе многих английских атрибутивных словосочетаний на русский следует учитывать то, что каждый элемент такого сочетания может выполнять синтаксические функции не только обстоятельств, но и дополнений. Например, выражение *financial and quality issues*, формально являясь атрибутивным, на самом деле включает сочетание объектов, находящихся друг с другом в объективных отношениях. Понимание семантических отношений между этими элементами поможет правильно перевести эту фразу. В данном случае перевод звучит как *вопросы финансирования и качества*.

16.3. Переводческие приемы, сопровождающие грамматические трансформации

16.3.1. Приемы опущения и развертывания на морфологическом и синтаксическом уровнях

Грамматические трансформации замены нередко требуют внесения дополнительных слов или, наоборот, опущения каких-либо элементов. Иными словами, переводчик комбинирует грамматические замены (чаще всего с замены части речи) с приемами *опущения* (*сокращения, компрессии, стяжения*) и *развертывания* (*расширения*). Приемы опущения и развертывания характерны при переводе как отдельных текстовых единиц-словоформ, словосочетаний (на морфологическом уровне), так и на уровне предложений.

Прием *расширения* (*развертывания*) заключается в вынужденном увеличении числа компонентов в словосочетании переводящего языка.

Рассмотрим группу словосочетаний, одним из элементов которых является инфинитив с суффиксом *-ize*, довольно продуктивным в американском варианте английского языка. При переводе их на русский язык мы используем расширение:

to prioritize activities – *устанавливать очередность работ*

to televize interviews – *показывать по телевидению интервью*

to sanitize buildings – *улучшать санитарные условия в зданиях.*

Так, при переводе английских фразовых глаголов, в которых особую роль играют грамматические формы, представляющие собой нечто среднее между наречием и предлогом, довольно часто применяется прием *расширения*. Например:

*Construction companies deceived the investor into heated debates about **installation** cost* (англ.). – *Своим обманом строительные компании вовлекли инвестора в жаркие споры о стоимости **монтажных работ**.*

Еще одна иллюстрация:

Garry's friends backed him up and he completed his job on time (англ.). – *Своей поддержкой друзья помогли Гари выполнить работу во время.*

Фразовый глагол *backed him up* переведен с помощью отглагольного существительного поддержкой, распространенным притяжательным местоимением свой.

Не менее частым преобразованием при переводе является прием *развертывание исходной формы*. При этом синтетическая форма преобразуется в аналитическую, где несколько разных грамматических значений оформляются отдельными грамматическими элементами. При этом падежные формы существительных преобразуются в сочетания «предлог + существительное», различные видо-временные значения передаются соответствующими аналитическими формами, сложные слова распадаются на словосочетания и т. п.

Я отправил электронное письмо руководителю – I sent an – e-mail to my boss (англ.).

Он разложил на столе чертежи – He set out drawings on the desk (англ.)

Было решено отключить два ядерных реактора – It was decided to shut down two nuclear reactors (англ.).

На уровне предложения *расширение* заключается в превращении единичного члена предложения в группу или в целое придаточное предложение:

Such was Tolstoy's fame that Yasnaya Polyana became a place of pilgrimage (англ.). – Слава Толстого была настолько велика, что Ясная Поляна превратилась в место паломничества.

Прием, противоположный развертыванию, называется *стяжением*, или *компрессией* грамматической формы. Этот способ достаточно часто используется при переводе как с русского языка, так и с английского. Стяжению обычно подвергаются аналитические формы видо-временных значений глагола, различные фразовые глаголы, аналитические формы причастия и герундия, главные или придаточные предложения сложноподчиненных предложений и т. п. Например:

There are lots of things we have to think about (англ.). – Следует подумать о многом.

В переводе с помощью компрессии главный состав высказывания, выраженный сложноподчиненным предложением *There are lots of things* преобразован в существительное с предлогом *о многом*, а вторая часть высказывания, выраженная придаточным предложением *we have to think about* преобразована в глагольное словосочетание *следует подумать*.

Все рассмотренные приемы практически применимы для обоих языков и зависят от ситуации употребления той или иной формы.

В английском языке синтаксические правила позволяют строить такие атрибутивные словосочетания, в которых определяющий компонент может быть выражен не отдельным словом, а целым словосочетанием. Их перевод возможен также с помощью *компрессии* или *расширения*.

Rock-bottom price (англ.). – низшая цена (компрессия)

state-of-the-art-equipment (англ.) – современное оборудование (компрессия)

incentive program (англ.) – система поощрения сотрудников компании (расширение)

not-to-exceed amount (англ.) – цена, не подлежащая повышению (расширение)

project control expert (англ.) – специалист по финансовому контролю реализации проекта.

16.3.2. Прием перестановки

Очень часто грамматические трансформации замены дополняются таким приемом, как *перестановка* компонентов предложения. Этот прием используется, когда последовательность элементов, при общности значения, определяется разными речевыми традициями и условиями, например в способе выражения отрицания:

They had no money but they had their wits (англ.). – У них не было денег, зато была голова на плечах.

Как правило, перестановка сопровождается различием в принципах актуального членения предложения в исходном и переводящем языках, например, при определении места обстоятельства при глаголе:

He was breathing hard and sweating profusely (англ.). – Он тяжело дышал и сильно вспотел.

Перестановка места обстоятельств в данном примере диктуется различием в способе выражения действий и их признаков в русском и английском языках. Вариант *Он дышал тяжело и потел обильно* в русском языке будет иметь иное коммуникативное значение, отличное от исходного: по существу, это будет означать необычное, чем-то выделяющееся действие (Он дышал (странно) тяжело и потел (необычно) обильно), то есть будет ремой с точки зрения актуального членения предложения, в то время как в исходном предложении речь идет об обычном действии, которое составляет актуальную тему предложения, в котором главным сообщением будет само действие, а не манера его проявления (Он тяжело дышал и сильно вспотел).

Вообще различие в порядке слов и его функциональных особенностях в русском и английском языках заставляет переводчика достаточно часто обращаться к приему перестановки, что связано, прежде всего, с различиями в восприятии актуального членения предложения. Так, в русском предложении коммуникативно значимые компоненты, несущие новую информацию, тяготеют к концу фразы, вплоть до расщепления именного сказуемого (Вернулся он оттуда совершенно иным человеком). В английском предложении рема может выражаться любыми способами, которые не требуют обязательного помещения значимой информации в конце фразы (например, с помощью неопределенного артикля или специфических оборотов).

Другим важным различием, обуславливающим применение при переводе перестановки является свободное место обстоятельств времени в русском предложении в противоположность английскому, где место обстоятельств времени, вне зависимости от актуального членения, тяготеет к рамочному расположению: в начале или в конце (наиболее употребимо) предложения. Употребленное в конце предложения обстоятельст-

во времени автоматически воспринимается носителем русского языка как рема сообщения в отличие от носителей английского языка, для которых место в предложении не обязательно является рематически значимым.

When Christianity came to Russia in 988, the pagan high priests were banished and their idols were destroyed(англ.). – *Когда в 988 году Русь приняла христианство, языческие жрецы были изгнаны, а идолаы повергнуты.*

Необходимость перестановки обстоятельства времени при переводе этого предложения продиктована тем, что рематически значимым в нем является слово «христианство», поскольку содержание главного предложения представляет собой следствие не даты события (988 год), а самого события, то есть принятия христианства, и, следовательно, в русском предложении именно это слово должно занять рематически сильную позицию в предложении, тогда как обозначение даты воспринимается как безусловно тематический компонент).

При переводе синтаксически и лексико-семантически сложных предложений вышеназванные приемы могут дополняться более кардинальным преобразованием структуры исходного предложения: расщеплением или объединением.

Английскому языку присущи более экономичные способы выражения мысли, чем в русском⁷³.

Вопросы и задания к теме 8

1. Какие разделы грамматики языка вы знаете? Какие группы языковых явлений они охватывают?
2. Охарактеризуйте три основных случая грамматического расхождения между языком подлинника и языком перевода?
3. В чем суть и каковы причины переводческой интерференции? Приведите примеры интерференции.
4. На каком уровне переводческой эквивалентности (по А.Д. Швейцеру) имеют место грамматические трансформации. Почему?
5. Назовите основные грамматические трансформации и дополняющие их приемы перевода.

---

⁷³ Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. – М.: УРАО, 1998. С. 43.

Тема 9. Специфика семантической организации языков и перевод

Лекция 17. Факторы, обусловленные спецификой семантической организации языков

План лекции:

17.1. Избирательность языков по отношению к явлениям внеязыкового мира

17.2. Модификация понятийной основы языковых единиц в исторически сложившихся условиях. Ложные эквиваленты

17.3. Сочетание денотативных и коннотативных элементов значения сопоставляемых языковых единиц

17.4. Дискретное и недискретное представление содержания

17.5. Соотношение эксплицитных и имплицитных содержательных элементов сопоставляемых единиц

17.1. Избирательность языков по отношению к явлениям внеязыкового мира

Многовековая переводческая практика показывает, что, несмотря на значительные различия в структуре языков, в их грамматической организации, межъязыковой обмен информацией возможен, перевод существует.

А.Д. Швейцер считает, что принципиальная возможность перевода объясняется тем, что лежащие в основе структуры языков семантические отношения лексических единиц, отражающие существующие в реальной действительности связи явлений и предметов окружающего нас мира, представляют собой своего рода семантические универсалии, базирующиеся на «общности логического строя мысли, общечеловеческого характера логических форм»⁷⁴, которые тем или иным способом выражаются в любом языке.

Рассматривая вопрос о различных способах представления внеязыкового содержания в значениях языковых единиц, А. В. Бондарко среди прочих факторов выделяет в нем такие особенности, как: 1) избирательность по отношению к явлениям внеязыкового мира, отраженную в сознании людей, 2) модификации понятийной основы содержания в исторически сложившихся значениях языковых единиц, 3) сочетание денотативного и коннотативного элементов значения, 4) различие дискретного и недискретного представления мыслительного содержания, 5) сочетание эксплицитных и имплицитных содержательных элементов⁷⁵

⁷⁴ Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М., 1988. С. 101.

⁷⁵ Бондарко А. В. Семантика предела / ВЯ. 1986. № 1.

Первое различие – *избирательность языков по отношению к явлениям внеязыкового мира* – отражается в различных подходах языков к наименованию предметов и явлений окружающего мира. Одним из наиболее ярких проявлений избирательности языков при номинации является различие во внутренней форме сопоставляемых слов.

Внутренняя форма слова – морфо-семантическая структура слова, позволяющая осознать связь звучания и значения. Зачастую идея, заложенная во внутренней форме слова, развивается, разворачивается в целый контекст, вплетенный в предметно-логическую канву произведения. Несовпадение признака, лежащего в основе наименования, становится одним из факторов, приводящих к переводческим трансформациям.

Он носит зеленый пиджак в елочку – *He wears a green herring-bone jacket* (англ.)

Сравним различия во внутренней форме:

Tumbleweed (англ.) (*опрокидывающаяся трава*) – *перекати-поле*

leopard moth (англ.) (*леопардовая бабочка*) – *древесница*

snowdrop (англ. – *капля снега*) – *perce-neige* (фр. – *просверливающий снег*) – *подснежник*.

Различия касаются и особенностей вторичной номинации объектов действительности. Возьмем оппозицию *лыжная мазь* и *ski wax* (англ.). В русском языке в основу номинации положена функция: *мазь* от *мазать*, в английском языке – материал: *wax* – *воск*.

Если внутренняя форма слова не выходит на передний план содержания, не составляет функциональной доминанты высказывания, то потери от ее изменения в переводе минимальны. Передавая предметно-логическое содержание высказывания, переводчик просто прибегает к словарному соответствию, как мы это видели выше в примере с пиджаком «в елочку».

Когда же развитие внутренняя форма слова в контексте составляет ядро высказывания, его функциональную доминанту – потери для конечного текста очевидны:

C'est une histoire de revenants, dit-il. Je n'ai jamais peint de revenants.

Si elle revient encore, tu me laisseras faire son portrait (фр.) – *Да это просто история с привидениями, – говорит он. – Привидений я никогда не рисовал. Если она снова появится, позволь мне написать ее портрет* (Э. Базен).

Весь французский контекст построен на обыгрывании формально связанных слов: глагола *revenir* – *возвращаться* и *revenant* – *привидение*. Таким образом, если для русского сознания *привидение* может *привидится*, то для французов *revenant* – *возвращенец* (с того света). Ограничения, которые накладывает несовпадение внутренней формы, при-

водят к потере в переводе игры слов, цель которой в данном примере – передача сарказма.

Еще одним из проявлений избирательности языков при номинации является различие в *структуре семантических полей* разных языков. Во-первых, в сопоставляемых языках могут не совпадать признаки, положенные в основу формирования семантического поля. Например, в русском семантическом поле **родства** помимо общих с французским и английским признаков (пол, родство по восходящей, нисходящей, боковой линиям) дифференциация осуществляется также по направлениям жены, мужа, замужней дочери и сына:

father– in– law (англ.) – *beau– père* (фр.) – *тесть/свекор*

mother– in– law (англ.) – *belle– mère* (фр.) – *теща/свекровь*

daughter– in– law (англ.) – *belle– fille* (фр.) – *сноха/невестка*.

В переводе распознать разницу родства поможет лишь анализ широкого контекста, либо знание ситуации общения:

My mother– in– law is a domineering person (англ.) – *Моя свекровь – властный человек.*

Ca, dit Bertille, ma mère en ferait une maladie. Et ma belle– mère donc! (фр.) – *Моя мама может от этого заболеть. А уж о свекрови и говорить нечего (Базен).*

Расхождение в структуре семантических полей может проявляться и в несовпадении номенклатуры составляющих поле единиц. В семантическом поле языка перевода может отсутствовать эквивалент какой-либо единице соотносимого семантического поля ИЯ:

Mais les dynasties de roseristes ne possèdent ni titres, ni particules...Notre Ghotia c'est celui des Roses...,notre «Who is Who» des Roses... (фр.) – *А династии садоводов, разводящих розы ... не обладают ни титулами, ни дворянскими званиями. Наш Готский альманах – это «who`s who» роз (Э. Триоле).*

Как мы видим, в русском семантическом поле цветов нет специального названия для специалистов, занимающихся разведением роз. Для перевода лексемы *roseriste* переводчик использует описательный перевод-парафраз – *садовод, разводящий розы*.

Аналогичный случай иллюстрирует следующий пример:

The adoption of the defensive does not necessarily mean weakness or inferiority of our troops (англ.) – *Переход к обороне не обязательно означает слабость наших войск или превосходство противника.*

Первый из элементов антонимической пары *inferiority – superiority*, не имеет эквивалента в русском языке, что приводит к существенной перестройке фразы.

Отсутствие элемента в лексической системе одного из языков не является препятствием для переводимости, поскольку перевод осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне смысла высказывания и смысла текста в целом.

17.2. Модификация понятийной основы языковых единиц в исторически сложившихся условиях. Ложные эквиваленты

Говоря о *модификации понятийной основы содержания в исторически сложившихся значениях языковых единиц*, исследователи перевода упоминают те случаи, когда пришедшее в результате заимствования слово начинает развиваться в новом языке независимо от своего двойника в языке первоисточнике.

Слова, состоящие в словообразовательных отношениях в одном из языков, могут заимствоваться в другой язык по отдельности, либо значения заимствованных слов одного словообразовательного гнезда могут развиваться независимо друг от друга, что приводит к образованию так называемых *ложных эквивалентов*, или «*ложных друзей переводчика*».

Ложный эквивалент – слово, полностью или частично совпадающее по звуковой и графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение. Последнее обстоятельство является причиной частых ошибок и обуславливает необходимость трансформаций.

Приведем примеры ложных эквивалентов:

Contribution (англ.) – пожертвование, взнос (ср. *контрибуция*)

Data (англ.) – базовая точка, данное (ср. *дата*)

Decade (англ.) – десятилетие (ср. *декада*)

instance (англ.) – случай (ср. *инстанция*)

simulation (англ.) – моделирование (ср. *симуляция*)

artiste (фр.) – художник (ср. *артист*)

ignorer (фр.) – не знать (ср. *игнорировать*)

Dramaturg (нем.) – заведующий литературной частью театра (ср. *драматург*)

Akademiker (нем.) – человек с высшим образованием (ср. *академик*).

В следующем примере привлекает внимание переводчика французское слово *licence*, созвучное русскому *лицензия*, но являющееся ложным эквивалентом:

Et voila, nous étions licenciés... Cette licence, aprement poursuivie, je me demandais à quoi elle pourrait bien me servir (фр.) – Ну вот мы и лицензиаты... Окончив с таким трудом университет, я теперь спрашивал себя, так ли уж мне пригодится диплом лицензиата (Э. Базен).

Другой пример: в книге Ф.Л. Аллена «Только вчера» о вытеснении автомобилем других средств транспорта говорится: *The interurban trolley perished, or survived only as a pathetic anachronism*. В Англии *trolley* означало бы *троллейбус*, но в США троллейбусов не было и нет, и *trolley* означает *трамвай*.

17.3. Сочетание денотативных и коннотативных элементов значения сопоставляемых языковых единиц

На процесс перевода влияет также фактор *сочетания денотативных и коннотативных элементов в значениях сопоставляемых языковых единиц*. Слова двух языков при общности предметно-логического (денотативного) значения могут обнаруживать несоответствие в эмоционально-оценочных характеристиках.

На сферу коннотаций накладываются отпечатки особенности культуры, исторического развития, политики и религии, а также других факторов, влияющих на формирование эмоциональной окраски языковой картины мира.

Так, употребляемое в русском нейтральное слово *негр*, имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию в английском языке. Переводчик обязан производить необходимые трансформации в целях соблюдения политкорректности:

Стоя на грани бедности, голодный и оборванный, он (русский человек) может часами рассуждать о бедственном положении негров в Америке – Finding themselves on the brink of destitution, hungry and in tattered clothes, Russians may spend hours pontificating on the plight of black people in the United States (из интервью академика И. Бестужева-Лады).

Несовпадение эмоционально-оценочного потенциала слов, совпадающих по предметно-логическому значению, может принести серьезные осложнения при переводе. Например, прилагательное *aggressive*, в зависимости от контекста, может иметь как отрицательные, так и положительные коннотации.

Например: *aggressive war/policy* – *агрессивная война/политика*. Данное словосочетание создает отрицательную эмфазу. Однако словосочетание *aggressive expediting strategy* – *наступательная/напористая/активная/решительная стратегия по ускорению поставок оборудования и материалов* создает положительную эмфазу.

Слово *aggressive* очень редко имеет в английском языке отрицательное значение, и как, отмечает переводчик П. Р. Палажченко, в последнее время в результате языкового контакта с английским языком слово *агрессивный* и в русском языке стало постепенно утрачивать

чисто негативный оттенок. Особенно это характерно для текстов из сферы бизнеса⁷⁶. Приведем еще некоторые примеры слов, имеющих как отрицательную, так и положительную коннотацию:

Ambitious (англ.) – честолюбивый, грандиозный, амбициозный

Critical (англ.) – решающий, переломный, опасный, рискованный, критический, осуждающий, критикующий

Dramatic (англ.) – драматичный, важный

Provocative (англ.) – провокационный, вызывающий интерес, своеобразный, загадочный и т. д.

Эти слова нельзя в полной мере отнести к группе «ложных друзей переводчика», поскольку они сохранили общность значения, но, тем не менее, проблемы выбора соответствия с наличием или отсутствием эмфазы остается и определяется упорядочивающим воздействием контекста.

Наблюдения лингвистов показывают, что русское слово в смысловом отношении более обособлено от контекста (чем, к примеру, английское или французское), и различные характеристики, смыслового и эмоционального плана, находят в русском языке особое выражение в системе глагольных префиксов, эмоционально-оценочных суффиксов. Как следствие – наличие соответствия одному стилистически нейтральному английскому/французскому слову нескольких русских слов с различными стилистическими характеристиками (нейтральная, положительная, отрицательная, возвышенная и т. д.)

Наконец, с хор загрелела мазурка (Лермонтов) – Finally the mazurka started (англ.).

В следующем примере наблюдаем употребление переводчиком вместо нейтрального эквивалента французскому *mal* (болезнь) возвышенного русского слова *недуг*. Данный выбор подсказан широким контекстом произведения, где старый аристократ возвеличивает все, что принадлежит его старинному роду, даже банальные болезни в его клане превращаются в возвышенные *недуги*.

Je viens d'être très malade. L'uremie! Ta grand-mère, ton oncle en sont morts; c'est le mal de famille. – Я только что тяжело переболел. Уремия! Твоя бабушка и твой дядя скончались от уремии – это наш семейный недуг (Э. Базен).

17.4. Дискретное и недискретное представление содержания

Различие дискретного и недискретного представления содержания могут проявляться как в форме выражения (одним словом или словосочетанием), так и в объеме значения, заключенного в слове.

⁷⁶ Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. – М.: «Р. Валент», 2004. С. 142.

Часто понятие, выражаемое в одном языке одним емким словом, в сопоставляемом языке представлено в виде нескольких отдельных наименований, взаимно дополняющих друг друга. В качестве примера можно сослаться на семантические поля терминов цветообозначения, структура которых в русском и английском языках далеко не тождественна. Так, например, участок цветового спектра, охватываемый термином *purple* в английском языке, представляет собой continuum, простирающийся от красного до синего цвета. В русском языке этот сегмент спектра представлен как совокупность дискретных цветообозначений: *фиолетовый, лиловый, пурпурный, багровый*. Аналогичным примером выступает английское *blue*, соответствующее двум русским цветам *синий* и *голубой*. Английское *cherry* является семантически недифференцированным по сравнению с русскими *вишня* и *черешня* и т. д. Аналогичные примеры часто встречаем и в других языках:

roseriste (фр.) – садовод, разводящий розы

laiterie, ganterie (фр.) – молочный, перчаточный отдел

prunier, olivier (фр.) – сливовое, оливковое дерево

Herbststimmung (нем.) – осеннее настроение

Sommerluft (нем.) – воздух лета.

Er war ein freundlicher Nachbar, nichts sonst, ein Pfeifenraucher (нем.) – Просто приветливый сосед, ничего больше, он еще трубку курит.

Данные примеры свидетельствуют о неравномерности выделяемых языками для наименования объемов действительности.

В других случаях языки могут просто не содержать однословного эквивалента какому-либо понятию. Так, русскому переводчику достаточно трудно подобрать однословный эквивалент второму члену в паре английских антонимов *superiority – inferiority*. Перевод каждый раз будет зависеть от контекста употребления слова. Так, выражение *the inferiority of the enemy* может быть контекстно переведено как *превосходство наших войск*.

17.5. Соотношение эксплицитных и имплицитных содержательных элементов сопоставляемых единиц

Содержание эксплицитных и имплицитных содержательных элементов. Кроме системных различий в круг лингвистических факторов, влияющих на перевод, входят различия в *норме* (грамматическая правильность) и *узусе* (устоявшиеся правила речи) сопоставляемых языков, касающиеся средств описания аналогичных ситуаций, лежащей в их основе сочетаемости слов, традиций словоупотребления, характерных для каждого языка.

Яркий пример приводит Н.К. Гарбовский: в переводе на французский язык название фильма «Летят журавли» звучит «Quand passent les cigognes» («Когда летят аисты»). По всей видимости, переводчик стремился избежать нежелательного имплицитного смысла, присущего французскому *grue* (журавль). Журавлями французы называют женщин легкого поведения, поджидающих клиентов вдоль дорог.

Простейшим примером различия данного вида является перевод пословиц и поговорок, отражающих особенности национального мышления.

Так, перевод контекста, построенного на известном фразеологизме *There is an abyss between us* – *между нами пропасть*, обусловлен различиями в национальном представлении о расстояниях. Значимость пролива, отделяющего небольшую островную Англию от материка, не вполне понятна представителю русской культуры, привыкшему к огромным расстояниям и пространствам. Не случайно переводчик при расшифровке фразеологизма, сохраняя прием градации – наращивания характеристики – выходит на межпланетарный уровень масштабов:

Now I see what a gulf separates us, she said... There is an abyss between us (англ.) – *Теперь я вижу, какая пропасть нас разделяет, – сказала она, – Мы живем на разных планетах* (Мюэп «Источник вдохновения»).

В другом примере, переводчик с французского старается избежать дословного перевода выражения *enterrements secs* как *сухие похороны*, чтобы не навеять знакомые русским *сухие*, в значении *безалкогольные*, мероприятия 80-х годов XX века.

Les enterrements avec crêpe, yeux rouges, femmes soutenues par leurs proches sont parfois ridicules. Mais les enterrements secs ont quelque chose d'odieux. Le soleil de midi y ajoutait encore, à cette secheresse. – Похороны с избытком траурного крена, когда у провожающих заплаканные глаза, а женщин ведут под руку близкие, порой бывают смешны. Но в похоронах без слез есть что-то непереносимое. От яркого, почти южного солнца все становилось еще суше (Э. Базен).

Таким образом, факторы, рассмотренные нами в настоящем разделе, по-разному влияют на перевод.

При сравнении лексических единиц исходного и переводящего языка переводчик сталкивается с тремя типами соответствий:

- полное совпадение между лексическими единицами;
- частичное совпадение между лексическими единицами;
- несовпадение между лексическими единицами.

Различные варианты соответствий приводят к разным типам переводческих приемов межъязыкового перехода, позволяющим выронить несоответствия в семантике между ИЯ и ПЯ. В основе комбинации переводческих приемов и техник лежат лексико-грамматические трансформации.

Однако необходимо отметить, что отдельное рассмотрение причин объективного и субъективного плана, ведущих к переводческим преобразованиям, носит условный характер, т. к. все факторы тесно взаимодействуют в процессе речи вообще и в переводе в частности.

Лекция 18. Лексико-грамматические и лексические трансформации

План лекции:

18.1. Лексико-грамматические трансформации конкретизации и генерализации

18.2. Модуляция или смысловое развитие

18.3. Лексические трансформации

18.1. Лексико-грамматические трансформации конкретизации и генерализации

Лексико-грамматические трансформации – это способы перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований. Основными видами лексико-грамматических трансформаций являются *конкретизация, генерализация и модуляция* (смысловое развитие) значения исходной единицы.

Для дифференциации различных видов лексико-грамматических трансформаций удобно воспользоваться традиционной схемой семантических отношений, принятой в лингвистике, где различаются гипонимические, гиперонимические, метонимические и метафорические отношения.

В основе трансформаций, построенных на *гипонимических* и *гиперонимических* отношениях, лежит закономерность, согласно которой для обозначения одного и того же объекта могут быть использованы языковые единицы более узкого, конкретного значения – *гипонимы* и единицы более широкого, абстрактного значения – *гиперонимы*. Например: *дерево* – гипероним, *яблоня* – гипоним к гиперониму *дерево*. Аналогично в межъязыковом сопоставлении: *Old birds are not to be caught with chaff* (англ.) – *Старого воробья на мякине не проведешь*.

Трансформации, входящие в группу, характеризующую отношениями между гипонимами и гиперонимами, различаются по направлению. Так, в приведенном выше примере при переводе с английского языка наблюдается замена гиперонима гипонимом (*old bird* – *старый воробей*). Такая трансформация называется *конкретизацией*. Трансформация противоположного направления (от гипонима к гиперониму) называется *генерализацией*: *Яблоко от яблони недалеко падает* – *As the tree, so the fruit* (англ.).

Конкретизацией (сужением) называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в нее видовое понятие.

Конкретизация значения применяется в тех случаях, когда исходная единица обладает высокой степенью информационной неопределенности и в значительной мере зависит от контекста. При этом практически переводится не только само слово, сколько конкретный вариант его значения в определенном контексте.

Dinny waited in a corridor which smelled of disinfectant (англ.) – *Динни ждала в коридоре, пропахшем карболкой*.

Например, русский термин *арматура* в переводе на английский язык может быть конкретизирован как *fittings* (совокупность крепежных узлов и деталей для какого-либо аппарата или сооружения); как *re-bar* или *reinforcement metal* (стальной каркас для усиления железобетонных конструкций); как *valve* (устройство, монтируемое на трубопроводах и емкостях, предназначенных для отключения, распределения и регулирования сброса потоков сред). Выбор соответствующего конкретного термина будет зависеть от контекста.

Например, английское слово *commitment* обладает достаточно широким спектром значений, требующих специального уточнения в русских переводах терминами *обязанность, обязательство, решение, выбор, ориентация, политика, намерение, линия, курс*⁷⁷

We share a commitment to start up Boiler 16 in December 2008 – *Мы верим в возможность запустить котлоагрегат 16 в декабре 2008 года*.

I have made a commitment to this programme – *Я решил поддержать эту программу*.

---

⁷⁷ Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. – М.: «Р. Валент», 2004. С. 165.

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т. е. преобразование, обратное конкретизации.

Иногда конкретное наименование какого-либо предмета ничего не говорит Рецептору перевода или нерелевантно в условиях данного контекста:

Jane used to drive to market with her mother in their La Sane convertible (англ.) – Джейн ездила со своей матерью на рынок в их машине.

Одним из частых мотивов гипонимических и гиперонимических трансформаций является наличие в одном из контактирующих друг с другом в процессе перевода языков так называемых широкозначных слов, т. е. слов с широким, недифференцированным значением, имеющих, как правило, целый ряд иноязычных соответствий, обозначающих более конкретные, частные понятия. Так, в английском языке важную роль в смысловой организации высказывания играют широкозначные глаголы *get, take, give, have, make, do* (аналогично с французскими глаголами *avoir, être, faire, aller, mettre, prendre* и т. д.).

Their money has gone – У них закончились деньги

I can't get the car to go – Я не могу завести машину

The path goes to the village – Дорога ведет в деревню

The milk can go to the fridge – Молоко можно поставить в холодильник

Her voice has gone – У нее пропал голос и т. д.

Конкретизация – явление очень распространенное при переводе с английского (французского) языка на русский. Так, английские глаголы *have, take, get, give* в значениях *принимать/давать еду, питье* заменяются в переводах глаголами более конкретного значения, т. е. подвергаются гипонимической трансформации. При этом выбор конкретного глагола в русском языке определяется правилами семантического согласования: *Get me some coffee* – Свари мне кофе.

Выбор наименования в русском высказывании в большей степени зависит от контекстного окружения. Происходит так называемое *семантическое согласование* русского слова в контексте, «в котором следует видеть отражение одной и той же черты действительности в двух связанных между собой наименованиях»⁷⁸. Для русского языка характерно семантическое согласование глагола с существительным (подлежащим и дополнением), реже наблюдается согласование глагола с наречием, существительного с прилагательным и наречием.

---

⁷⁸ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. С. 84.

Семантическое согласование является одной из основных причин **конкретизации**, добавления элементов в русском переводном тексте.

Сравним:

Are you hungry? You can have one (англ.) – Ты голоден? Можешь съесть кусочек.

Jolie sonette de cuivre, bien astiquée. Tire-la donc! (фр.) – Посмотри, какой славенький медный звонок, как он аккуратно вычищен. Ну, позвони же! (в оригинале – дерни за него).

В приведенных выше примерах выбор глагола детерминирован прямым дополнением: кофе – сварить, кусочек – съесть, звонок – звонить и т. д.

В основе трансформаций следующей группы лежат семантические отношения *метонимии*. *Метонимией* называется троп, состоящий в том, что вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношениях ассоциации по смежности (отношения процесса и результата, материала и изделия, части и целого, предметов, объединенных пространственными связями и др.)

В отличие от метафоры, направленной на сопоставление, уподобление объектов друг другу с целью выявления сущностного сходства, употребление метонимии в любом языке направлено на индивидуализацию объекта путем выделения какой-либо характерной черты и вынесения ее на первый план в способе именовании. Например, выражение *the white collars* (англ.), так называемые *белые воротнички*, используется для индивидуализации работников офисов, служащих, а *the blue collars* (*голубые воротнички*), применяется для обозначения рабочих на производстве.

18.2. Модуляция или смысловое развитие

Трансформация, заключающаяся в замене слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы, называется *модуляцией* или *смысловым развитием*.

Приведем примеры, иллюстрирующие применение модуляций, основанных на различных метонимических отношениях.

Модуляция, основанная на отношениях часть – целое (синекдоха) Например, в высказывании *At 5:30 all hands gathered in the manager's office to discuss current issues* (англ.) словосочетание *all hands* употреблено вместо *all employees*. При переводе на русский язык при употреблении соответствия *все руки* теряется смысл всего высказывания. Таким образом, переводчик идет по пути модуляции: *В 5:30 все сотрудники собрались в офисе руководителя для обсуждения текущих задач*.

Следующий пример иллюстрирует модуляцию по типу «причина – следствие». В оригинальном тексте говорится, что девушка покраснела и молодой человек понял причину ее красноты, однако в русском языке краснота лица является признаком болезни, либо злоупотребления алкоголем. Сказать, что у девушки красное лицо, означало бы придать тексту нежелательные ассоциации. Переводчик прибегает к модуляции, переходя от следствия – *красноты*, к причине – *смущение*:

Elle avait rougi; elle songeait aux inventions abominables de Marguerite et de Clara. Sans doute, Mouret comprit la cause de sa rougeur (фр.) – Дениза покраснела, вспомнив об отвратительных выдумках Клары и Маргариты. Муре, по-видимому, понял причину ее смущения (Э. Золя).

Модуляция по типу отношений изделие – материал, из которого изготовлено изделие, распространена в научно-технической и производственной сферах:

Необходимые металлоконструкции должны быть на строительной площадке в точно установленный срок – The required steel should be on the construction site on time (англ.).

В системе социальных и производственных связей распространена трансформация, основанная на отношении социальное мероприятие – участники мероприятия:

The Quarterly Meeting approved a new Construction Schedule (англ.) – Участники ежеквартального совещания одобрили новый график строительных работ.

Переход от названия мероприятия к реальным участникам в качестве субъекта действия очень характерен при переводе с английского языка, где распространена синтаксическая персонификация – приписывание неодушевленным предметам и явлениями способностей действовать подобно человеку.

Модуляция по типу отношений организация или учреждение – совокупность его сотрудников:

Tonight I am having a teleconference with Cleveland (англ.) – Сегодня вечером у меня будет телеконференция с Кливлендом.

Часто модуляция в переводе идет по пути замены нарицательного имени собственным, либо наоборот, при этом имя собственное употребляется в значении нарицательного. Так при переводе высказывания *I took Kerzner from the shelf (англ.)* переводчик обязан принять во внимание факт, что Гарольд Керцнер – автор известной книги «Project Management», которая изучается менеджерами ведущих иностранных и российских компаний и прояснить его в переводе: *Я взял с полки книгу Керцнера по управлению проектами.*

Широта применения метонимии этого вида наблюдается в области наименований продукции по имени владельца фирмы, что не так часто употребляется в русской речевой традиции. Выражение *to get some Kleenex* (англ.) может быть передано *достать салфетки*, т. к. название фирмы *Kleenex*, мало что говорит русскому человеку.

Одной из разновидностей модуляций является антонимический перевод. *Антонимический перевод* – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением:

Nothing changed in my home town (англ.) – *Все осталось прежним в моем родном городе.*

Elle n'allait pas a Paris tous les jours (фр.) – *Она ездила в Париж не каждый день.*

Очень часто в основе отношений единиц оригинала и перевода при антонимическом переводе лежат те же метонимические отношения, что и позволяет отнести антонимический перевод к разряду семантических модуляций. *I don't blame them* (англ.) – *Я их понимаю.* Причина заменена следствием: я их не виню потому, что я их понимаю. Такая же замена произведена и в следующем примере: *He always made you say everything twice* (англ.) – *Он всегда переспрашивал.*

В англо-русских переводах эта трансформация применяется особенно часто, когда в оригинале отрицательная форма употреблена со словом, имеющим отрицательный префикс:

She is not unworthy of your attention (англ.) – *Она вполне заслуживает вашего внимания.*

Итак, при использовании лексико-грамматических трансформаций переводчик осуществляет более комплексную перестройку оригинального сообщения, чем при грамматических трансформациях. Перестройка касается не только грамматических структур и синтаксических конструкций. Модулированию подвергается сам способ описания ситуации. В силу причин семантического плана ситуация в тексте перевода представляет собой трансформацию ситуации оригинала, ее видение с других позиций, как бы под другим углом зрения.

Употребление лексико-грамматических трансформаций указывает на перевод в рамках референциального подуровня семантической эквивалентности (по А.Д. Швейцеру), т. к. приводит не только к отказу от синтаксической структуры оригинала, но также вносит коррективы в семантическую структуру. Ситуация в тексте оригинала и перевода описывается различными способами, при помощи разных наборов сем.

18.3. Лексические трансформации

Зачастую, различия в семантической организации языков толкают переводчика на более глубокие изменения в структуре текста, чем те, что мы видели в случаях трансформаций грамматических и даже лексико-грамматических. В поисках путей сохранения воздействующей силы оригинала, ее адекватного воспроизведения в переводе переводчик вынужден вносить в текст коррективы: объяснять непонятные явления, восполнять лакуны, заменять, либо убирать совсем детали, мешающие пониманию и т. д. Следующий уровень трансформаций – лексические трансформации – включает в себя функциональные замены, экспликации (описания), переводческий комментарий.

Трансформации такого уровня уже невозможно свести к перестройкам и заменам, затрагивающим грамматическую и семантическую организацию текста. Употребление лексических трансформаций характеризует прагматический уровень эквивалентности (по А.Д. Швейцеру), при котором перевод осуществляется на уровне цели коммуникации.

Наиболее сложной процедурой в процессе решения лексико-семантических проблем является *функциональная замена*. Необходимость в этом приеме возникает, когда ни одно из соответствий, предлагаемых словарем, не подходит к данному контексту.

Поиск функционального соответствия оказывается особенно актуальным в случае так называемой безэквивалентной лексики, тот есть слов, которые почему-либо не зафиксированы двуязычными словарями. Чаще всего в эту категорию попадают вновь образованные и еще не вошедшие в словарь языковые единицы или слова, обозначающие предметы или явления, не известные культуре переводящего языка («реалии», или «культуронимы»). Новые слова в стремительно развивающейся современной цивилизации не менее стремительно возникают и бытуют для обозначения предметов и явлений, с которыми сталкиваются отдельные народы или целые группы стран. Практически каждое десятилетие в английском и русском языках формируется не менее 5–6 тысяч неологизмов, часть которых составляют слова, заимствованные друг у друга и подвергающиеся переосмыслению, а, следовательно, и переозначиванию. Никакие новые словари или дополнения и приложения к словарям не успевают за таким потоком словообразования. И, по существу, именно переводчики первыми принимают «удар на себя», изобретая функциональные соответствия, которые впоследствии могут оказаться либо удачными и входят в словарь переводящего языка, а вслед за этим – и в двуязычные словари, либо менее удачными, пригодными только для разового употребления. Так, актуальная во всем мире про-

блема окружающей среды по-разному обогатила словари разных стран как терминами, так и обиходными словами.

Рассмотрим слово *exposure*. Без контекста данное слово невозможно перевести, поскольку кроме значения *разоблачение, выдержка, экспозиция, обнажение*, оно может означать *подвержение высокой или низкой температуре, опасности* и т. д. Рассмотрим следующий пример:

Failure to start up Turbine 13 has significant exposure to the Project (англ.) – Невыполнение работ, связанных с пуском турбоагрегата №13, оказывает серьезное отрицательное влияние на ход выполнения Проекта.

Экспликация (описание) применяется в тех случаях, когда ни один из словесных приемов подбора соответствия не удовлетворяет ситуации. Описание значения исходной единицы применяется в условиях отсутствия регулярного словарного соответствия или при несовпадении смысловых функций соответствующих единиц в исходном и переводящем языках. Оно должно быть предельно кратким и в идеале приближать по своим качествам к отдельному слову или фразеологической единице таким образом, чтобы оно могло употребляться в тексте без искусственной единицы, создаваемой в таких случаях либо с помощью транскрипции, либо калькирования, когда это по каким-либо соображениям неуместно в пределах данного текста. Описательный перевод может употребляться параллельно с транскрипцией. Он применяется при переводе терминов, культуронимов, уникальных объектов и т. п.

Приведем примеры описательного перевода терминов:

expediter, expeditor (англ.) – экспедайтор, специалист по обеспечению эффективного движения товаров или контроля за сроками поставок
dignitary (англ.) – высокопоставленное лицо

The quarterly meeting was attended by several DOE dignitaries (англ.) – На квартальном отчете присутствовали высокопоставленные лица из министерства энергетики США.

В данном случае перевод слова *dignitary* с помощью слова *сановник* не подходит контекстуально и стилистически, поэтому используется описательный перевод.

Если описание как переводческий прием обычно сопровождает слово, представленное в какой-либо более простой форме, или даже употребляется в тексте вместо самого слова, то *переводческий комментарий*, как правило, выносится за пределы текста и попадает либо в сноску на той же странице, либо приводится в конце текста в качестве примечания.

Комментарий как переводческий прием заключается в более подробном, чем описание, объяснении того, что означает данное исходное

слово в широком контексте исходной культуры. Это дополнительный прием, сопровождающий слова или словосочетания, переведенные с помощью любого способа трансформации, но при этом требующие расширенного пояснения. Это происходит в том случае, когда толковые словари не дают слова, достаточно глубокого для данного контекста, или само понятие вообще отсутствует или трактуется иначе в переводящей культуре. Так, при переводе с английского языка на русский термина *bottom-up estimating* (дословно оценка методом сверху вниз), для русскоязычного специалиста, не знакомого со спецификой управления, могут возникнуть трудности в понимании. В этом случае используется переводческий комментарий. В конце документа, в глоссарии, дается комментарий данного термина. Таким образом: *bottom-up estimating* означает *приближенное вычисление длительности, стоимости и риска проекта с помощью разбивания на операции, задачи и подзадачи, оценки длительности и стоимости каждого из этих элементов и сведения этих оценок для получения общей оценки.*

Еще одна иллюстрация. *Work Breakdown Structure* (дословно иерархическая структура работ – ИСР). В глоссарии Руководства по управлению проектами также дается комментарий. *Work Breakdown Structure* комментируется как *иерархический лист задач, полученный с помощью декомпозиции проекта исходя из разбиения продукта на компоненты и процесса развития проекта на все более детализированные задачи. ИСР изображается как древовидная схема (или иерархическая диаграмма) или как список с очертаниями/контурами/кратким описанием детализированных нижестоящих элементов вплоть до элементов высокого уровня.*

Таким образом, выбор среди основных приемов трансформаций составляет одно из основных умений переводчика. Большую роль при этом играет работа со словарями, поскольку очень часто требуется не столько сопоставить общие словарные соответствия, сколько установить степень различия их информационного потенциала. Помимо словарей, в особо сложных ситуациях помогает воображение, интуиция, чувство языка и культурный кругозор.

Вопросы и задания к теме 9

1. Какие проявления избирательности языков по отношению явлениям внеязыкового мира вы можете назвать?
2. В чем причины появления в языках ложных эквивалентов?
3. На каком уровне переводческой эквивалентности (по А.Д. Швейцеру) имеют место лексико-грамматические трансформации. Почему?

4. Назовите основные типы лексико-грамматических трансформаций? Какие семантические отношения лежат в основе каждой трансформации?

5. Назовите основные типы лексических трансформаций? С каким уровнем переводческой эквивалентности (по А.Д.Швейцеру) связывается их употребление?

6. Переведите высказывание *Don't forget to put on your safety mask while you work* с помощью *антонимического перевода*.

7. Приведите примеры слов, которые, в зависимости от контекста, могут приобретать как положительные, так и отрицательные коннотации.

8. При использовании какого вида трансформации наблюдается замена гиперонима гипонимом (*vehicle – грузовик, tool – hammer*)?

9. В книге «Основы Управления Проектами» используется термин *Predecessor Task* (предшествующая задача), который переводится как «Задача или операция, которая должна начаться или завершиться до того, как можно начать выполнять другую задачу или контрольное событие». Как называется этот вид лексической трансформации?

РАЗДЕЛ VI. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Тема 10. Субъективные факторы, определяющие процесс перевода

Лекция 19. Субъективные факторы, определяющие процесс перевода

План лекции:

19.1. Прагматический потенциал текста и прагматика перевода

19.2. Переводческая адаптация как учет особенностей рецепторов перевода

19.1. Прагматический потенциал текста и прагматика перевода

Текст, с которым имеет дело переводчик, состоит из единиц – языковых знаков. Как мы помним, в системе семиотических отношений языковые знаки характеризуются *семантикой*, т. е. отношением к объектам предметного мира, которые они обозначают, *синтактикой*, отношением к другим знакам, и отношением к использующим эти знаки людям – *прагматикой*. Именно наличие у знаков прагматических отношений позволяет языку воздействовать на людей, вызывать положительные, отрицательные, нейтральные реакции, побуждать к действию, т. е. посредством определенной организации знаков в высказывания и тексты выполнять основную функцию – коммуникативную.

В соответствии со своим намерением Источник отбирает для передачи информации языковые единицы и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить необходимые смысловые связи.

В результате, созданный текст, приобретает определенный *прагматический потенциал* – возможность произвести некоторый коммуникативный эффект на Рецептора. Способность текста воздействовать на Рецептора, вызывать у Рецептора отношение к сообщаемому (производить коммуникативный эффект) называется *прагматическим аспектом* или *прагматическим потенциалом* (прагматикой) текста.

Любой текст содержит сообщение, передаваемое от Источника к Рецептору, какие-то сведения (информацию), которые должны быть извлечены из сообщения Рецептором, поняты им. Воспринимая полученную информацию, Рецептор вступает в определенные личностные отношения к тексту, называемые *прагматическими отношениями*.

Такие отношения могут иметь различный характер. Они могут иметь информативный характер, когда текст служит для Рецептора лишь источником сведений о каких-то фактах и событиях, его лично не касающихся. В то же время полученная информация может оказать на

Рецептора и более глубокое воздействие. Она может затронуть его чувства, вызвать определенную эмоциональную реакцию, побудить к каким-то действиям. По мнению В.Н. Комиссарова, прагматический потенциал текста зависит от трех основных факторов:

- от содержания высказывания;
- от характера составляющих высказывание знаков;
- от Рецепторов, воспринимающих данное высказывание⁷⁹.

Текст вызывает реакцию у Рецептора уже своим содержанием. Так, например, реакция человека, непосредственно заинтересованного и участвующего в деятельности предприятия, на сообщение о вводе в эксплуатацию важного объекта строительства будет отличаться от его реакции на известие о недопоставке материалов или поломке оборудования.

На реакцию Рецептора будет влиять и характер знаков, составляющих высказывание. Например, просьба говорящего о том, что необходимо взглянуть на график строительно-монтажных работ (construction schedule) может иметь множество форм, каждая из которых несет свой потенциал воздействия, вызывает свою реакцию:

Look at the construction schedule

Look at the construction schedule, will you?

Can you look at the construction schedule?

Please look at the construction schedule

Make sure you look at the construction schedule

Can't you look at the construction schedule? и т. д.

Наконец, касаясь реакции Рецепторов, заметим, что сообщение, например, о бесперебойной работе оборудования будет совершенно по-разному восприниматься людьми, непосредственно участвующими в ее монтаже и наладке и теми, кто не имеет к нему никакого отношения.

Осуществление прагматического воздействия на получателя информации составляет важнейшую часть и межъязыковой коммуникации. Прагматические аспекты перевода, обусловленные участниками межъязыковой коммуникации (автором сообщения, рецептором и переводчиком), представляют собой систему *субъективных факторов*, определяющих процесс перевода.

Субъективные факторы, исходящие при создании текста от *автора сообщения*, заключаются в специфике кодирования информации:

- в использовании *нестандартных языковых элементов*: фразеологизмов, окказионализмов, диалектизмов, образных слов, архаизмов и т. д., расставляющих авторские акценты, привлекающих внимание, или

---

⁷⁹ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: «ЭТС», 2002. С. 139.

выполняющих специфические функции (характеристики персонажей, создания местного колорита и др.);

- в *неожиданной сочетаемости* языковых средств (нарушение грамматических правил, соединение несоединимого и др.), приводящей к появлению в тексте ярких воздействующих элементов (игра слов, каламбуры, фонетические созвучия, логические акценты и т. д.), способных создавать дополнительные приращения смысла;

- в проявлениях *авторского стиля*, который также обязателен для передачи при переводе.

Прагматическое отношение Рецептора к тексту зависит также от самого Рецептора, его личности, фоновых знаний, предыдущего опыта, психического состояния, настроя на восприятие информации, готовность к эмоциональному воздействию и др. При составлении текста, автор может лишь предположительно предусмотреть потенциальный коммуникативный эффект текста по отношению к типовому, «усредненному» (термин В. Н. Комиссарова) Рецептору. Таким образом, *Рецептор* с его личностными характеристиками и актуальным состоянием представляет важный субъективный фактор перевода.

Кроме того, субъективные факторы могут исходить и от промежуточного участника коммуникации – *переводчика*. Идущие от автора сообщения субъективные факторы при переводе преломляются через особенности восприятия текста переводчиком, являющимся одновременно первичным Рецептором исходного и отправителем конечного текста в акте вторичной коммуникации.

Переводчик, как субъект коммуникации, выполняющий функции рецептора в первичной коммуникации и соавтора сообщения в коммуникации вторичной, не лишен собственных субъективных качеств, так или иначе влияющих на процесс перевода.

Среди идущих от переводчика субъективных факторов можно выделить:

- фактор внимания/невнимания к тому или иному элементу, осознанность его связи с функциональной доминантой текста;

- уровень таланта переводчика в передаче коммуникативного эффекта при сохранении данной текстовой единицы;

- интерпретационную деятельность переводчика, приводящую к появлению новых элементов стиля в тексте;

- свой собственный авторский стиль.

Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления

обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода называется *прагматическим аспектом* или *прагматикой перевода*⁸⁰.

19.2. Переводческая адаптация как учет особенностей рецепторов перевода

Основная задача перевода – обеспечение коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода. Другими словами, переводчик обязан добиться ситуации когда эффект воздействия текста перевода на Рецептора ПЯ аналогичен эффекту воздействия на своего Рецептора оригинального текста.

Как правило, тексты, предназначенные для носителя ИЯ, рассчитаны только на его восприятие, исходящее из его культурно-психологических особенностей, массива информации, которым он владеет и особенностей окружающей его социально-культурной среды. Переводной же текст ориентирован на иноязычного Рецептора, обладающего иными характеристиками. В поисках коммуникативной равноценности и адекватности воздействия переводчик вынужден прибегать к так называемой *прагматической адаптации*⁸¹ исходного сообщения к условиям вторичной коммуникации.

Преобразования текста с целью прагматической адаптации могут затрагивать текст в разной мере, приводить к установлению между текстами оригинала и перевода эквивалентности разной степени:

- они могут носить характер небольших дополнений поясняющего характера, либо, наоборот, опущений излишней информации;
- повышать или понижать эмоциональность сообщения;
- приводить к полной перестройке сообщения в целях эксплицирования подразумеваемой информации, а также решить какие-либо дополнительные к переводу задачи.

Рассмотрим примеры прагматической адаптации разного вида.

Прагматическая адаптация может носить характер *экспликации*, восполнения недостающих фоновых знаний путем *добавления* в текст недостающей информации. В пояснениях, как правило, нуждаются упоминающиеся в оригинале названия географических, культурно-бытовых реалий, учреждений и т. д.

Например, при переводе на русский язык названий американских городов *Boise, Germantown, Cleveland*, штатов *Ohio, Idaho*, переводчик, как правило, добавляет слова *город, штат*, чтобы сделать реалии понятными для русского слушателя или читателя. Таким образом, в пере-

---

⁸⁰ Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа. 1999. С. 210.

⁸¹ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: «ЭТС», 2002. С. 137.

воде получается *город Бойсе, город Джермантаун, город Кливленд, штат Огайо, штат Айдахо* и т.д. Добавление поясняющих элементов может потребоваться и при передаче названий учреждений, компаний, печатных изданий и т.д.

Last week I was in DC and met with DOE people(англ.).

Поясним, что *DC* – это *District of Columbia*, округ Колумбия, куда административно входит город Вашингтон, столица Соединенных Штатов Америки. *DOE* – *Department of Energy*, т.е. министерство энергетики США. Таким образом, данное высказывание может быть переведено следующим образом:

На прошлой неделе я был в городе Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, и встретился с представителями министерства энергетики США.

В ходе перевода, для более точного понимания высказывания, были сделаны следующие добавления: вместо *DC* – *город Вашингтон, федеральный округ Колумбия*, (поскольку в США имеется и штат Вашингтон), а вместо *DOE people* – *представителями министерства энергетики США*.

Нередко для адекватного понимания сообщения необходимо прибегнуть к обратной операции – *опущению* некоторых неизвестных для слушателя или читателя перевода деталей. Рассмотрим следующее высказывание:

There are Tennessee Sunbelt granolas in the kitchen (англ.). (Дословно: На кухне лежат овсяные батончики, выпущенные компанией «Санбелт», штат Теннесси) – *На кухне лежат овсяные батончики.*

В переводе опущены слова «Санбелт», название компании, выпускающей эту продукцию, а также *штат Теннесси*, где расположено предприятие-производитель. В данном контексте название фирмы «Санбелт» представляется избыточным, поскольку оно ничего не говорит русскоязычному Рецептору. Опускание слова «Санбелт» и словосочетания *штат Теннесси*, ведет к некоторой потере информации, однако в рамках создавшейся коммуникативной ситуации переводчик по пути избавления от мешающих пониманию, загромождающих текст элементов.

Опускаемые в переводе слова с конкретным значением могут заменяться более общими, но более понятными для рецептора перевода, перевод идет путем трансформации *генерализации*.

В случаях, когда текст оригинала несет определенную эмоциональную нагрузку, прагматическая адаптация направляется на создание адекватного эмоционального воздействия в переводе.

Необходимость такой адаптации возникает потому, что в каждом языке существуют названия каких-либо объектов и ситуаций, с которыми у представителей данного языкового коллектива связаны особые ассоциации и эмоциональные переживания. Если подобные ассоциации не передаются или искажаются при переводе, то прагматические потенциалы текстов перевода и оригинала не совпадают даже при эквивалентном воспроизведении содержания.

Несовпадения восприятия аналогичных сообщений в оригинале и переводе могут носить разный характер.

Так, с названиями одних и тех же событий, явлений или предметов у носителей разных языков и культур могут возникать различные ассоциации. Например, День независимости России, который отмечается с 12 июля с 1992 года, связан с 12 июля 1991 года, когда Съезд народных депутатов принял декларацию о государственном суверенитете РСФСР. День Независимости, широко отмечаемый в Соединенных Штатах, для американцев связан с 4 июля 1776 года.

Вторая Мировая война, для россиянина обычно ассоциируется с 22 июня 1941 года, когда гитлеровские войска напали на Советский Союз. Россияне, как правило, используют название «Великая Отечественная война». Для американцев Вторая мировая война тесно ассоциируется с 7 декабря 1941 года, когда Япония, союзница фашистской Германии, нанесла удар по американской военно-морской базе Перл–Харбор. Для британца же война связана с августом 1941 года. В это время фашистские самолеты начинают бомбардировки Великобритании. В таких случаях в переводе может потребоваться дополнительная информация. Следует также учитывать, что восприятие аналогичных слов и выражений зависит от частоты и степени привычности их употребления.

По-разному могут восприниматься в оригинале и переводе целые пласты лексики. Замечено, что в речи российских технических специалистов довольно активно используется военная лексика. Например: *фронт работ, борьба за выполнение графика строительных работ, выйти из строя (о поломке оборудования)* и т. д.

Для американского варианта английского языка характерно обильное использование автомобильной и спортивной лексики: *shift gear – менять тему разговора, gear up for something – подготовиться к чему-либо, full court pressing – неослабное внимание к чему-либо, carry the ball – активно действовать* и т. д.

Так, опытный переводчик А.В. Шевчук⁸², работающий с компанией *Washington Group International*, отмечает, что специфика работы в городе Северск (Томская область) состоит в том, что реконструкция объектов проходит в закрытом городском образовании, в котором горожане столкнулись с новыми реалиями рыночных отношений несколько позже, чем жители города Томска. Было замечено, что в речи жителей Северска частотность употребления лексических единиц, относящихся к советской (*ударник, ударный труд, субботник* и т. д.) и военной терминологии значительно выше, чем у томичей. В переводе данная лексика передается с помощью объяснительного, описательного и других видов перевода. Чаще всего в подобных случаях желательное применение *функционального аналога*, т. е. когда одна и та же предметная ситуация изображается в переводящем языке на основе различных, хотя и взаимосвязанных признаков⁸³.

Например, высказывание *На территории северской ТЭЦ развернута наглядная агитация по технике безопасности* переведено как *Safety posters and signs are displayed in the territory of Seversk Power Station (англ.)*.

При сохранении термина-реалии *наглядная агитация* переводчику потребовалось бы использование описательного перевода. С точки зрения же описываемой ситуации, в данном контексте основным является то, что на ТЭЦ развешены плакаты и знаки по технике безопасности. В английском языке данный признак передан с помощью приема конкретизации.

Неодинаковый коммуникативный эффект в русском и английском языках может иметь употребление языковых средств, несвойственных речи и текстам определенного типа. Разговорная лексика и образные обороты – обычное явление во время серьезных совещаний. Их появление в ходе переговоров не привлекает особого внимания американского слушателя. Сохранение таких лексических вольностей в переводе на русский язык, в котором гораздо строже соблюдается серьезность стиля деловых переговоров, приводит к их резкому выделению в речи, создается впечатление несерьезности говорящего.

Рассмотрим следующее высказывание: *The meeting was attended by big boys from DOE (англ.)*.

---

⁸² Здесь и далее в данном разделе примеры А. В. Шевчука: Велединская С. Б., Шевчук А. В. Курс теории перевода для слушателей программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: учебное пособие. – Томск, 2009.

⁸³ Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. – М.: УРАО, 1998. С. 108.

Переводчику неуместно перевести высказывание как *на совещании присутствовали большие парни из министерства энергетики США*, содержащей прямой эквивалент к *big boys*. Предпочтителен перевод: *На совещании присутствовали руководители из министерства энергетики США*.

В американском варианте английского языка частотность использования сниженной лексики значительно выше, чем в русском. Напротив, для русского языка характерна большая частотность высокопарных, поэтических слов и выражений. Иногда сохранение подобных единиц в переводе может производить в другой культуре совершенно иной эффект и быть прагматически неадекватным. Прагматическая адаптация в данном случае происходит с использованием приемов *эмфатизации* (*повышения эмоциональности*) и *нейтрализации*.

Так, например, прилагательное *aggressive*, в зависимости от контекста, может иметь как отрицательные, так и положительные коннотации. Например: *aggressive war/policy* – *агрессивная война/политика*. Данное словосочетание создает отрицательную эмфазу. Однако словосочетание *aggressive expediting strategy* – *наступательная/напористая/активная/решительная стратегия по ускорению поставок оборудования и материалов* создает положительную эмфазу.

Прием *эмфатизации* может оказаться весьма эффективным, но поскольку он очень сильно влияет на содержание коммуникации, с ним следует обращаться весьма осторожно и в некоторых, особо спорных, случаях можно прибегнуть к прямо противоположному приему *нейтрализации* эмоционально-оценочного компонента значения.

Эмфатизация или нейтрализация исходного сообщения определяются, главным образом, такими социолингвистическими факторами, как расхождение в традициях организации эмоционально-оценочной информации и требуемое переводящей культурой выделение или, наоборот, приглушение данного слова в конкретном контексте.

Рассмотрим высказывание *We badly need Boiler 16 by the end of December 2008* (англ.), прозвучавшее из уст одного из руководителей компании на переговорах. В условиях переговоров, где присутствовали высокие руководители с российской стороны, наречие *badly*, которому соответствует не совсем уместное сниженное *позарез*, нейтрализовано в переводе:

Мы очень хотим, чтобы котлоагрегат № 16 был введен в эксплуатацию в конце декабря 2008 года.

Таким образом, эмфатическое *badly* заменено на более нейтральное *очень*.

Зачастую, прагматическая адаптация делает текст оригинала и перевода полностью несопоставимыми. Если при этом сохраняется эквивалентный эффект воздействия, мы имеем дело с переводами на прагматическом уровне переводческой эквивалентности (по А. Д. Швейцеру).

Так, прагматическая адаптация может применяться в случаях ориентации перевода не на усредненного рецептора, а на конкретного собеседника в конкретной ситуации общения. При адаптации данного типа могут происходить значительные отклонения от исходного сообщения в целях приспособления к конкретным участникам коммуникации.

Рассмотрим следующую ситуацию. Переводчик и американский специалист отправляются на экскурсию по городу. Гид, ожидающий их у входа в гостиницу, обращается к иностранцу по-русски со словами: *Сегодня будет дождь*. Переводчик решает, что в данном случае важно передать не возможность ожидаемого природного явления, а указать на необходимость защититься от возможного дождя, переводит американцу *You should take the umbrella (англ.)*. Иностранец возвращается к себе в номер и берет зонт. Передав подразумеваемое, переводчик решает поставленную гидом коммуникативную задачу.

Еще один пример. В ходе командировки в Москву, американский сотрудник обращается к своему российскому коллеге, не владеющему английским, со словами *Let's go to Starbucks (англ.)*. Заметим, что Starbucks – это сеть недорогих кофеен, весьма распространенных в США. В представленном прагматическом контексте переводчик определяет, что наиболее уместно передать суть предстоящего действия, а именно выпить кофе, а не зайти в конкретную кофейню «Starbucks», название которой мало что говорит русскоговорящему специалисту. Перевод звучит: *Давайте выпьем кофе*.

Иногда для достижения желаемого воздействия на Рецептора необходимы иные средства, нежели те, которые использованы в оригинале. В качестве иллюстрации приведем следующий случай. Около объекта, где выполняются теплоизоляционные работы, проходят американский инженер по технике безопасности и переводчик. Они видят, что рабочие трудятся без респираторов и защитных очков. Специалист по технике безопасности просит переводчика сказать рабочим, чтобы те надели индивидуальные средства защиты. Переводчик, зная, что простое распоряжение не подействует на русских работников, обращается к рабочим и разъясняет, что они рискуют получить травму, поскольку частички теплоизоляции могут попасть в глаза, что при работе без респираторов волокна теплоизоляционного материала проникают в легкие и люди рискуют серьезно заболеть, что отразится на их зарплате. В данном случае переводчику приходится значительно расширить высказывание, од-

нако прагматическая адаптация приводит к тому, что респираторы и защитные очки одеваются. Таким образом, коммуникативный эффект при переводе получен.

Тип прагматической адаптации, приводящий к полному отказу от первоначального текста можно нередко встретить при переводе названий литературных произведений, кинофильмов. Цель таких преобразований – стремление сделать название привычным и естественным в чужой культуре. Так, роман американского писателя Джона Стейнбека «In Dubious Battle» в русском переводе звучит «И проиграли бой», в телесериале, посвященном работе скорой помощи, очередная серия «Days like this» переводится просто «Тяжелый день»⁸⁴. Фильм «Revolutionary Road» (название улицы, где развивался основной сюжет картины) переведено как «Дорога перемен».

Еще один пример. В центре Томска летом 2008 г. открылся ресторан быстрого обслуживания «Southern fried chicken», что может быть переведено как ресторан, где готовят жареных цыплят в кляре, как принято в южных штатах США. Безусловно, подобный перевод является весьма громоздким. Руководством сети данных ресторанов предложен следующий русский перевод: «Цыплята по-английски». Конечно же, этот перевод является не совсем удачным и не передает всех нюансов, заложенных в английском названии. Тем не менее, подобное название с натяжкой можно считать приемлемым.

Тема 11. Лекция 20. Прагматический потенциал отдельных текстовых элементов и его передача при переводе

План лекции:

- 20.1. Понятие текстовой прагмемы и подходы к ее переводу
- 20.2. Перевод образных слов и метафорических единиц

20.1. Понятие текстовой прагмемы и подходы к ее переводу

Прагматический эффект может достигаться автором путем использования единиц с прагматическим потенциалом, повышенным за счет особенностей лексического значения, либо за счет специфики формальных связей текстовых единиц. Данные текстовые единицы – *прагмемы* (Н.С. Болотнова) – составляют особую группу единиц при переводе, так как за счет их использования отношения в контексте устанавливаются не только по линии предметно–логических элементов значения, но и на основании соотнесения коннотативных компонентов значения, отра-

---

⁸⁴ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: «ЭТС», 2000. С. 147.

жающих характер восприятия автором содержащейся в слове информации (эмоциональной, стилистической, ассоциативно-образной).

Экспрессивная окраска высказывания часто связана непосредственно со стилистическим отбором слов. Даже квалифицированный переводчик не всегда может знать прагматический потенциал слова, определяемый его принадлежностью к определенному функционально-стилистическому слою лексики. Это затруднение преодолевается с помощью толковых или параллельных словарей.

В разряд текстовых прагмем входят единицы, имеющие яркую коннотацию: окказионализмы, диалектизмы, архаизмы; метафоры, образные слова с раскрывающейся в контексте внутренней формой; фразеологизмы, случаи каламбуров, игры слов; сближения формально близких слов и т. д.

Но определить стилистическую принадлежность слова – это лишь полдела. При переводе важно найти в русском языке слово, соответствующее оригинальному не только по смыслу, но и по характеру производимого прагматического эффекта.

Таким образом, экспрессивная адекватность является решающим моментом при выборе слова в переводе.

Мы уже неоднократно говорили, о том, что переводчик никогда не работает с отдельным словом. Предметом его забот является весь текст (высказывание) с присущим ему коммуникативным эффектом. Однако, особенность текстовых прагмем такова, что они, как правило, являются элементами, на которых и базируется конечный коммуникативный эффект высказывания. Таким образом, прагмемы выступают в качестве носителей функциональной доминанты высказывания и, как следствие, требуют особого решения на перевод.

Сравним несколько высказываний, содержащих прагмемы в качестве основы коммуникативного эффекта. Контекст, построенный на разворачивании фразеологизма:

Now I see what a gulf separates us, she said... There is an abyss between us (англ.) – Теперь я вижу, какая пропасть нас разделяет, – сказала она. – Мы живем на разных планетах (Моэм «Источник вдохновения»).

Контекст, в котором эффект авторского сарказма по поводу поведения наследников при оглашении завещания базируется на введении в художественную речь рядом с нейтральным словом *héréditaire* (наследственный) канцеляризма – латинского слова *heredos* (наследник), принадлежащего к юридической терминологии:

Elle (la volonté) est bien moins efficace contre la misère des sentiments, surtout quand celle-ci est héréditaire. Je songe à trois heredos (фр.) –

Но воля бессмысленна против нищеты чувств, особенно когда эта нищета наследственная. Я думаю о трех наследничках (Э. Базен).

Способы перевода текстовых прагмем сводятся к следующим:

- Перевод *по аналогии* путем подбора в ПЯ единицы с аналогичным коннотативным значением:

L'intervention énergique de cette grand-mère, que nous n'avions pas le droit d'appeler mémé, mais qui avait le coeur de ce diminutif plébéien, nous avait sauvés de seices inconnus (фр.) – Энергичное вмешательство старухи-бабушки, которую нам не разрешалось называть «бабуся»" хотя сердце ее было достойно этого плебейского ласково-уменьшительного имени, спасло нас от мучений (Э. Базен).

В приведенном примере французское традиционное уменьшительно-ласкательное именование бабушки *mémé* заменяется в переводе на единицу со сходной коннотацией *бабуся*. На наш взгляд, выбор переводчика между возможными вариантами *бабуля* и *бабуся* продиктован указанием на «плебейское», т. е. очень народное, не городское словопотребление.

- *Перевод с заменой коннотации.* Перевод путем подбора единицы ПЯ с иным характером коннотации. Часто при невозможности подыскать соответствие элементу с аналогичной стилистической окраской или эмоциональной характеристикой в переводе используется эквивалент с другим характером коннотации:

Dans trois ans, elle aura la démarche des oies grasses. Mais, pour l'instant, c'est encore un piron (oison, en patois) assez tendre pour ce que j'en veux faire (фр.) – Года через три она будет ходить переваливаясь, как откормленная гусыня. Но сейчас она еще аппетитная «гусочка» (воспользуемся местным выражением), достаточно нежная и привлекательная для моих целей (Э. Базен).

В оригинале используется диалектное слово *piron* (молодой гусь), которое заменяется в переводе на общеупотребительное уменьшительно-ласкательное *гусочка*. Использование диалектной лексики в переводе имеет свои ограничения в силу ее особого национально-регионального колорита. Переводчик прибегает к замене характера коннотации, передавая диалектный характер лексемы через контекстное упоминание «воспользуемся местным выражением».

- *Системное моделирование.* Перевод путем моделирования сходного коммуникативного эффекта за счет создания переводчиком собственных единиц и конструкций. Данный тип перевода характерен для передачи случаев игры слов, базирующихся на особом внутрilingвистическом значении слов ИЯ:

Ces paysans appelaient les prêtres mariés républicains des sans-calottes devenus sans-culottes (фр.) (дословно: Крестьяне называли женатых республиканских священников попами, ставшими санкюлотами (бесштаннными)) – Сначала на сан плюет, а потом, глядишь, санкюлот (В. Гюго).

В приведенном оригинальном контексте игра слов создается за счет сведения в одном контексте похожих слов *sans-culottes* (без штанов – традиционно употребляемое обозначение революционной бедноты) и *sans-calottes* – изобретенное крестьянами слово (буквально – без тензуры, имеется в виду, что священники переходя на сторону революционеров переставали выстригать тензуру). Переводчик идет путем системного моделирования, предлагая созданную им собственную игру слов – Сначала на сан плюет, а потом, глядишь, санкюлот.

Рассмотрим особенности перевода единиц, принадлежащих к некоторым группам.

20.2. Перевод образных слов и метафорических единиц

Среди экспрессивных средств любого языка важное место занимает метафора. *Метафора* – стилистический прием, при котором экспрессивный эффект достигается путем сопоставления двух понятий на основе сходства их формы или функций. Метафора может выступать в качестве отдельной текстовой единицы (например, *контракта с зонтиком* в случае – *an umbrella agreement* (комплексное соглашение или всеобъемлющий контракт), а может служить основой для образной внутренней формы слова (например, в названии растения *медуница* заложена информация о связи цветка с медом).

Текстовые метафоры и перевод. Для переводчика определенную трудность представляет различие эмоционально-оценочных ассоциаций, связанных с образами животных, традиционно употребляемых в качестве основы метафоры или метафорического сравнения.

Например, о неторопливом человеке в русском языке можно сказать, что *он черепаха*. В английском языке подобные ассоциации связаны с улиткой. Поэтому о медлительном человеке говорят *He is a real snail* (англ.).

Еще одно различие, касающееся традиций «животной» метафоры, заключается в наличии или отсутствии синонимов, выражающих оттенки метафорического значения. Так, в русском языке метафорическое употребление слова *мамонт* может выражать такую оценку, как *окаменевший мастодонт, устаревший, косный человек*. В английском языке *tammoth*, кроме вышеуказанного значения, может употребляться в значении *огромный, громадный*. Поскольку эти оценки могут не совпадать,

то в русской речи они актуализируются контекстом, тогда как в переводе на английский язык требуют разных метафорических единиц.

При переводе метафор с английского языка на русский и наоборот используются обозначенные выше подходы (перевод по аналогии, замена, системное моделирование). Если в языках совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребляемые в данной метафоре, применяется *перевод по аналогии*. Например:

It is required to turn the screws on this supplier (англ.) – В отношении этого поставщика необходимо завернуть гайки.

Замена образа применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках. Иногда метафорические образы, характерные для английского языка, отсутствуют в русском, и наоборот. В силу этого прямой перенос метафор из русского текста в английский не всегда удачен или возможен. Переводчик вынужден заменять метафору на другой образ. Подобная замена помогает сохранить уровень экспрессии оригинала и сделать перевод более идиоматичным. Например:

Инженеры-проектировщики вложили в этот проект всю душу – Designers put their heart into this Project (англ.).

В переводе на английский язык вместо метафоры *sole* лучше употребит *heart*, поскольку оно наиболее адекватно передает уровень экспрессии русского высказывания.

Кроме того, при переводе метафоры следует обращать внимание на расхождения в традиционных ассоциациях, связанных с тем или иным цветом. Так, в большинстве случаев английский эпитет *black*, употребляемый в метафорическом смысле, может переводиться дословно, поскольку соответствует русской традиции. Например:

black market (англ.) – черный рынок

black Monday (англ.) – черный понедельник.

Тем не менее, в некоторых ситуациях метафорические функции данного эпитета в русском и английском языках расходятся, и в этом случае требуется замена. Рассмотрим некоторые примеры «цветовых эпитетов»:

black dog (англ.) – зеленая тоска

silver screen (англ.) – голубой экран.

Особую проблему создают при переводе метафорические единицы, принцип построения которых отличается в исходном и переводящем языках. В таких случаях преобразования могут быть весьма значительными, в частности, могут сопровождаться заменой самого стилистического статуса единицы, например, вместо исходной метафоры в пере-

водном тексте может появиться сравнение, метафорический эпитет или иной троп.

Так, английские метафорические обороты *hell of a job, a machine of a man, a ball of a head* (англ.) в переводе на русский язык неизбежно меняют свою стилистическую принадлежность, преобразуясь либо в сравнение – *не работа, а ужас; не человек, а машина; не голова, а кочан*, либо в эпитет – *автомат, кочан*, либо в метафору, основанную на другом принципе уподобления – *человек-автомат, голова-кочан*.

Системное моделирование и структурное преобразование применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках. Во многих случаях этого требует развернутая метафора. Данный тип трансформации заключается как в словесном, так и в грамматическом изменении исходного текста, если этого требуют различия в принципах комбинаторики между исходным и переводящим языками. Например:

I made several vendor visits to get my teeth into the heart of the problem (англ.) – *Для понимания глубины проблемы, я несколько раз проинспектировал завод-изготовитель.*

При переводе данного высказывания на русский язык сделаны следующие структурные преобразования исходных стилистических единиц: английская метафора *to get my teeth into the heart of the problem*, выраженная инфинитивной конструкцией, заменена на метафору *понимания глубины проблемы*, образованную с помощью отглагольного и абстрактных существительных. Кроме того, в переводе изменилась морфологическая структура высказывания.

Само по себе слово с яркой метафорической внутренней формой может и не являться предметом переводческого решения, если его употребление выполняет строевую функцию и не связано с функциональной доминантой высказывания. Рассмотрим как материал для перевода два предложения, содержащие образные единицы:

Поляна покрылась первоцветами: голубыми медуницами, рыжими огоньками и золотистой мать-мачехой.

Все подчеркнутые слова являются образными, однако их внутренний образ не влияет на коммуникативный эффект высказывания. Переводчик, обратясь к словарю, легко заменит названия цветов на соответствующие эквиваленты в ПЯ.

Для сравнения приведем другой контекст:

Медуница – она особенная, отделишь цветок от соцветия, возьмишь на язык, а он сладкий, словно медовый.

Понятно, что функциональной доминантой текста является раскрытие образа, положенного основу внутренней формы слова *медуница*.

Однако, ни в английском, ни в немецком, ни во французском языке в основе наименования данного цветка не лежит образная связь с *медом* (ср. *lungwort* (англ.), *pulmonaire* (фр.), *Lungenkraut* (нем.)), что ставит переводчика перед нелегкой дилеммой: с одной стороны, с необходимостью передать авторский замысел, с другой стороны, с невозможностью воспроизвести образ.

Итак, перевод образных единиц с метафорической внутренней формой сопряжен с рядом сложностей:

- признак, выделяемый в образном значении слова в оригинале, может не выделяться в словах языка перевода;
- либо соответствующей ассоциативно-образной характеристикой обладают слова, не являющиеся эквивалентами по другим аспектам значения.

Рассмотрим пример, когда на основе разворачивания метафорического образа построен целый контекст:

Dis, Papa, la souris craint le chat. La chauve-souris craint-elle le chat-huant? (фр.) – *Папа, мышь боится кошки. А интересно летучая мышь боится совы, у которой уши как у кошки?* (Э. Базен).

Авторский контекст построен на разворачивании двух параллельных образных линий *la souris* (*мышь*) – *chauve-souris* («лысая мышь» – *летучая мышь*) и *le chat* (*кот*) *le chat-huant* («ухающий кот» – *сова*), характерных для системы образов французского языка, но не свойственных русскому. Примечательно, что сводит воедино похожие образы внутренней формы слов ребенок, активно познающий мир, в том числе и через осознание слова. Сложную задачу переводчик решает путем контекстного прояснения образов. Картина в тексте перевода несколько меняется, ребенок из наивного миропонимания через слово переходит в тексте перевода в уже более осознанную позицию понимания мира через сформированные когнитивные механизмы, однако в целом переводчику удалось решить задачу раскрытия образа слова.

В следующем примере переводчику в силу системных несоответствий между языками приходится сменить образ:

Un vague sourire releva les coins de la bouche de la belle-mère... Puis la bouche essaya de se pincer et resta coincée quelques secondes comme par une invisible épingle à linge. – *Неопределенная улыбка подняла углы губ свекрови... Потом рот крепко сжался и на несколько минут остался в таком положении, похожий на зажим для белья* (Э. Базен).

В оригинале образ натянутой улыбки строится за счет образного глагола *coincer* (зацепить за углы) сведенного с опорным словом *coin* (угол). Текст рисует нам образ улыбки, которая растянулась и осталась

натянутой, как бы пришпиленной за углы невидимыми булавками. Переводчик сводит воедино два других слова *сжаться* и *зажим*, употребленные вместе они также рисуют образ, отличающийся, однако, от оригинального. Несмотря на то, что картинка образа не совпадает, настроение от образа, его коммуникативный эффект безусловно сохраняется.

Лекция 21. Прагматический потенциал отдельных текстовых элементов и его передача при переводе (продолжение)

План лекции:

- 21.1. Приемы перевода фразеологизмов
- 21.2. Перевод иноязычных вкраплений
- 21.3. Перевод сокращений. Проблема благозвучности перевода

21.1. Приемы перевода фразеологизмов

Фразеология составляет наиболее живую, яркую и своеобразную часть словарного состава любого языка. *Фразеологические единицы (ФЕ)* – идиомы – устойчивые сочетания слов, существующие в языке в готовом виде, а не образующиеся в процесс речепроизводства.

Подавляющая часть фразеологизмов обладает экспрессивной окраской, а также отличается национальным своеобразием. Основной особенностью фразеологизмов, по мнению многих современных исследователей, является несоответствие плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологической единицы, придает глубину, гибкость и образность ее значению.

Именно эти качества существенным образом влияют на перевод. Работа переводчика осложняется трудностью распознавания фразеологических единиц в тексте. Внешне они схожи со свободными сочетаниями слов, однако отличительной чертой ФЕ является комплексность значения, невыводимость смысла целого из смыслов составляющих ФЕ компонентов. Фразеологизмы, как правило, обладают либо полностью, либо частично переносным значением.

Казалось бы, наличие специальных двуязычных и одноязычных фразеологических словарей и выделение фразеологии в больших толковых словарях должны давать наиболее полное и точное ее описание. Однако словари далеко не всегда могут удовлетворить переводчика. Основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте.

Трудности перевода фразеологизмов начинаются с их распознавания в тексте. Например, английское выражение *to be in the dark* (англ.)

имеет непосредственное значение *находиться в темноте, впотьмах*; в то же время эта единица имеет устойчивое переосмысленное значение («второе дно» фразеологизма) *не иметь полного представления, быть неинформированным*.

Еще один пример: английский фразеологизм *to bite the bullet* имеет устойчивое переосмысленное значение *крепиться, стиснуть зубы*. В то же время эта единица может означать *оказаться в неприятной ситуации*, а также *с неохотой браться за что-либо* («третье дно»). В этом случае можно сформулировать сравнительно несложное правило для переводчика: как только в тексте появляется выражение, логически противоречащее контексту, следует рассматривать его как возможный фразеологизм.

Однако, несмотря на кажущуюся простоту, этому правилу не так легко следовать, о чем свидетельствуют многочисленные казусы. Например, в ходе одного из совещаний, менеджер по строительству произнес: *If we want to complete this Project on time, we are going to bite the bullet*. В данном случае переводчик распознал присутствие устойчивого выражения *to bite the bullet*, однако у него возникли сложности с его передачей на русский язык, т.к. вариант *кусать пулю* создал бы совершенно бессмысленный контекст. К счастью, ситуация позволяла выяснить значение данного фразеологизма, и переводчик предложил такой вариант: *Если мы хотим завершить проект во время, то нам придется работать, стиснув зубы*.

При переводе с русского языка на английский и наоборот встречаются несколько видов соответствий ФЕ. Первый тип соответствий обычно именуют *фразеологическими эквивалентами*. При их использовании сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в переводящем языке имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала, например: *Fortune favors the brave* (англ.) – *Удача сопутствует храбрым*. Использование полного фразеологического соответствия позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм. Однако необходимо учитывать, во-первых, что фразеологических эквивалентов сравнительно немного, а, во-вторых, что при заимствовании обоими языками одного и того же фразеологизма его значение в одном из них может видоизмениться. В результате эти фразеологизмы окажутся «ложными друзьями переводчика» – сходными по форме, но разными по содержанию. Например, английское *Jack of all trades* (англ.) и русское *мастер на все руки* по форме совпадают, но английский фразеологизм имеет отрицательную коннотацию. Полностью он звучит как *Jack of all trades and master of none*, что означает, что человек берется за мно-

гие ремесла, но не владеет ни одним. Надо сказать, что число фразеологизмов-эквивалентов между русским и английским языками крайне ограничено.

Ко второму типу соответствий относятся так называемые *фразеологические аналоги*. Когда переводчику не удастся найти фразеологический эквивалент, он смотрит, нет ли в переводящем языке фразеологизма с таким же переносным значением, хотя и основанном на ином образе. Например, для русского выражения *Мягко стелешь, да жестко спать* можно подобрать следующие английские функциональные соответствия:

The iron fist in the velvet glove (англ.).

A honey tongue, a heart of gall (англ.).

He cries wine and sells vinegar (англ.).

Так, один из американских участников Проекта по реконструкции Северной ТЭЦ, прощаясь с томскими коллегами, в своем электронном сообщении написал: *I wish you «fair winds and following seas» (англ.)*. В этом выражении явно прослеживается «морская тематика». Человек, написавший это послание, является капитаном первого ранга ВМС США в отставке. В русском языке существует подобное пожелание *Семь футов под килем и попутного ветра*.

Однако, при применении аналогов, необходимо внимательно анализировать прагматический потенциал ФЕ, который строится на использовании возможностей национально-культурного колорита, а также на традиции употребления ФЕ в строго определенных контекстах. Например, высказывание человека *A dollar is waiting for a dime (англ.)* (дословно: *Доллар ждет монету в десять центов*) может быть употреблено в адрес коллеги, опаздывающего на совещание, которого ожидают несколько человек. В русском языке существует похожая пословица *Семеро одного не ждут*. Между английским и русским выражениями наблюдаются различия в прагматическом потенциале. Английская пословица указывает на ее употребление американцем, занимающим более высокое положение, чем опаздывающий. Данное высказывание относится к разговорной лексике, и в ней присутствуют ирония и некоторая доля раздражения. Русская пословица выражает назидание общего плана.

Для подобного рода случаев можно сформулировать правило *функционального соответствия*: переводится не столько сама фразеологическая единица или даже ее значение, сколько та роль, которую она выполняет в исходном тексте.

Третий тип – фразеологические соответствия, созданные путем *калькирования* иноязычной образной единицы: Например: *Do not cast your pearls before swine(англ.) – Не мечите бисера перед свиньями*. Со-

ответствия-кальки обладают определенными достоинствами и достаточно широко используются в переводческой практике. Во-первых, они позволяют сохранить образный строй оригинала, а во-вторых, дают возможность преодолеть трудности, которые возникают, когда в оригинале образ обыгрывается для создания развернутой метафоры. Создавая соответствие-кальку, переводчик должен быть уверен, что образ в исходной единице достаточно «прозрачен» (мотивирован) и его воспроизведение в переводе позволит рецептору перевода понять передаваемое переносное значение.

В систему фразеологических единиц, которые калькируются при переводе, входят также различного рода исторические фразы, ставшие крылатыми выражениями. Некоторые из них приобретают большую универсальность и сравнительно легко воссоздаются при переводе, становясь, в свою очередь, фактом переводящей культуры. Например, выражение премьер-министра Великобритании, члена Консервативной партии, лауреата Нобелевской премии по литературе Уинстона Черчилля, произнесенного в радиообращении 1 октября 1939 года в отношении России: *It is a riddle wrapped inside a mystery inside an enigma* (англ.) (*Это загадка, окутанная тайной, покрытой мраком неизвестности*).

Полностью высказывание звучит так:

«I cannot forecast to you that action of Russia. It is a riddle wrapped inside a mystery inside an enigma; but perhaps there is a key. That key is Russian national interest» (англ.) – *Я не могу предсказать, как будет действовать Россия. Это загадка, окутанная тайной, покрытой мраком неизвестности. Но, возможно, к ее разгадке есть ключ. Этот ключ – национальные интересы России.*

Заметим, что хотя Черчилль говорил не о самой России, а о ее возможных действиях, его слова были охотно подхвачены политиками и журналистами и с тех пор употребляются для характеристики России⁸⁵.

Одним из наиболее сложных для перевода видов фразеологических единиц являются фразеологизмы, основанные на современных реалиях. Некоторые из них быстро становятся известными и получают широкое распространение, проникая в международные словари современной культуры. Такие фразеологизмы сравнительно легко распознаются в контексте и переводятся, как правило, посредством калькирования. Например:

a fair deal – *справедливое отношение, «справедливый курс»* (Гари С. Трумэн, 33-ий президент США (1945–1953));

---

⁸⁵Клюкина Т. Л., Клюкина-Витюк М. Ю., Ланчиков В. К. Политика и крылатика. Высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады (Англо-русский справочник-пособие). – М.: «Р. Валент», 2004. С. 49.

quick fix – быстро достигнутый результат, решение проблемы на скорую руку;

stay the course – устойчиво держаться курса, не сбиваться с правильного пути;

Wait and see – Подождем и посмотрим/Поживем – увидим/займем выжидательную позицию (принадлежит Герберту Генри Асквиту, премьер-министру Великобритании (1908–1916), члену Либеральной партии. Эта фраза часто повторялась в речах за 1910 год⁸⁶).

Другие ФЕ остаются преимущественно внутрикультурными, но, будучи весьма популярными в рамках исходной культуры, проникают в большое количество текстов и, следовательно, подлежат в каком-то виде переводу. Такие случаи предоставляют переводчику широкое поле для творчества. Для русской культуры и менталитета выражение *за державу обидно*, безусловно, ассоциируется с Верещагиным, начальником царской таможни, героем знаменитого кинофильма «Белое солнце пустыни» и может означать сожаление о плачевном политическом и экономическом состоянии России. Это выражение можно передать на английский язык посредством калькирования *I feel sorry/hurt for my country* (англ.), а затем следует в кратком виде дать объяснение ее значения. Например: *It refers to the weak state of Russia, which used to be a superpower* (англ.).

В свою очередь, переводчику на русский язык приходится проводить культурно-исторический поиск, прежде чем найти исходное именование для парафраза-фразеологизма *the Cradle of Liberty*. Название *Колыбель свободы*, закрепившееся за Бостоном в память о значительной роли в американской революции, понятно любому американцу, однако при переводе для русского Рецептора выражение требует контекстуальной обработки. В таких случаях используется калькированный перевод: *Колыбель свободы, Бостон*.

Ниже представлены примеры, где также применяется параллельный калькированный перевод:

the Land of the Rising Sun – страна восходящего солнца, Япония

the Sunshine State – «солнечный штат», официальное прозвище штата Флорида

the Big Apple – «Большое Яблоко», г. Нью-Йорк

the City of Angels – город ангелов, Лос-Анжелес

Windy City – «город ветров», Чикаго и т. д.

---

⁸⁶Примеры цитируются по: Клюкина Т. Л., Клюкина-Витюк М. Ю., Ланчиков В. К. Политика и крылатика. Высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады (Англо-русский справочник-пособие). – М.: «Р. Валент», 2004. С. 16.

Иногда переводчику не удастся воспользоваться ни одним из рассмотренных типов фразеологических соответствий. Например: английская идиома *to show somebody the ropes* имеет «морское» происхождение. Первоначально она означала *научить моряков пользоваться оснасткой мачты*. В русском языке у данной идиомы нет прямых соответствий, а калька *показать кому-нибудь канаты* не дает полного представления о переносном значении. Переводчик в данном случае вынужден довольствоваться скромным *вести в курс дела*, трансформировав, таким образом, идиому.

Наконец, устойчивые сочетания могут употребляться в качестве эвфемизмов – элементов, традиционно заменяющих названия некоторых, зачастую неприятных явлений действительности. Выражение *white death* (англ.) сравнительно легко переводимо, поскольку имеет практически международный статус. *Белая смерть* – способ именованья наркотиков, применимый в равной степени и в русской и в англоязычной культурах.

В то же время английское выражение *quick silver* (англ.), именуется *ртуть*, несмотря на наличие слова *mercury*. Сочетание *red tape* (англ.), означает *бюрократию, волокиту*. Являясь национальными способами наименования, подобные ФЕ создают трудности для переводчика.

Нередко переводчик прибегает к краткому объяснению значения фразеологизма. Приведем следующий пример: некоторое время назад российскому филиалу компании Вашингтон Групп было предложено принять участие в инвестиционном проекте в городе Томске⁸⁷. После рассмотрения предложения, было решено его не реализовывать. В неформальной беседе по поводу этого проекта один из членов экспертной комиссии сказал: *This Project is a mile wide and an inch deep* (англ.). Данное выражение восходит к эпохе освоения «Дикого Запада». Говоря о реке Платт, протекающей в штате Колорадо, говорились: *It is a mile wide at the mouth, but only six inches deep* (дословно: *устье шириной в милю, в глубину шесть дюймов*). В дальнейшем это выражение стали использовать для обозначения ситуации, когда пытаются охватить одновременно слишком много вопросов за слишком короткое время без их логической связи. В русском языке довольно трудно подобрать соответствующее образное выражение, поэтому как один из вариантов – объяснение ее переносного значения в кратком виде: *много затрат, а результат низкий*, подходит, на наш взгляд, и вариант *игра не стоит свеч*.

---

⁸⁷ Здесь и далее в данном разделе примеры А. В. Шевчука: Велединская С. Б., Шевчук А. В. Курс теории перевода для слушателей программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»: учебное пособие. – Томск, 2009.

В целом, имея дело с фразеологическими единицами, переводчик должен обладать не только знанием обоих языков, но и уметь анализировать стилистические и культурно-исторические аспекты исходного текста в сопоставлении с возможностями переводящего языка и культуры.

21.2. Перевод иноязычных вкраплений

В качестве иллюстрации путей перевода отдельных текстовых элементов, несущих дополнительную прагматическую нагрузку, рассмотрим случаи включения в текст иноязычных слов.

В лингвистической литературе для разных иноязычных и заимствованных элементов лексики и фразеологии встречается немало терминов: «иностранный слог», «чужое слово», «варваризм», «экзотизм», или «экзотическое слово», «макаронизм», «алиенизм», «заимствованное слово», или «заимствование» и др. Существует также термин *иноязычное вкрапление*, представляющий нам наиболее удачным.

Помимо большого количества слов иностранного происхождения, полностью ассимилированных современными языками, всегда существуют единицы, которые по-прежнему ощущаются как иностранные, однако вполне понятны любому образованному носителю того или иного языка. Частое использование иностранных слов и выражений происходит в результате международной интеграции, совместного осуществления научных и технических проектов, увеличения международного обмена информацией и расширения круга фоновых знаний обычных людей.

Иноязычными вкраплениями, в нашей терминологии, являются слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором текста или в речи для придания тексту или высказыванию аутентичности, создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии⁸⁸.

Иноязычные вкрапления не являются исключительным признаком художественной или публицистической речи. Даже работа на реальном производстве сталкивает переводчика как в письменной, так и в устной речи с некоторым количеством выражений и единичных слов на латинском, древнегреческом, испанском языках, а также более экзотическими вкраплениями, например, из языка идиш.

При включении иноязычных слов со стороны автора сообщения наблюдаются в основном два подхода:

---

⁸⁸ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1978. С.263

- автор вводит их без объяснений, рассчитывая, по-видимому, на контекстуальное осмысление и подготовку читателя или слушателя, или же, считая их элементами колорита, атмосферы, для ощущения которых не обязательно их смысловое восприятие, иной раз даже мешающее, т. е. важна форма, а не вложенная в нее информация;

- автор тем или иным путем доводит до читателя или слушателя их значение.

Для переводчика все это порождает дополнительные проблемы, поскольку ему необходимо принять решение о том, следует ли оставить иноязычное вкрапление без перевода или объяснений. Рассмотрим следующий пример:

Major activities of the SPPEP (Seversk Plutonium Production Elimination Project) include monitor preparations for shutdown (quid pro quo) of ADE-4 and ADE-5 plutonium production reactors as equivalent electrical and heating capacity becomes available (англ.).

Рассмотрев возможные варианты перевода латинского выражения *quid pro quo* (одно взамен другого) переводчик обнаружил, что наиболее близкими по значению являются следующие: *встречное удовлетворение, услуга за услугу, компенсация*. С использованием приема функциональной замены, был предложен следующий вариант перевода:

К основным работам в рамках Северского Проекта относятся контроль за подготовительными действиями по закрытию на компенсационной основе плутониевых реакторов АДЭ-4 и АДЭ-5 по мере ввода замещающих тепловых и электрических мощностей.

Наверное, можно было бы воспользоваться и *переводческим комментарием*, т. е. перевести это выражение в сносках. В подобных случаях возникает вопрос о том, что переводить или пояснять, а что будет понятно без пояснений. В отношении же самих переводов или комментариев необходимо помнить, что не следует переводить слишком легковерно, надо проверять не только точное значение таких вкраплений на языке, из которого они заимствованы, но и их «прибавочное» значение, полученное в заимствовавшем их языке или в употреблении автора (последнее касается особенно иноязычных слов и выражений, уже ассимилированных языком подлинника).

Второй вопрос касается того, что следует переводить и в какой мере. Очевидно, большое количество иноязычных вкраплений в тексте, как объясненных, так и необъясненных, затрудняет осмысление. Использование иноязычных слов с минимальными потерями для понимания возможно только в двуязычных странах (русский язык в бывших республиках СССР, шведский и финский язык в Швеции и Финляндии,

немецкий и французский языки в Швейцарии и др.). Но все эти случаи скорее исключения, чем правило.

Говоря же о свободе выбора переводчиком собственной стратегии, видимо, можно воспользоваться, но тоже не повсеместно, а в разумной мере, следующим рецептом: переводить на ПЯ важнейшие в смысловом отношении элементы, при этом намекнуть на атмосферу иноязычности сохранением в переводе, например, приветствия или кратких реплик, содержание которых ясно из контекста. Далее намеки на чужеродность речи можно при необходимости комбинировать с поясняющими *добавлениями*. Например:

Gary says he needs this job done, pronto (англ.) – Гари говорит, что эту работу необходимо сделать, и сделать быстро (замечает он по-испански).

Очень важна та степень знакомости вкрапления, которая иногда может делать перевод излишним, поскольку множество разноязычных пословиц, поговорок, крылатых слов, шаблонных выражений давно уже стали международными.

Однако, нередко трудность состоит в том, что вкрапление, понятное читателю или слушателю оригинала, может быть непонятно читателю или слушателю перевода. Часто автор сообщения уверен, что будет понят, и оставляет иноязычные элементы без пояснений; в то же время при переводе на другой язык они не доходят до нового читателя или слушателя: их содержание неясно, колорит стирается и переводчику приходится искать возможности подсказать его наличие в подлиннике. Нередко объяснительная фраза может в некоторой степени компенсировать утрату колорита.

Иноязычные заглавия глав или параграфов, встречающиеся в литературных произведениях – широко распространенное явление. Однако в технических документах с подобными иностранными вкраплениями мы не сталкивались. Это вполне очевидно, поскольку цель этого документа – быть максимально понятным читателю в предельно короткий срок.

Приведем примеры иностранных вкраплений, с которыми приходится сталкиваться на производстве. Это испанское *amigo* – *друг*. Заметим, что испанские слова очень распространены в американском английском, точнее в его разговорном варианте в силу параллельного существования этих языков в американской разговорной речи. Вкрапления–латинизмы:

ad hoc – для данной цели, специальный, специализированный
ergo – итак, следовательно
Memento – памятный подарок, сувенир
per diem – в день

per se – как таковой.

Греческие вкрапления:

alpha and omega (лат. из греч.) – самое главное, сущность
paraphernalia – личное имущество, инвентарь, принадлежности.

Займствования из языка *идиш*. Элемент *schmik* [ʃmɪk] может содержать очень разную эмоциональную оценку. Например, если отец говорит сыну (любя и без зла) *You little schmik*, то это, пожалуй, *Ах ты, паршивец!*⁸⁹. В нашем случае один из руководителей Проекта высказался о поставщике оборудования следующим образом: *I don't trust him, he is a real schmik* (англ.). Перевод звучит так: *Я не доверяю ему, он просто мерзавец.*

Интересные примеры иностранных вкраплений представлены в книге П. Палажченко «Мой несистематический перевод», изданной в 2004 году издательством «Р. Валент». Кроме того, имеются специальные словари иностранных вкраплений. Например, Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода и др.

21.3. Перевод сокращений

Среди текстовых элементов, имеющих культурно-бытовую специфику, и в силу этого, наделенных определенным прагматическим потенциалом, можно выделить также *аббревиатуры*, единицы полученные путем сокращения, либо соединения в одной форме элементов (букв, морфем) устойчивого сочетания или наименования. Рассмотрение особенностей перевода аббревиатур в рамках данного пособия, обусловлено их частотностью в текстах производственной сферы.

Форма сокращения присуща многим (1) терминам, (2) собственным именам, (3) реалиям, а некоторые из них могут представлять собой и (4) иноязычные вкрапления; исходные единицы (в развернутом виде) часто имеют форму (5) устойчивых сочетаний – составных терминов (названий).

В массе своей аббревиатуры связаны с научной, технической, экономической, а также разговорной лексикой. Они встречаются, прежде всего, в терминологическом тексте, в письменной речи, довольно часто в письменных электронных сообщениях. Однако теперь они все больше проникают в устную речь, причем, не только официальную, но и бытовую.

Сама по себе расшифровка сокращений не представляет особой трудности для переводчика: многие из так называемых морфологических аббревиатур достаточно ясны (*генплан, капремонт, промзона, хим-*

---

⁸⁹ Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь. – М.: «Р. Валент», 2004. С. 191.

водоочистка, циркуляционный насос, lub oil (lubrication oil) – смазочное масло, ref. number (reference number) – идентификационный номер и т. д.

Большинство сокращений, в том числе и инициальные *HP* (High Pressure – высокое давление), *LP* (Low pressure – низкое давление), *RPM* (revolutions per minute – (число) оборотов в минуту) и т. д. приведены в технических словарях, часто в конце, в виде традиционного приложения, в особых словарях сокращений, включающих и более специальные научные аббревиатуры, в электронных словарях («Multitran»), на специальных сайтах (www.sokr.ru) и т. д. В документах, сопровождающих деятельность переводчика на производстве список сокращений составляет, как правило, часть утвержденного сторонами глоссария, и приводится в начале каждого Рабочего Плана (Operations Plan), а также Рабочих Инструкций (Operations Procedures) как в бумажном, так и электронном виде.

Аббревиатура – слово с особой спецификой. Оно в сокращенном виде представляет другую единицу, из частей которой оно составлено, и, тем самым, содержит семантику исходной единицы. Именно эта двойственная природа аббревиатуры (наличие сокращенной формы и полной, развернутой исходной формы при одном содержании) вдвое увеличивает возможности ее передачи в ПЯ. Если обычное слово имеет два основных способа быть переданным на ПЯ: перевод и транскрипция/транслитерация, то для аббревиатур в рамках двух указанных способов существуют возможности быть переданными путем аббревиатуры, либо путем развернутого сочетания. Рассмотрим эти способы.

Перевод. Обладая, подобно термину, почти исключительно назывной функцией, аббревиатура переводится эквивалентом – названием того же референта на ПЯ, а при его отсутствии – названием близкого понятия. Например: русское *допсоглашение* (дополнительное соглашение к договору) довольно часто передается англ. *mod. agreement* (modification agreement), *MCR* (Main Control Room) передается как *ГПИЩУ* (главный распределительный щит управления) и т.д. По существу, переводом это можно назвать лишь условно, поскольку аббревиатура, как правило, собственного значения не имеет, а является уменьшенным отражением значения исходной единицы, которое и должно сохраниться в переводе.

Перевод аббревиатурой предполагает наличие (или создание) аналогичной аббревиатуры на ПЯ. Лучше всего, когда это уже утвердившаяся в языке единица.

В ПЯ сокращение может быть построено по той же модели: инициальная *РФ* (Российская Федерация) соответствует английскому *RF* (Russian Federation), *АСУ* (Автоматизированная система управления) *DCS* (Distributed Control System). Иногда модель построения аббревиатуры

меняется: *КИПиА* (контрольно–измерительные приборы и автоматика) в переводе на английский будет *I&C* (Instrumentation and Controls), *DOE* (Department of Energy) соответствует *МЭ США* (министерство энергетики США) и т. д.

Перевод развернутой формой применим в тех случаях, когда в ПЯ нет сокращения–эквивалента, либо когда переводчику оно не знакомо. Например, исходная русская единица *ПНД* (подогреватель низкого давления), широко распространенная в российской теплоэнергетике, передается на английский развернутым словосочетанием *low pressure heater*, *ПСГ* (подогреватель сетевой горизонтальный) переводится как *horizontal feed water pre–heater* и т. д.

В технических текстах, а также в устной речи происходит замена расшифровки своими сокращениями, опираясь на принятые в данной среде терминологические системы.

Перевод частично или полностью развернутой формой – это перевод исходной единицы, который должен быть максимально точен. Большею частью это кальки. Например, *COB* (Close of business) – *конец рабочего дня/ окончание работы*, *FAQ* (Frequently asked questions) – *часто задаваемые вопросы*, *TBD* (to be decided) – *подлежит уточнению* и т. д. Это наводит на мысль о необходимости учитывать правила грамматики ПЯ и не искажать язык буквализмами.

Перевод развернутой формой используется при передаче на английский язык элементов оборудования, материалов, названий должностей, не имеющих названий–эквивалентов в ПЯ. Например, *ГПП* (главный паропровод) переводится полной формой как *main pipe line*, *ШПП* (ширмовый пароперегреватель) на английский передается как *platen super-heater*, *стройдвор* – *construction yard*, *хозпитьевой водопровод* – *housekeeping drinking water pipeline system* и т. д.

Транскрипция (транслитерация). В ряде случаев сокращение переносится в ПЯ в его фонетической (транскрипция) или графической (транслитерация) форме, максимально приближенной к оригинальной. Это типично главным образом для передачи самого сокращения, но бывает, что таким же способом переносят и исходную единицу в ее развернутой форме. Рассмотрим производственные примеры:

Транскрипция/транслитерация сокращений характерна для обозначенных аббревиатурами названий, например, названий российских строительно–монтажных организаций: *МУ-20* (Монтажное управление №20, г. Северск) передается как *MU–20*, *ЮУМУ* (Южно-уральское монтажное управление) – как *YUMU*, *СТХМ* («Спецтеплохиммонтаж», г. Северск) – как *STHM* и т.д. Транслитерируется названия иностранных компаний. Например: *WGI* (Washington Group International) на русский

передается как *ВГИ*, *URS* (United Research Systems) на русском звучит как «Ю Ар Эс».

Довольно сложно проследить, какие единицы транскрибируются/транслитерируются, а какие подлежат переводу. Намечается тенденция к перенесению без изменений более популярных, с международным обозначением сокращений: названия фирм, организаций, институтов.

О транскрипции/транслитерации мы говорим и в отношении аббревиатур, являющихся только по происхождению сложносокращенными словами: английское *Telecom* (telecommunication system – система, позволяющая проводить телеконференции с участием двух и более участников, находящихся в разных местах), географические названия, такие как *Евразия*, *Бенилюкс* (Бельгия, Нидерланды, Люксембург), *Пакистан* (название составлено из букв П (Пенджаб), А (афганские племена), К (Кашмир), С (Синд) и слова ГАН, взятого из слова Белуджистан)⁹⁰.

К этой же группе примыкают и сокращения, в том числе и реалии, типа *Сбербанк*, *Росатом* (Федеральное агентство по атомной энергии), *Технадзор* (Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору), переносимые на английский язык тем же путем транскрипции.

Транскрипция исходной формы, вместо перевода, также встречается, хотя и довольно редко. Согласно нашим наблюдениям, она допустима в случаях отсутствия в ПЯ соотносимой формы. Так, американское *NASA* (National Aeronautics and Space Administration – национальное агентство по авиации и исследованию космического пространства) передается как *НАСА*.

Перенос аббревиатуры. В английском и русском языках, в основном в письменной речи, существуют сокращения, главным образом латинские, которые не отличаются по форме и значению и могут при переводе переходить из ИЯ в ПЯ без перевода и транскрипции/транслитерации. Например, *CV* (curriculum vitae) – *автобиография*, *резюме*. В устной речи это сокращение произносится как «си-ви».

Аналогичного плана сокращения: *P. S.* (приписка в письме) или *N. B.* (нотабене – «заметь», «не забыть», «учесть»). Особенно прочные корни имеют такие латинские сокращения в английском языке, где они заменяются при произношении английскими словами: *e. g.* (exempli gratia) англичанин прочтет *for instance, for example*; *i. e.* (id est) – *that is*. Традиция произносить собственными словами латинские сокращения касается нескольких аббревиатур и в русском языке: *LS* (locus sigili) –

---

⁹⁰ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1978. С. 16.

место для печати (в договоре), *ibid* (сокр. от *ibidem*) – там же, в том же месте и т. д.

Из того, что в русском языке встречается латинское *etc.*, отнюдь не следует, что, встретив его в английском тексте, переводчик может, не задумываясь, перенести его в перевод; в литературе оно, правда, встречается, но теперь мало употребительно и обычно переводится «и т. д.». Пожалуй, основным критерием при передаче подобных единиц является учет их распространенности и употребимости в речи.

Как и при переводе обычной лексики, приемы перевода аббревиатур обусловлены наличием, либо отсутствием в ПЯ эквивалентов и словообразовательных механизмов для их построения. Так, одно и то же сокращение может иметь полный эквивалент в одном языке и не иметь его в другом за отсутствием референта. Например, в сокращениях научных званий и степеней – английское *B. A.* (*Bachelor of Arts*) переводится развернуто *бакалавр гуманитарных наук*, а русское *к.ф.н.* приходится передавать не особенно понятным для англоговорящих *Candidate of Philosophy* (англ.). Иные сокращения передаются сокращениями же в одних языках, но полноценными словами в других. Так, очень распространенная в русском языке аббревиатура *КПД* (коэффициент полезного действия), передается таким же сокращением на болгарский, но полноценными словами-эквивалентами на английский – *efficiency*.

Несмотря на преимущественно назывную функцию аббревиатур, и как следствие, выраженности прежде всего предметно-логического значения, с употреблением сокращений могут быть связаны определенные прагматические факторы, выводящие сокращение в разряд текстовых прагмем. Неучет при переводе данных факторов может привести к ошибкам понимания, переводческим ляпсусам.

Одним из таких факторов является присущая ряду аббревиатур омонимия. Многие из сокращений имеют одинаковый или приблизительно одинаковый буквенный (слоговой) состав, одинаковую графическую форму, при почти полной немотивированности этих единиц (например, инициальных сокращений) даже в широком контексте создает ощутимые затруднения и становится причиной переводческих ошибок.

Например, при в Большом англо-русском политехническом словаре, мы обнаруживаем, что сокращение *RS* может обозначать следующие понятия: 1) *recommended standard* (рекомендуемый стандарт), 2) *record separator* (разделитель записей), 3) *register – store (operation)* (операция «регистр – память»), 4) *relay selector* (релейный селектор), 5) *remote station* (удаленный [дистанционный] терминал, 6) *reset key* (клавиша сброса; клавиша возврата в исходное положение), 7) *ringing set* (вызывное устройство), 8) *rolled steel* (катаная сталь), 9) *rotary switch* (1. поворот-

ный переключатель; 2. поворотный выключатель). Нетрудно заметить, что даже в специальном тексте не всегда можно быть уверенным в правильном выборе сокращений.

Высокая степень омонимичности сокращений имеется и в русском языке. Например, русское сокращение *ППР* может иметь 35 значений. В контексте теплоэнергетики мы встретили следующие: *план производства работ и планово-предупредительный ремонт*.

Как правило, аббревиатура является носителем только того значения, которое содержится в исходной единице. Встречаются, однако, сокращения, которые по той или иной причине имеют кроме него и другое, «привнесенное» значение. В таком случае можно говорить либо об омонимии – при совпадении формы аббревиатуры с полной формой другого, совершенно случайного слова (*ПИР* – *проектно-изыскательские работы* и *пир* – *богатое и торжественное угощение*), либо о многозначности – иногда между обоими значениями может существовать преднамеренно создаваемая семантическая связь.

С точки зрения перевода такие сокращения можно рассматривать как сложную переводческую задачу в тех случаях, когда необходимо передать на ПЯ запутанный клубок значений и намеков, представляющих собой игру слов.

Приведем несколько примеров аббревиатур-каламбуров: *АНЯ* – *кафедра английского и немецкого языков* (название одного из подразделений института языковой коммуникации ТПУ), *КИТ* – *коэффициент использования топлива* или *коммуникационные информационные технологии*, *КОТ* – *комплексное освоение территорий*; *САР* – *Corrective Action Plan* (план корректирующих мероприятий), *ТИР* – *terminal interface processor* (интерфейсный процессор), *ТОМ* – *Technical Operations Manager* (технический руководитель передачи), *ТОР* – *technical/office protocol* (технический/конторский протокол), *SNAP* – *standard network access protocol* (стандартный протокол доступа к сети) и т. д.

В случаях, когда автор намеренно пользуется двуплановостью или омонимией аббревиатуры, мы имеем дело с явлением, называемым *игрой слов*, или *каламбуром*. Успешное перенесение на язык перевода каламбуров – дело исключительно трудное, а порой невыполнимое. Сложно передать в переводе шутливую расшифровку американского *NASA* – *Never a straight answer* (никогда (недающее) прямого ответа). В своем действительном значении *National Aeronautics and Space Administration* (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства) в сокращении переносится

без изменения также и во французский и немецкий языки и транскрибируется в русском⁹¹.

С точки зрения передачи прагматического потенциала могут представлять интерес морфемные сокращения типа *допсог* (дополнительное соглашение), админ (администратор сети); английское *mod* (modification agreement) и т. д. Этот фамильярный оттенок (в словарях – разг. прост.) особенно бросается в глаза при обычном отсутствии коннотативных значений у аббревиатур и иногда может потребовать от переводчика некоторой изобретательности. Чтобы передать их, нередко приходится искать для него аналог среди русских синонимов – нейтральное, а возможно и пренебрежительное или шутливо-ироническое: *subs* (subcontractors) – *субчики* (субподрядчики).

Таких «неудобопереводимых» сокращений или, точнее, усеченных слов разговорного стиля достаточно много в американском варианте английского языка. Часто встречаемые: *admin* (от administrative – административный), *ref* (от reference – ссылка), *rep* (от representative – представитель), *revs* (от revolutions – обороты) и т. д. Такие сокращения переводятся обычно при помощи их развернутой формы, а возможные стилистические и эмоциональные оттенки компенсируются любыми доступными средствами.

И, наконец, немаловажным прагматическим фактором является проблема благозвучия при передаче аббревиатур. Речь идет о необходимости соблюдения эстетических норм ПЯ, чтобы избежать насмешек со стороны людей, для которых этот перевод осуществляется.

Реальная переводческая практика дает массу примеров переводческих «перлов». Приведем некоторые, по поводу которых авторам пришлось вносить коррективы в утвержденные глоссарии по эстетическим соображениям:

ЖППОП [жэ пэ пэ о пэ] – Железногорский проект по прекращению производства оружейного плутония (г. Железногорск Красноярского края, в котором выполняется программа, аналогичная Северской)
Английское сокращение *NNSA (National Nuclear Security Agency)*, переведено как *НАЯБ [най'аб] – Национальное управление по вопросам ядерной безопасности*

ОТЗОС [атз'ос] – охрана труда, здоровья и окружающей природы
ПУК – план управления конфигурациями (калька с английского CMP – Configuration Management Plan).

Без всяких сомнений, с подобными «шедеврами сокращений» необходимо бороться и ни в коем случае не допускать, чтобы они попали

---

⁹¹ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1978. С. 324.

на всеобщее обозрение. Делается это, прежде всего, путем разъяснения, убеждения и предложения более достойной аббревиатуры, замены на приемлемый аналог или отказа от сокращения (что менее всего предпочтительно). Сделать это не так просто, однако возможно. В случае, если не удастся придумать удачный вариант самому переводчику, можно обратиться за помощью к коллегам-специалистам по русскому языку и культуре речи.

В нашем случае более приемлемы, хотя далеко не идеальны, следующие варианты:

ПППЖ или просто Железногорский Проект

НАБЯОМ – Национальное агентство по безопасности ядерного оружия и материалов

ОЗТОП – охрана здоровья, труда и окружающей природы.

Вопросы и задания к Разделу VI.

1. Что входит в понятие прагматического потенциала текста и прагматического аспекта перевода?
2. Дайте определение и назовите причины прагматической адаптации.
3. Назовите несколько типов текстовых прагмем.
4. С чем связаны трудности перевода фразеологических единиц?
5. Какие особенности перевода иноязычных вкраплений вы можете назвать?

Основные понятия теории перевода и их определения

Антонимический перевод – это комплексная лексико-грамматическая замена, которая заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную:

Вид перевода определяет, средствами каких видов речевой деятельности он осуществляется (поэтому для этого и было выбрано слово «вид»).

Внутриязыковое содержание отражает соотношенность языковых знаков между собой и внутри системы языкового кода, не выходя за рамки данного языка. Обычно внутриязыковое содержание не реализуется, так как в большинстве случаев языковые знаки «прозрачны для значения», их связи между собой внутри языка носителями языка известны.

Генерализация – замена слова или словосочетания ИЯ с более узким референциальным значением на слово или словосочетание ПЯ с более широким референциальным значением.

Денотативное содержание – это та часть содержания текста, которая отражает объективные, наиболее существенные свойства предметов и явлений, не зависящих от точки зрения источника текста, ситуации общения, особенностей языка и лингвоэтнической специфики.

Добавление – представляет собой расширение текста подлинника, связанное с необходимостью полноты передачи его содержания, а также различиями в грамматическом строе.

Единицы перевода – минимальные оперативные частицы процесса перевода.

Исходный текст – текст, подвергающийся переводу.

Исходный язык – любой естественный язык, знаками которого закодирован исходный текст.

Компенсация – разновидность трансформации, касающаяся функциональных доминант текста, занимающих в иерархии компонентов содержания верхние ступеньки инвариантных и вариантно-вариабельных компонентов. Различается позиционная и разноуровневая (или качественная) компенсация.

Конкретизация – замена слова или словосочетания ИЯ с более широким референциальным значением на слово или словосочетание ПЯ с более узким референциальным значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной.

Межъязыковая интерференция – это проецирование специфических черт ИТ на ПТ, результатом которого оказывается нарушение норм, конвенций и дискурса ПТ. Эти нарушения могут затрагивать лексиче-

ский состав, грамматический строй, предметно-содержательные, лингвотекстуальные и культурные аспекты текста.

Однозначные эквиваленты – однозначные лексические соответствия, используемые в качестве готовых переводческих решений вне зависимости от контекста.

Описательный перевод – представляет собой лексическую замену с генерализацией, сопровождаемую лексическими добавлениями и построенную по принципу определения понятия, в том случае, если по каким-либо причинам не может подобрать эквивалент.

Опущения – представляют собой операцию сужения текста подлинника, в том случае, если речь идет об объективных расхождениях между языками. Контекстуальные опущения могут быть связаны с видом перевода, избыточностью традиционного словоупотребления.

Перевод – это деятельность, которая заключается в вариативном пере-выражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов язык, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности; перевод – результат деятельности.

Переведенный текст – текст, возникший в результате перевода.

Переводимость – принципиальная возможность достижения эквивалентности относительно всего текста или какой-либо его части.

Переводческая скоропись – фиксирование на бумаге смысловых опорных пунктов, выделенных в исходном сообщении для последующего воспроизведения каждого высказывания, содержащегося в нем.

Переводческая транскрипция – тип перевода, при котором каждой фонеме в составе слова исходного языка подбирается близкая по звучанию и артикуляции фонему переводящего языка.

Переводческая транслитерация – тип перевода на уровне графем.

Переводящий язык – любой естественный язык, знаками которого закодирован переведенный текст (перевод).

Перестановка – это изменение в переводе расположения (порядка следования) языковых элементов, соответствующих языковым элементам подлинника.

Письменный перевод – пере-выражение письменного текста, созданного на одном языке, в письменный текст на другом языке, осуществляемое переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов язык, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности.

Синхронный перевод – это вид перевода, при котором текст переводится почти одновременно с его произнесением (с небольшим отставанием).

Тип перевода характеризует перевод с точки зрения того, в каких пределах в переводе-тексте передается информация исходного текста (полно – не полно, обобщенно – детально).

Трансформация – переводческое преобразование, межязыковое преобразование, требующее перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне.

Устный последовательный перевод – это тот вид перевода, в котором переводчик переводит на слух 1-2 фразы или несколько больший фрагмент устного текста, который произносит оратор (или участник беседы), причем сразу после того, как эти несколько фраз произнесены. Такой вид перевода также называют абзацно-фразовым переводом.

Эквивалентность – мера соответствия переведенного текста исходному тексту, вне зависимости от цели перевода.

Экзотизмы (слова-реалии) – такие лексемы в языке, которые обозначают реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПОСОБИИ

ИЯ – исходный язык

ПЯ – язык перевода (язык, на который осуществляется перевод)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. СПб., 2004.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Междунар. отношения, 1975.
3. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск, 1992.
4. Бондарко А.В. Семантика предела / ВЯ. 1986. № 1.
5. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. – М.: УРАО, 1998.
6. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. Часть 1. – М.: УРАО, 2001.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М., 2000.
8. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Перевод с английского. – М.: «Р. Валент», 2005.
9. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. Перевод с английского. – М.: «Р. Валент», 2001.
10. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1978.
11. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. – М.: Междунар. отношения, 1977.
12. Гарбовский Н.К. Теория перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004
13. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов (под ред. Лузиной Л.Г.) Изд. 2-е, доп. - М, 1999.
14. Казакова Т. А. Практические основы перевода. – Санкт-Петербург: «Издательство Союз», 2001.
15. Калинина В.Д. Теория и практика перевода. Курс лекций. – М.: РУДН, 2008.
16. Караулов Ю.И. Русский язык и языковая личность. – ЛКИ, 2010
17. Клюкина Т.Л., Клюкина-Витюк М.Ю., Ланчиков В.К. Политика и крылатика. Высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады (Англо-русский справочник-пособие). – М.: «Р. Валент», 2004.
18. Коломейцева Е.М., Макеева М.Н. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004.
19. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: «ЭТС», 2002.

20. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа. 1999.
21. Кривых Л.Д., Рябичкина Г.В., Смирнова О.Б. Технический перевод. – М.: ФОРУМ, 2008.
22. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? – М.: «Готика», 1999.
23. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980.
24. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М., 1996.
25. Палажченко П.Р. Мой несистематический словарь. – М.: «Р. Валент», 2004.
26. Рецкер Я.И. теория перевода и переводческая практика. – М.: «Р. Валент», 2004.
27. Сдобников В.В., Петрова О.В. – Теория перевода. – М., 2006.
28. Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII вв. – СПб., 1989.
29. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М., 1983.
30. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. – М., 1976.
31. Чужакин А.П., Палажченко П.Р. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. – М.: «Р. Валент», 1999.
32. Чужакин А.П., Петренко К.В. Мир перевода – 5 Practicum. – М.: «Р. Валент», 2000.
33. Чужакин А.П. Мир перевода – 2 Practicum Upgrade. – М.: «Р. Валент», 1999.
34. Чужакин А.П. Мир перевода – 7 Прикладная теория устного перевода и переводческой скорописи. Курс лекций. – М.: «Р. Валент», 2003.
35. Чужакин А.П. Мир перевода – 3 Practicum Plus. – М.: «Р. Валент», 2000.
36. Швейцер А.Д. Теория перевода. – М.: «Наука», 1988.
37. Labourt L. Lettres(de Saint-Jerome, avec traduction)//Bells Lettres. Paris, 1949. Vol.8.
38. Michener James A. Centennial. – Random House, Inc., New York, 1974.
39. Mounin G. Les belles infideles. Lille, 1994.

Словари

40. Англо-русский словарь современных сокращений / В.А. Луцкевич, А.А. Иванова, Н.М. Поташников, И.А. Самойлова – М.: Русский язык, 2002. – 176 с.

41. Англо-русский словарь сокращений. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002. – 464 с.
42. Бабкин А.М., Шенденцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода – 2-е изд., исправленное. СПб.: «КВОТАМ», 1994. – В 3-х томах. Т. I
43. Бабкин А.М., Шенденцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода – 2-е изд., исправленное. СПб.: «КВОТАМ», 1994. – В 3-х томах. Т. II
44. Бабкин А.М., Шенденцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода – 2-е изд., исправленное. СПб.: «КВОТАМ», 1994. – В 3-х томах. Т. III
45. Большой англо-русский политехнический словарь: В 2 т. Около 200 000 терминов / С.М. Баринов, А.Б. Борковский, В.А. Владимиров и др. Т. I (A-L) – М: Русский язык, 1991. – 701 с.
46. Большой англо-русский политехнический словарь: В 2 т. Около 200.000 терминов / С.М. Баринов, А.Б. Борковский, В.А. Владимиров и др. Т. II (M-Z) – М: Русский язык, 1991. – 720 с.
47. Лингвистический энциклопедический словарь. Под редакцией В.Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
48. Рум А.Р. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. – 2-е издание, стереотип. - М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
49. Спирерс Р.А. Словарь американского сленга. – М.: Русский язык, 1991 – 528 с.
50. Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 576 с.
51. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.
52. Oxford Guide to British and American Culture for learners of English. Editir Jonathan Crowther, Assistant Editir Kathryn Kavanagh. Oxford University Press. 1999. 601 p.
53. **Электронные словари:**
54. www.sokr.ru
55. www.multitran.ru

Учебное издание

ВЕЛЕДИНСКАЯ Светлана Борисовна

КУРС ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Учебное пособие

Издано в авторской редакции

Научный редактор
*доктор филологических наук,
профессор С.Г. Проскурин*
Компьютерная верстка *О.В. Чекурова*
Дизайн обложки *А.И. Сидоренко*

*В дизайне обложки использована репродукция гобелена
мастера герцога Бедфордского «Вавилонская башня», 1423 г.*

**Отпечатано в Издательстве ТПУ в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета**

Подписано к печати 15.11.2010. Формат 60x84/16. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 12,11.
Заказ 1922-10. Тираж 100 экз.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Система менеджмента качества
Томского политехнического университета сертифицирована
NATIONAL QUALITY ASSURANCE по стандарту ISO 9001:2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ . 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30
Тел./факс: 8(3822)56-35-35, www.tpu.ru